

Татьяна Василевская
Легенда о героях. Великий поход

12+

Татьяна Михайловна Василевская

Легенда о героях.

Великий поход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36060017

SelfPub; 2018

Аннотация

Первый Советник Объединенной Империи, возможно, самой могущественной во всей вселенной, направляется с важной миссией в одну из колоний, входящих в состав великой империи. В силу непредвиденных обстоятельств Советник оказывается на маленькой неизвестной планете, милые добродушные обитатели которой очень похожи на людей... Совсем немного фантастики. Чуть-чуть фэнтези. Скорее всего, это сказка для взрослых. А почему бы и нет? Нам всем иногда хочется чудес, невероятных приключений и чего-то сказочного. Отважные герои и злые колдуны. Сражения с кровожадными чудовищами. А еще любовь, дружба, преданность. Извечная борьба добра со злом.

КОСМИЧЕСКИЙ ШТОРМ.

(8368 межгалактический год.)

Небольшой, по сравнению с военными или транспортными, корабль Первого Советника, двигался по направлению к границам империи. Дартмур сверился с навигационной системой, до пункта назначения оставалось немного, чуть больше суток пути. Великий Командор отправил своего посланника разрешить затруднения, возникшие в одной из галактик Объединенной Империи лиги миров. Неповиновение и бунты, прокатившиеся волной по одной из колоний Империи, обеспокоили Верховный совет, и Командор приказал Дартмуру разобраться с этим вопросом. Ему были даны полномочия, решить проблему любым способом. Два военных корабля, сопровождавших Первого Советника, свидетельствовали о том, что Верховный совет настроен очень решительно. Недовольные, вышедшие из повиновения, либо покоряться, либо будут уничтожены. Империя не терпела противившихся ее воле.

Дартмур посмотрел на своего помощника. Астон ему нравился. Он был молод, энергичен и исполнительен. В меру, честолюбив, и предан делу империи. Единственное, что немного раздражало Первого Советника, что Астон не был способен проникать в суть происходящего. Он был хорошим исполнителем, но, принимать решения, ему было не дано. Верные решения. Астон рубил с плеча, действовал всегда строго по инструкции, а Дартмур уже давно пришел к выводу, что

инструкции и правила не всегда могут подсказать лучшее решение проблемы. В каждой ситуации существуют свои нюансы. Что-то, что нужно понять и почувствовать, прежде чем начать действовать. Никогда Астону не стать Советником. В нем нет гибкости, способности мыслить не стандартно. Он не глуп, но и умен не настолько, чтобы занять столь высокий пост, о котором он мечтает.

–Советник, нас настигает шторм.– Оторвавшись от приборной панели, сообщил Астон.

–Ну и что?– Дартмур лениво повернул голову к приборной панели. Ну да показания выше нормы, но ничего страшного. Подумаешь, космический шторм. Их корабль достаточно защищен и способен выдержать и шторм, и метеоритный дождь.

–Приборы показывают, что этот шторм небывалой силы.– Обеспокоенно сообщил помощник.– Боюсь, наш корабль не выдержит. Может, стоит пришвартоваться к одному из военных кораблей.

Дартмур вздохнул. Какая скука. Ну почему Астон всегда такой зануда.

–Включи защитное поле и прекрати панику. Тащиться с военным кораблем, нет уж, увольте.– Дартмур взмахнул рукой, как бы призывая своего спутника действовать, а не наводить панику своими вечными опасениями.

Спустя час Дартмур увидел, что чернота за стеклом кабины управления начала приобретать багровый оттенок, то тут,

то там появлялись белые, похожие на электрические разряды, вспышки. Советник почувствовал как корабль, несмотря на защитное поле, завибрировал, даже уши немного заложило. Видимо шторм действительно оказался очень сильным, как и предупреждал Астон. Может, на этот раз стоило послушать мальчишку. Но теперь уже поздно раздумывать, кто из них был прав. Нужно выбираться отсюда и как можно скорее.

–Включи аварийное управление.– Приказал Дартмур. Астон тут же исполнил распоряжение командира. Он сидел в своем кресле, напряженно вглядываясь в приборы. Лицо было бледным и сосредоточенным. Он не обладал достаточной проницательностью и сообразительностью, но пилотом был отличным и опасность чувствовал безошибочно. И то, что сейчас Астон выглядел таким сосредоточенным и серьезным, давало понять, что они попали действительно в неприятную ситуацию. Дартмур был зол на себя. Иногда он бывал слишком самоуверен и упрям. Не лучшие качества для Первого Советника.

Вибрация прекратилась. За стеклом багровая темнота, сменилась желтоватой почти светлой мутью. Какое-то время они как будто плыли в желтом тумане, а потом, прямо перед ними из этого тумана возникла огромная, похожая на раскрытую пасть гигантского существа, воронка. Дартмур инстинктивно отпрянул назад, вжавшись в спинку кресла.

–Мы погибли!– почти шепотом сказал Астон.

Все завертелось, Дартмур слышал треск и грохот. Их крутило и вращало. Корабль швыряло из стороны в сторону как песчинку. Это продолжалось бесконечно долго. По крайней мере, Дартмуру показалось, что все это длилось целую вечность. В конце концов, он отключился.

Вокруг было почти темно. Только аварийное освещение, расположенное по периметру кабины корабля давало неяркий свет. Приборная панель была темной. За стеклом снова была привычная чернота. Шторм закончился, но с кораблем, явно, что-то было не так.

–Астон!– позвал Дартмур. Справа от него раздался слабый стон. По крайней мере, его помощник жив.

–Корабль вышел из строя.– Сказал Дартмур, дотрагиваясь до экранов на панели управления. Никакой реакции, экраны оставались безжизненно черными. Система навигации тоже не работала.

–Попробую переключиться на ручное управление.– Ответил Астон, потирая голову. На лбу у него вздулась большая шишка. Видимо пока их швыряло и крутило, что-то из того, что находилось в кабине, ударило его по голове.

–Я думал нам конец.– Пробормотал Астон, колдуя над приборами.

–Нужно было послушать тебя.– Сказал Дартмур. Он не обязан был извиняться, но он чувствовал свою вину. Из упрямства он подверг опасности не только себя, но и своего

помощника.

Через какое-то время Астону удалось запустить двигателя. Даже система ближней навигации, показывающая, не слишком отдаленные звезды и планеты, работала. Связи с военными кораблями не было. Астон прошелся по кораблю. Заглянул в блоки систем управления. Часть приборов вышла из строя и требовала замены. Но, самые, жизненно важные, к счастью, можно было восстановить.

—Нам нужно найти подходящее место для ремонта.— Сказал помощник.— Нужно приземлиться. В полете я не смогу все исправить.

—Хорошо. Значит нужно найти какую-нибудь планету. Надеюсь, нас не забросило в беззвездное пространство или в другое измерение.— Попытался пошутить Советник. Шутка не удалась. Астон совершенно серьезно и как показалось Дартмуру, с укором, посмотрел на него. Ну, что ж, он имеет право злиться. Командир, едва не угробил его, из глупой прихоти.

Они два дня проболтались в космосе, не имея понятия, где находятся. Система ближней навигации не показывала ни одного объекта поблизости от корабля. Правда они были готовы к тому, что могут провести так и не один месяц, но неизвестность, чувство потерянности и беспомощности, помимо воли давили на психику. Нетерпение и желание найти хоть, что-то возрастало с каждой минутой. Казалось, что во вселенной не осталось ничего, кроме их летящего в непро-

глядной тьме корабля. Чувство было неприятным, от него оба ощущали себя неуютно, хотя понимали, что это ерунда. Содержимое вселенной никуда не делось, просто их занесло куда-то, а у них нет возможности ориентироваться и понять куда именно.

– Вот так и сходят с ума. – Прокомментировал их ситуацию Дартмур. Астон снова предпочел промолчать.

– Мы входим в звездную систему. – Сообщил Астон к концу второго дня пребывания в неизвестности.

– Надеюсь, здесь найдется подходящая планета, на которую можно нормально приземлиться, а не воткнуться между каких-нибудь скал или завязнуть наполовину в болотах. – Проворчал Дартмур. «Наверное, перед тем как сойти с ума портится характер» – подумал он.

Планета была. Как нельзя более подходящая. С большими ровными открытыми пространствами. И на планете была жизнь. «Главное, что бы местная форма жизни оказалась не очень агрессивной» – усмехнулся Дартмур. Конечно, у них было оружие. И было не похоже, что эта планета, с какой-то сверх цивилизацией, которой они не смогут противостоять. Но заниматься починкой корабля и одновременно следить, чтобы тебя не убили дикари, или не сожрали, какие-нибудь неведомые твари, не очень удобно.

Корабль опустился на высоту, с которой можно было рассмотреть ближайшие окрестности. Картина была вполне

мирной. Даже красивой. Прямо под ними расстилалось бескрайнее поле, поросшее голубой травой. Вдали был виден лес. Живых существ поблизости не наблюдалось, но это и не удивительно. Животных наверняка, напугал корабль, а если здесь имелись разумные существа, то они либо тоже испугались и попрятались, либо, что вероятнее, это место просто находилось далеко, от мест их обитания.

Дартмур с удовольствием прошелся по голубому ковру, и, не удержавшись, провел по траве рукой. Она была приятной, шелковистой на ощупь. Он огляделся. Здесь было действительно красиво. Простор, тишина. Вон в отдалении уже появились птицы. А какие яркие красивые цветы то тут, то там проглядывают из голубой травы. Дартмуру здесь нравилось.

Взяв небольшой катер, он отправился исследовать планету. Астон, конечно, пытался напомнить, что по инструкции это не положено, но Дартмур, дал понять, что чихать ему на инструкции и помощник не посмел возражать. Он чтит установленные правила, а согласно им спорить с командиром запрещено.

Дартмур пролетел над лесом, и, заметив вдали, поблескивающую синюю гладь озера, направился туда. Эта планета все больше и больше нравилась Первому Советнику. Пожалуй, такой красоты он не видел нигде, хотя исколесил огромную империю, состоящую из десятков, даже сотен тысяч планет, вдоль и поперек.

Вода была холодной и очень чистой. Дартмур разулся и

с наслаждением опустил босые ноги в воду. Астон с ума бы сошел. Сейчас бы уже припомнил десяток инструкций запрещающих такие безрассудные действия. Конечно, это действительно безрассудно, неизвестно какой состав у местной воды, и что в ней и вокруг вообще может обитать. Но Дартмур уже забыл, когда в последний раз он совершал, что-то безрассудное. Видимо эта миссия, вообще подействовала на него странным образом. Сначала он пренебрег опасностью, и они попали в шторм. А теперь, вот разгуливает по неизвестной планете и как мальчишка сидит, разувшись на берегу озера и бросает камушки в воду. Дартмур улыбнулся. Он представил лица членов Великого Совета, если бы они увидели сейчас Первого Советника. Они, наверняка решили бы, что он лишился рассудка. Дартмур расхохотался. На душе было радостно и легко. На этой планете, опять же первый раз за долгое время, он вспомнил, о наличии у него этой самой души.

Это совершенно точно было каким-то поселением местных жителей. Судя по всему, они находились на довольно низкой ступени развития. Небольшие дома. Полное отсутствие техники. Дартмур опустил свой катер между деревьями и осторожно начал приближаться к поселению. Оружие было у него наготове. Кто их знает этих обитателей красивой планеты. Может они, сразу отрезают головы всем чужакам или хватают и волокут на костер, считая всех чужих колду-

нами или другой нечистью.

Его пока не заметили. Дартмур встал в тени деревьев, росших недалеко от крайнего жилища. Он решил понаблюдать. Ему не хотелось сразу угрожать оружием, давая понять, что сила на его стороне и с ним шутки плохи.

Местные жители на вид были вполне мирными. Улыбчивые, добродушные лица. То и дело слышался смех. Дартмур сделал вывод, что эти существа навряд-ли набросятся на него все сразу, как только он выйдет из-под прикрытия деревьев. И они хоть и не особо развиты, но далеко не дикари. Средневековье. Причем не темное и страшное, а вполне симпатичное. Счастливые лица, уютные улочки и дома. Была, не была, он сделал столько глупостей, запрещенных правилами, за последние дни, что еще одна ничего не изменит. Дартмур шагнул в сторону домов.

Взгляды жителей обратились к нему. В них читалось некоторое удивление, неожиданным появлением незнакомца, в странной, не похожей на их, одежде, но на каждом лице Дартмур видел дружескую улыбку. Сжигать на костре его точно не собирались, по крайней мере, пока. Он даже не заметил, как его рот расплылся в ответной улыбке.

–Приветствуем, тебя добрый путник.– Низко поклонилась Дартмуру пожилая женщина. Вслед за ней поклонились все находившиеся рядом. Дартмур, на всякий случай, поклонился в ответ.– Окажи нам честь, будь нашим гостем.– Женщина сделала широкий жест рукой, приглашая гостя пройти

во двор одного из домов.

—Старейшина занемог, уж прости добрый путник, что он не приветствует тебя как подобает. Но мы постараемся оказать тебе достойный прием и угодить, чем только сможем.— Сказала женщина, видимо, бывшая здесь за главную, вместо «занемогшего» старейшины. Может быть, его жена. Дартмур подавил улыбку, вызванную столь необычным и, в то же время, необычайно трогательным и искренним приветствием.

—С удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством.— Сказал он. Его ответ вызвал восторженные возгласы обитателей селения. Они так обрадовались, как будто Дартмур одарил каждого из них чем-то ценным, или пообещал невесть какие блага. Это был чудной, но симпатичный народ.

Дартмура накормили до отвала. Так вкусно и так много, он, казалось, не ел ни разу в жизни. Эти существа все были радостные, довольные. Старались угодить нежданному гостю, чем только можно. И они делали это так искренне, от души, что Дартмур, даже почувствовал некоторую неловкость и недовольство собой.

Местные жители пообещали устроить вечером праздник, по случаю появления в их деревне дорогого гостя. И Дартмур не нашел в себе сил отказаться и не оставаться на ночь в чудесной деревне. Ему было любопытно. Он ни на минуту не пожалел, что согласился остаться. Таких праздников он еще не видел. Не было, конечно ничего особенного. Деревенский праздник, без изысков и каких-то необычайных

развлечений. Но атмосфера уюта, доброжелательности и веселья, была непередаваемая. Эти люди были по-настоящему счастливы. Дартмур с легкой грустью подумал, что здешние обитатели самые счастливые из тех с кем ему доводилось встречаться. По правде говоря, чаще всего те с кем он встречался, вовсе не были счастливыми, а скорее наоборот. Ему постоянно улыбались, он улыбался в ответ. Пожалуй, за всю свою жизнь он не улыбался столько, сколько за один только сегодняшний день. Дартмур танцевал с юными красавицами, какие-то необычные, но очень веселые танцы. Попробовал стрелять из лука, но с непривычки промазал. Все пять стрел, которые ему дали улетели в сторону от мишени. Его угощали вкусным местным вином. Было весело и интересно. Но с каждой минутой на душе у Дартмура становилось все тоскливее. Эти люди ему ужасно нравились. Ему было жаль, что хоть он и обходит иногда инструкции и правила, но все же он Первый Советник Великого Командора. И его долг служить Империи. И ставить ее интересы выше всего остального, и уж конечно выше своих неожиданных симпатий. Дартмуру стало совсем грустно.

Рано утром, после сытного завтрака и с целой корзиной провизии «на дорогу доброму путнику», Дартмур покинул гостеприимную деревню. Закинув корзинку с аппетитно пахнущей едой на заднее сидение катера, Дартмур направился в столицу этой чудесной страны, Маасдару.

–Как дела с ремонтом?– поинтересовался Дартмур у по-

мошника, взволнованное лицо которого возникло перед ним на дисплее видеосвязи.

—Наконец-то! Я уже волновался, куда Вы пропали Советник.— Выпалил Астон. К счастью не упомянув про очередные нарушенные правила.— С Вами все в порядке?

Дартмур улыбнулся.

—Со мной все отлично. Я побывал на празднике у местных жителей. До отвала наелся настоящей домашней едой и спал на перине, набитой настоящим птичьим пухом. Как тебе? Завидуешь командиру?

—А вдруг в местной еде или воде присутствуют какие-нибудь...

—Астон!— оборвал помощника на полуслове Дартмур.— Если тут, что и присутствует, так только то, что приносит пользу. А не страшные яды или неизвестные вещества, разрушающие все внутренности. Забудь ты про дурацкие правила, хоть на время. Мы находимся неизвестно где, на неизвестной планете, которая необычайно красива и на которой живут добрейшие и милейшие существа, возможно во всей вселенной. Я запрещаю тебе быть таким скучным и правильным. Хотя бы пока мы находимся здесь. Так, что с кораблем?

—Двигатели и управление в исправности. Сейчас пытаюсь разобраться с системой навигации. Боюсь, еще день, два понадобятся.— Доложил Астон с немного виноватым видом. Вдруг Советник решит, что он там прохлаждается и не особо торопится.

– Не бойся. – Успокоил Советник. – Можешь не спешить.

Мне самому день, два понадобится, закончить местные дела.

– Советник... – Начал Астон, но дисплей видеосвязи погас.

Советник отключился.

Астон вздохнул. Первый Советник Великого Командора Объединенной Империи лиги миров свободных галактик, так полностью назывался высокий пост, занимаемый Дартмуром, иногда вел себя как неразумный ребенок. Один из самых приближенных к Великому Командору, обладающий почти безграничной властью, а так безрассудно разгуливает по какой-то неизвестной планете, совершенно не заботясь о собственной безопасности, нарушая все предписания и инструкции. Астон покачал головой. Хоть бы живым и невредимым вернулся. Ведь, в случае чего, с него спросят и даже под трибунал отправить могут. Да и вообще жаль будет, если, что-то произойдет. Первый Советник, несмотря на свои странности, вроде неплохой человек и начальник.

Стараясь не думать об опасностях, которые могут подстергать его командира, Астон принялся за дальнейший ремонт неисправных систем корабля.

Столица, как уже успел узнать Дартмур, единственной на всей планете страны, не разочаровала Первого Советника. Красивый город, с уютными улицами и симпатичными домиками, очаровывал простотой и в то же время благородством. Люди на улицах города улыбались друг другу. Жизнь

здесь, как и в небольшой деревеньке, в которой накануне так радушно встретили Дартмура, текла неспешно и спокойно.

Дворец вождя был больше всех других городских построек. Дартмура удивило отсутствие, неприступных крепостных стен вокруг дворца или хотя бы высокого забора или ограды, больших ворот с крепкими засовами и охранников или как там, в древности их называли стражников. Красивые резные ворота, ведущие во двор, были широко распахнуты. Заходи кто хочешь. Навстречу Дартмуру вышли двое молодых мужчин. Оба безоружные. Только за поясами длинные ножи. Если кто задумает посягнуть на жизнь вождя, то для охраны оружие слабоватое, отметил про себя Дартмур. Он приосанился, решив сразу показать, что он не шутки пришел шутить. Он официальное лицо и его намерения крайне серьезные. Дартмур открыл рот, что бы представится по всей форме, произнеся полное название занимаемого им поста, что бы вождю доложили о нем как положено. Но к его удивлению лица обоих мужчин расплылись в широких улыбках, и они склонились перед ним в поклоне.

–Приветствуем, тебя добрый путник.– Сказали они в один голос.– Окажи честь, будь гостем в доме вождя.

Дартмур вытаращился на них. Интересно, вождю они доложат, что к нему пришел добрый путник? Просто взял и забрел на огонек во дворец правителя страны, фактически правителя целой планеты.

Дартмур не стал кланяться в ответ. Ограничился кивком

головы. В маленьком поселении, где живут простые люди, и где он был просто гостем, это одно. Здесь он законный представитель величайшей во вселенной империи. И раскланиваться со слугами или даже с приближенными правителя какой-то маленькой захудалой планеты это уже слишком. Дартмура провели через красивые, но очень просто обставленные залы. Никаких особых украшений не было. Ни какой роскоши. Убранство дворца говорило, скорее не о бедности, а о равнодушном отношении к богатству.

Дартмур, занятый мыслями о речи, которую он произнесет, встретившись с правителем, даже не заметил, как одна из дверей открылась, и навстречу ему вышел мужчина с сединой в волосах, но еще достаточно крепкий. В его облике было, что-то величественное. Это и есть вождь, догадался Дартмур. Вот так, никаких докладов, никаких церемоний. Тут все просто. Хотя, может так и правильнее, мелькнула странная, почти крамольная, мысль в голове Первого Советника. Дартмур принял не менее величественный вид, чем шедший ему навстречу мужчина.

–Приветствую тебя, добрый путник.– Поклонился вождь. На лице его, естественно, сияла широкая улыбка.– Позволь предложить тебе отдохнуть с дороги и разделить с нами нашу скромную трапезу.

Дартмур постарался взять себя в руки, тут же кругом настоящее средневековье, чего он, собственно говоря, ожидал? Соблюдения протокола? Тут слова такого не знают. Чувствуя

себя немного глупо, Советник надменно произнес:

–Приветствую тебя вождь. Я, Первый Советник Великого Командора Объединенной Империи лиги миров свободных галактик Дартмур.

Длинная череда названий не произвела особого впечатления на вождя. Зато его то ли слуги, то ли помощники, скорее второе, так как никакого подобострастия по отношению к повелителю они не выказывали, смотрели на Дартмура почти восхищенно. Но он подозревал, что это восхищение вызвано отнюдь не смыслом его слов, а их количеством.

Вождь, не переставая улыбаться гостю, не моргнув глазом сказал:

– Первый Советник Великого Командора Объединенной Империи лиги миров свободных галактик, Дартмур, окажи нам честь и прими наше приглашение. Будь желанным и дорогим гостем в нашем доме.

Дартмур поморщился. Высокопарное и чрезвычайно длинное название его собственного поста, которое всегда раздражало его, вождь произнес полностью, конечно, только из вежливости. Изо всей этой билеберды, ни о чем ему не говорящей, он наверняка, понял только слова советник и великий, да то, что самого гостя зовут Дартмур. Никто здесь слыхом не слыхивал, ни о какой Объединенной империи. Для них она пустой звук.

– Советник Дартмур. Так будет проще и короче.– Сказал Дартмур, с ужасом представив, как все гостеприимные оби-

татели дворца, что бы сделать гостю приятное, начнут величать его полным длинным титулом.

—Советник Дартмур.—Улыбнулся вождь.— Вождь Векеса.

Вождь жестом пригласил гостя в зал, где молодые женщины в нарядных платьях, расшитых разноцветными узорами, быстро и ловко накрывали на стол. Смеясь и переговариваясь между собой, они ставили всевозможные кушанья, от которых исходил такой аромат, что Дартмур, хоть и сытно позавтракал в деревне, почувствовал, что действительно не прочь перекусить.

Во время еды Дартмур не стал говорить о деле. Не хотелось портить вкусный обед не самым приятным разговором. Вождь Векеса и другие собравшиеся за столом, весело и непринужденно переговаривались. Каждый старался угодить гостю, предлагая попробовать то одно, то другое. Дартмур, чувствовал, что уже даже дышать становится тяжело. Так всего было много и вкусно. Его старались развлечь забавными историями, над некоторыми из которых он и остальные присутствующие хохотали от души. Обед прошел приятно и Дартмур старался прогнать мысль о том, что не совсем хорошо, а честно говоря, совсем не хорошо, сначала воспользоваться гостеприимством обитателей дворца, а потом выложить то, зачем он, собственно говоря, явился. Но он был Первым Советником Великого Командора, и ему не пристало испытывать чувство неловкости за свои действия перед малоразвитыми представителями вселенной. Дартмур

решил быстренько закруглиться с обедом и сразу же переговорить с вождем. К счастью ему самому никто никаких вопросов не задавал. Видимо здесь было не принято приставать к гостям с расспросами. В деревушке, где он ночевал, его тоже никто ни о чем не спросил. Необычайно тактичный народ. Вот, наконец, девушки убрали со стола. Они тоже улыбались гостю приветливо, без какого-либо жеманства или страха. Пора, решил Советник.

—Благодарю за чудесный обед.— Вежливость еще никто не отменял, тем более, что Дартмур несколько не покривил душой. Обед был действительно превосходен.— Вождь, могу я переговорить с тобой наедине?

Векеса несколько удивленно посмотрел на гостя. У него не было секретов от своих людей. Но если гость желает, то это его право. Желание гостя это закон для хозяина. К удивлению Дартмура, Векеса не отослал своих людей, а предложил ему следовать за собой в другой зал.

—Я слушаю тебя Советник Дартмур.— доброжелательно сказал Векеса.

—Вождь, я уже сказал тебе, что являюсь Советником Великого Командора, правителя Объединенной Империи мировой лиги свободных галактик. Империя включает в себя сотни галактик и тысячи тысяч планет. Так, что ты представляешь себе ее могущество. — Дартмур не был уверен, что Векеса в состоянии представить всю огромность и могущество Империи, но звучало солидно и , по крайней мере сразу было ясно,

что это очень-очень большая империя.— Как Первый Советник правителя, я имею полномочия, находясь в любой точке вселенной представлять его, и представлять от его имени интересы империи. Ваша планета мне нравится. У Империи есть тысячи колоний, жители которых подчиняются воле правителя и платят Империи налоги. Есть тысячи и тысячи планет, на которых живут рабы, которые не имеют ни прав, ни собственности. Они сами собственность Империи и их единственная задача это трудится на благо империи. Жизнь там почти непереносима.— Дартмур внимательно посмотрел на Векесу, желая понять какое впечатление его слова произвели на вождя. Векеса перестал улыбаться, но смотрел на собеседника совершенно спокойно.— Повторюсь, мне нравится твоя планета вождь Векеса. Здесь живет славный народ. И здесь очень красиво. Я не желаю твоей планете зла. Поэтому я предлагаю всем жителям присягнуть в верности Великому Командору и Объединенной Империи, и я сделаю так, что бы твой народ платил минимальный налог в казну Империи. А вы в свою очередь, будете продолжать мирно и спокойно жить, не сильно обремененные платой за великую честь быть частью Объединенной Империи. Поверь, вождь, это очень хорошее предложение. Многие правители позавидовали бы тебе. Мало кому дается такой выбор. И вообще выбор.

—Нет.— Сказал Векеса спокойно. Дартмур усмехнулся про себя. Вождь не понял его. Он живет изолированно от других миров. Время на его планете как будто застыло.

–Вождь,– стараясь говорить мягко, попытался более доступно донести свою мысль Дартмур,– вероятно ты не понял меня. Раз я здесь, то твоя планета, считай, уже принадлежит Империи. Она уже ее часть. Но я даю тебе выбор. Будет ли твоя планета свободной и единственное, что изменится в жизни ее обитателей, это принадлежность к Объединенной Империи и необходимость выплачивать весьма умеренный налог. Это я тебе обещаю. Или, если ты начнешь противиться и не согласишься на мои условия, вас ждет участь превращения в колонию, и вы будете платить непосильные налоги, и твой счастливый народ станет беден и уже не будет так счастлив. А возможно, если уж вы совсем разозлите Великого Командора своим упрямством, вас всех превратят в рабов. Мне бы очень не хотелось такой участи для твоей страны и для твоего народа, вождь Векеса.

–Нет.– Снова сказал вождь. Дартмур разозлился. Ну, что за идиот. Он думает, что это шутка, что ли такая? Ему вообще повезло, что с ним обсуждают возможные перспективы. У других таких же маленьких планеток никакого выбора не было. С ними сделали то, что считали нужным и более целесообразным для империи. Советник уже хотел сказать, что дает время до завтра и уйти, но Векеса сам обратился к нему.

–Возможно твое предложение, Советник Дартмур, кому-то и показалось бы щедрым и великодушным. Но я говорю, нет. Мой народ не станет присягать неизвестному и не нужному ему правителю и чужой империи, сколь велика и

могущественна она бы не была. И мой народ не станет платить дань или, налог как ты это называешь. Ни большой, ни маленький. Мы не станем платить ничего. Если вашему народу нужна помощь, мы готовы оказать ее в качестве подарка, все, чем сможем помочь. Но ни о какой плате речи быть не может.

Дартмур смотрел на него почти печально. Как же он наивен. Не глуп, а именно наивен из-за своего незнания другой жизни, другого мира, с его страшными жестокими законами.

–Вас сделают рабами. И поверь мне очень жаль. Не упрямясь, согласишься на мое предложение.

–Нет. Я не могу согласиться, Советник. Мой народ всегда был свободен. Мы не станем платить, и мы не станем рабами. Мы не склоним головы ни перед кем.

–Тогда вас просто уничтожат. Всех до одного.– Устало сказал Дартмур. Он знал, что так и будет. И ему было жаль. Векеса пожал плечами.

–Возможно. Но мой ответ, по-прежнему, нет.

–Я дам тебе время подумать до завтра.– Сказал Дартмур. Он действительно надеялся, что вождь передумает. Обсудит с приближенными, поймет, что гордость не стоит таких жертв. Первый раз в жизни Дартмур пожалел, что он Советник. Бремя власти и долга давили на него в этот момент, пригибая к самой земле невероятной тяжестью. Зачем они только прилетели на эту дурацкую планету, про которую никто знать не знал до этого.

Векеса слегка поклонился Дартмуру.

—Я буду рад видеть тебя гостем в моем доме на сегодняшнюю ночь и еще на столько дней и ночей, на сколько ты сам пожелаешь. Но я не передумаю, Советник Дартмур, не хочу вводить тебя в заблуждение.

Дартмура проводили в большую, светлую комнату. В окно открывался вид на прекрасный сад, расположенный позади дворца. Дартмур залюбовался красотой и разнообразием растений. Буйством красок и форм. «Глупец, он готов погубить все это из упрямства и переизбытка гордости и самолюбия»— сердито подумал советник и отошел от окна, уже жалея, что дал время на раздумья и остался. Вождь не передумает. Он сразу это понял. В дверь постучали:

—Да!— крикнул Дартмур.

В комнату вошел Векеса. В руках у него была большая старинная книга. Дартмур взглянул с интересом. Рукописная. Очень-очень старая. Листы пожелтели от времени. Края толстой бумаги обтрепались. Дартмур испытал желание подержать «древность» в руках. Он был равнодушен к таким вещам. Они были настоящими, хранили следы прошлого, давно забытого.

—Что это за книга?— обратился он к вождю.

—Это история о Великом походе и о Великих героях.— Улыбнулся Векеса.— Возможно, тебе будет интересно почитать. У нас ее знает каждый ребенок. Мы чтим своих героев, даже спустя очень долгое время.

Векаса слегка поклонился гостю и вышел. Дартмур аккуратно открыл книгу и погладил немного шершавую бумагу, исписанную красивыми ровными значками с замысловатыми завитушками. Таких значков Дартмур никогда раньше не видел. Да это и не удивительно. Планета не входила в состав Империи. Ее жители, слыхом не слыхивали, о ее существовании. А Объединенная Империя, в свою очередь, не подозревала о существовании планеты. Так, что некому было прийти и сообщить живущим здесь, что теперь их язык и письменность это общепринятый единый язык и письменность Объединенной Империи. А то, что они считали своим родным языком и письменностью до этого должно быть забыто. Теперь у них нет права отличаться от остальных, теперь они часть Империи, ее собственность. Дартмур достал из одного из карманов комбинезона дешифратор письменности и провел им над несколькими страницами. Через несколько секунд экран дешифратора засветился голубоватым светом и на нем побежали строки переведенного текста. Дешифратор речи вживлялся членам Совета Империи прямо в мозг. Пятиминутная операция и ты уже понимаешь язык любых разумных существ во вселенной. Потому, что дешифратор считывал не сами слова а энергетические посылы мозга, того кто говорил. Ведь устная речь, ничто иное как способ передавать мысли и эмоции посредством звуков. Так, что совершенно не обязательно понимать слова. Не важно, как они произносятся. Важно только понимать посыл, который хочет до-

нести собеседник. Исключение составляли дикари, находившиеся на слишком низкой ступени развития. Их мышление было слишком слабым, да и язык, обычно был больше похож на бессвязные звуки, как у животных. Но племена дикарей обычно превращали в рабов. А понимать рабов совершенно не обязательно. Они должны работать, а их язык и их мысли никого не интересуют. Самых неразвитых, не способных понять, что от них требуется, Империя просто уничтожала. Зачем нужны бесполезные ничемные существа, не способные приносить пользу?

Дешифраторы письменности тоже можно было вживлять в мозг. Но члены Совета предпочитали этого не делать. Голова это все же не склад для всего, что только придумано цивилизацией. Зачем загружать свой мозг лишним и не настолько уж необходимым. Всегда можно воспользоваться переносным дешифратором, размер которого меньше ладони, а толщина не больше листа бумаги. Дешифраторы письменности вживляли в мозг, в основном, только шпионам или ученым-исследователям. Которым, по роду занятий, нужно было часто, и, желательно очень быстро, понимать смысл написанного на неведомом языке. Пробежав переведенный текст, глазами, Дартмур перевернул следующую страницу книги и снова провел над ней дешифратором. Он мог бы перевести все сразу и читать, не отвлекаясь, но ему нравилось прикасаться к плотной гладкой бумаге. Переворачивать страницу за страницей. Ему нравилось, как будто читать «по настоя-

щему», саму книгу, а не просто бездушный текст, появляющийся на светящемся экране. Через некоторое время он даже перестал замечать, что прежде чем прочесть, он проводит прибором над страницей, а потом смотрит на экран. Он ощущал себя полноценным читателем, его сознание слилось со старинной рукописью, полностью погрузившись в нее, в смысл того, о чем в ней было написано...

НАЧАЛО.

Великий поход.

«Рассказ о событиях, произошедших много столетий назад в нашей стране. Ибо не должны быть забыты, ни сами эти события, ни имена их участников, а должны жить в сердцах и памяти потомков прославленных героев совершивших великий подвиг для своего народа и своей страны, до тех пор, пока освещает земли прекрасной Терлы голубой свет Зериса и дарит им тепло и жизнь.»

Рассказ составлен на основании подробного изучения летописей, свидетельств и иных документов сохранившихся с тех далеких времен. Сии бесценные записи были любезно предоставлены нам Хранителем истории и законов Терлы, мудрейшим Изиваем.

Составлено и записано Дагостой, потомком прославленного воина Дакарэйя, участника Великого похода в земли Су-

мрачной страны, при помощи и участии моего наставника и учителя Макдармса, именуемого у нас Странником, пришедшим со звезд.

С давних времен земли нашей прекрасной страны, простирающиеся от берегов Великого океана до подножия Скалистых гор, плодородны и полны жизни, тепла и света. Наши далекие предки жили на них в мире и согласии долгие тысячелетия, не зная несчастий и бед, радуясь и не переставая удивляться и восхищаться необычайными красотами и щедростью этих земель. Земля Терлы, так же как и сейчас давала богатые урожаи, леса были полны дичи, а реки и озера, с чистой водой, рыбы. У жителей страны всегда было вдоволь еды и всего, что им было нужно для жизни. Все это давала им добрая щедрая земля Терлы и светлый Зерис. Много тысяч лет назад, предки терлиан, владели некоторыми способностями к магии. Они умели призывать дождь, останавливать бурю. Они могли погасить пожар и вернуть воду в пересохший источник. Некоторые из них умели понимать язык животных и даже растений. Способности свои они использовали осторожно, лишь по необходимости и только во благо. Так жили обитатели нашей страны до тех пор, пока не произошло, однажды, событие изменившее жизнь всего народа на долгие столетия.

Тщательно изучив документы и свидетельства тех далеких дней, бережно хранящиеся в библиотеке дворца вождя,

я и мой досточтимый премудрый учитель и наставник, не найдя никаких более ранних упоминаний о начале описываемых здесь событий, пришли к выводу, что началось все в четырнадцатый день третьего месяца 3168 года терлианского летоисчисления. Именно в тот день случилось первое событие, с которого, как мы полагаем, и начинается вся эта история.

Со стороны дороги, соединяющей между собой несколько небольших деревень, расположенных в приграничной со Скалистыми горами части страны, в деревню Сараст явились странные гости...

Дартмур улыбнулся. «Похоже на сказку. Ну, что ж, посмотрим...». Советник любил сказочные истории, хотя, конечно, никогда не смог бы признаться в этом ни одному представителю Объединенной Империи. Это было недопустимо. Человек его положения, облеченный такой властью, а соответственно ответственностью перед Советом и Великим Командором, не может быть подвержен глупым увлечениям подобной чепухой, годной только для низших сословий.

Макдармс, Макдармс... Что-то знакомое, очень знакомое, так и вертится в голове. Дартмур рассмеялся. Эта планета с ее сказочным средневековьем странно действовала на него. Воображение разыгралось не на шутку. Нужно быть осторожнее, а то так из Первого советника в мечтателя и романтика можно превратиться. Совету это не понравится.

Продолжая посмеиваться, Дартмур поудобнее устроился на огромной мягкой постели и в предвкушении удовольствия от занятной истории, почти с детской радостью принялся за чтение старинной книги.

Однажды...

(14 день третьего месяца 3168 года терлианского летоисчисления /5056 межгалактический год.)

Казалось, что темные фигуры возникли из-ниоткуда. Они просто опустились на дорожную пыль прямо из воздуха. Осмотревшись вокруг, они направились по дороге в сторону, видневшихся вдали домов. Удивляться такому странному появлению было некому. В это время, трудлюбивые терлианцы, наработавшись за день, крепко спали в своих кроватях. Так, что свидетелей случившегося не было. Три темных силуэта двигались молча и бесшумно. Можно было даже подумать, что они не идут, а плывут над дорогой, не касаясь ее, по крайней мере, ни одного следа на дорожной пыли за ними не осталось. Странные ночные путники добрались до окраины деревушки и на некоторое время остановились, осматривая дома, улицу, видневшиеся за домами поля и выгоны для скота.

«...С первыми голубоватыми лучами света странные гости вошли в деревню...»

– Ой! Смотрите-ка!– всплеснув руками, вскрикнула жена старейшины и побежала к двери.

По дороге, по обеим сторонам которой стояли дома жителей деревни, шли трое путников. Все трое были одеты в одинаковые длинные темные плащи с капюшонами. Все трое очень высокие, но один из путников все же был чуть пониже других.

– Доброго Вам утра, дорогие гости. Откуда же вы так рано пожаловали? Заходите скорее в дом, должно быть, устали ночью идти, да еще пешком!– взволнованно окликнула незнакомцев жена старейшины. В других домах тоже начали открываться двери. Жители выходили на улицу, приветливо улыбаясь нежданым гостям. Путники остановились, обвели взглядами добродушные улыбающиеся лица.

Жители деревни, стараясь скрыть любопытство, негоже тарашиться на гостей, все же с интересом, пытаясь делать это как можно незаметнее, разглядывали пришедших. Все трое, двое мужчин и одна женщина, были похожи не только одеждой, но и чертами лиц. Черные волосы, темные, почти черные глаза. Очень белая, даже немного отдающая в голубизну кожа. Терлианцы и сами были белокожими, но забредшие в их деревню путники были, как будто вылеплены из снега. Небывалая, невиданная красота, идеально правильных черт лиц всех троих поражала с первого взгляда. Красота холодная, не живая. Такая, на которую, смотришь и понимаешь, что то, что ты видишь прекрасно, но желания приблизиться,

прикоснуться не возникает. Потому, что от этой красоты веет холодом, в ней как будто бы нет души.

Путники разительно отличались от местных жителей. Но у терлианцев не принято приставать с расспросами кто, да откуда. Захотят, сами потом расскажут. А не захотят, так их дело. А забота жителей деревни гостей с дороги приютить. Дать им отдых. Накормить от души. А если пожелают подольше погостить, то устроить в честь гостей праздник с угощением, выпивкой, танцами и песнями. А может гости, по крайней мере, мужчины, захотят принять участие в охоте. В общем, дело хозяев гостей принять, как положено и развлечь. А гости если пожелают, расскажут о себе, а не пожелают, неволить их никто не станет. Гостя на Терле чтут и уважают и считаются со всеми его желаниями. Так испокон века было. Гость это великая радость и он всем должен быть доволен.

Путников отвели в дом старейшины. Отвели им две лучшие комнаты. Хозяйка с дочерьми принесла воды умыться с дороги и чистую одежду, переодеться, предложив пока почистить их собственную, наверняка запылившуюся за время пути. Гости отказались. Хозяйка пожалала плечами, ее дело предложить их отказаться. Да и в самом деле на длинных темных плащах не заметно было ни дорожной пыли, ни брызг грязи из какой-нибудь случайно встретившейся на дороге лужи. Слегка удивившись, добрая женщина тут же забыла об этой странности, за другими, более важными забо-

тами.

Гости сидели на широкой лавке. Хозяйка и несколько жительниц деревни, не переставая широко улыбаться гостям искренними радостными улыбками, ставили на стол перед ними миски и чашки с аппетитной, вкусно пахнувшей едой. Женщины беспрерывно болтали, предлагали попробовать то одно, то другое. Гости сидели, в основном молча. Вежливо благодарили за угощение, но ели мало, а вернее сказать вообще почти не ели, а так по чуть-чуть попробовали некоторые угощения, скорее создав видимость, что едят. За все время, что они находились в деревне, никто из них ни разу не улыбнулся. Говорил, в основном только один из мужчин, и то мало, только по необходимости, отвечая на немногочисленные вопросы хозяев. Уклончиво и, в основном односторонне. Женщина вообще ни слова не сказала, сидела с отрешенным видом, глядя мимо суетящихся вокруг местных женщин, погруженная в какие-то свои мысли.

Старейшина, видя, что гости, не то чтобы не довольны, но то ли скучают, то ли привыкли к чему-то другому, решил спросить, может быть дорогим гостям чего-нибудь хотелось бы, а они по своему неразумению не могут угадать, что бы им предложить, чем порадовать.

Тот, что до этого отвечал на вопросы, слегка улыбнулся, вернее, дрогнул уголок рта. Но видимо, у таких, неулыбчивых, как странные гости это заменяло нормальную улыбку.

– Спасибо. Все прекрасно.– Сказал он. Голос у гостя был

красивый, в нем чувствовалась сила.— Мы с женой и братом, просто не привыкли много есть. Мы благодарны вам за прием и всем довольны.

Старейшина расплылся в улыбке. Слава теплomu свету Зериса и матери Терле, гости довольны, а большего хозяину дома и не нужно.

Гости сказали, что останутся ночевать в деревне и по случаю радостного события вечером устроили пир. Трое гостей сидели на почетных местах. Рядом с ними, с одной стороны, сидели старейшина с женой. С другой, лучший охотник деревни Ярko, добывший для сегодняшнего праздника оленя. Мясо, которого считалось вкуснейшим деликатесом на Терле. Если парень собирался жениться, он должен был поймать оленя и привести родителям девушки, в знак уважения и того, что он просит руки их дочери. Неделю назад Ярko привел точно такого же красавца к воротам дома любимой. И сейчас она с гордостью смотрела на жениха, с которым совсем скоро рука об руку войдет в новый, их общий дом, который сейчас строят для молодых сообща все жители деревни.

По традиции, охотник, добывший оленя, должен был перед началом застолья сам перерезать зверю горло, а потом приготовить нежное мясо на углях. Развели костер. Ярko подошел к животному сбоку, чтобы не пугать его. Как принято, попросил у него прощения и пожелал его душе взнестись к светлomu Зерису, что бы встретиться там с душами всех его предков. Терлианцы верили, что у каждой живой твари

есть душа и никогда не губили без надобности ни зверя, ни птицу. Только, что бы прокормить себя и своих близких.

Ярко достал из-за пояса остро наточенный охотничий нож. Умелая рука ловко взялась за морду зверя, в последнюю секунду олень почувал неладное и хотел дернуть шейей, но Ярко был умелым охотником и быстро взмахнув ножом начал опускать руку вниз, что бы одним точным движением, без мучений, перерезать оленю глотку.

Сидевшая прямо напротив Ярко гостья слегка, почти незаметно, подалась вперед. В ее холодном взгляде, постоянно устремленном сквозь пространство, впервые за все время пребывания в деревне промелькнуло оживление и заинтересованность, а прекрасные губы тронула едва заметная улыбка. Тонкие пальцы точеной руки сжались в кулак и тут же снова расслабились.

Ярко вскрикнул и выронил окровавленный нож. Острый клинок воткнулся в землю у ног бьющего копытами животного. Все присутствующие ахнули.

– Ярко!– закричала юная невеста охотника и бросилась к любимому, срывая на бегу с шеи нарядный платок, чтобы перевязать рассеченную лезвием ножа руку.

Никогда такого не было, что бы лучший охотник, да вообще любой охотник поранился, перерезая во время праздника горло оленя. Поднялась суматоха. Женщины кинулись помогать с раной. Нож, видимо вошел глубоко, кровь никак не останавливалась, а Ярко стоял бледный, морщился от бо-

ли и видно было, что он с трудом сдерживается, хотя бывало, получал во время охоты раны потяжелее, и стойко переносил боль. Невеста с плачем прижималась к его груди, а он, преодолевая боль и неизвестно откуда взявшуюся слабость, гладил ее по голове и успокаивал.

Старейшина, пробормотав извинения гостям, мол, вот ведь какая незадача, поспешил к поранившемуся охотнику. Жена старейшины, бросив случайный взгляд в сторону гостей, заметила на губах женщины слабую улыбку, и как ей показалось торжествующее выражение. Тут же некстати вспомнилась совершенно чистая после долгой дороги одежда гостей. Жена старейшины помотала головой, отгоняя дурные мысли. Нет страшнее греха, чем подумать плохо про гостя.

Спутник прекрасной гостьи слегка повернулся к ней и, как могло бы показаться со стороны, что-то сказал, хотя губы его и оставались неподвижны. Женщина посмотрела на него и едва заметно кивнула, а когда вновь повернула голову к суетившимся вокруг Ярко жителям деревни, лицо ее вновь было таким же непроницаемым и отрешенным, как и раньше, и взгляд опять устремлен куда-то сквозь происходящее вокруг.

Кое-как кровь, лившуюся из раны, остановили. Оленя отпустили. Потому, что, значит, не судьба ему была, погибнуть сегодня. В общем, праздник догуляли так себе. Настроение у всех пропало и если бы не присутствие гостей, то вообще

все гуляние сразу бы свернули, не до веселья.

Встав утром пораньше, что бы успеть приготовить для гостей завтрак повкуснее, жена старейшины пошла на сеновал будить дочерей, куда их отправили ночевать на время пребывания в доме чужаков. Проходя мимо комнат, отведенных гостям, жена старейшины остановилась. Двери обеих комнат были открыты. Она осторожно заглянула внутрь, сначала в одну, потом в другую. Обе комнаты были пусты. Хозяйка дома выбежала на улицу, посмотрела по сторонам. Кругом было пусто и тихо, только в паре домов зажглись огоньки. Деревня еще только-только начинала просыпаться. Загадочные гости ушли. Не попрощавшись с хозяевами, не поблагодарив за радушный прием. Как пришли неожиданно-негаданно, так и ушли, не известно, куда, под покровом ночи. Жена старейшины задумчиво смотрела в сторону дороги. Чувство смутной тревоги не покидало старую женщину. И даже мысль, что думать так о гостях нельзя и нехорошо несколько не помогала. На душе было беспокойно и, к сожалению, не от того, что гости покинули дом без хорошего завтрака и не благословили его, как принято у терлиан, в знак того, что гости всем довольны и благодарны хозяевам.

Никому, ничего не говоря, жена старейшины продолжала размышлять о странных гостях. Узнав о том, что они покинули дом ночью, никому ничего не сказав, все домочадцы повздыхали, попереживали, значит, чем-то не угодили, не сумели оказать должный прием, но долго мучиться пере-

живаниями не пришлось. Через пару часов прибежала невеста Ярко. Вся в слезах. Сбивчиво, пытаясь справиться с рыданиями, рассказала, что Ярко всю ночь метался по кровати, горячий как огонь. Они с его матерью чего только не перепробовали и отвары из трав, и целебные корни, и даже заклинания, хотя терлианцы использовали магию редко и неохотно. Ничего не помогает. Ему становится хуже и хуже.

Собрались, пошли к дому Ярко. Там уже собралась часть жителей деревни. Старейшина с женой зашли внутрь. Через несколько минут старик вышел на улицу. Жена осталась в доме, помогать ухаживать за больным.

– Ума не приложу, что делать.— Сказал старейшина печально. Молодой, всеми любимый парень угасал на глазах. Едва взглянув на него, старейшина понял, что долго он не протянет. Только вот в чем причина. Не из-за раны же на руке. Смешно даже. От такого пустяка бывалый охотник, да даже и не охотник, не слег бы. Терлианцы были крепким народом.

– Может он нож не прокалил над огнем, перед тем как оленя резать?— спросил старейшина у друзей Ярко стоявших рядом с опущенными головами и печальными взглядами. Ни какой другой причины такого состояния молодого охотника старейшине просто в голову не приходило.

– Да нет. Прокалил. Я сам видел.— Сказал один из парней и поспешно отвернулся, чтобы никто не заметил, что на глаза ему наворачиваются слезы.

Ярко метался в жару еще два дня. Рана на руке покрылась странными язвами. Рука распухла. Молодой охотник стонал от нестерпимой боли. На третью ночь он, наконец, уснул. Измученные мать, невеста и несколько других женщин из деревни, которые по очереди сменяли друг друга, что бы ухаживать за Ярком, тоже прилегли отдохнуть, пока больной спит. С первыми лучами невеста Ярком открыла глаза и тут же кинулась к его кровати. Страшный безутешный крик боли и отчаяния разбудил спавших в доме женщин и жителей ближайших домов.

Начало событий.

«...Спустя неделю после странного появления среди ночи на дороге трех путников и посещения ими маленькой гостеприимной деревни, в другой деревушке, расположенной совсем близко к скалистым горам произошло еще одно очень странное и еще более драматическое событие...»

Рано утром пастух деревенского стада миус, вместе со своим младшим сынишкой отправился на пастбище, расположенное в нескольких километрах от деревни, что бы сменить своих старших сыновей. После полудня в деревню на загнанном турлонге* примчался сын пастуха. Жители деревни бросились к зареванному, дрожащему мальчику. Не сразу, а лишь немного успокоившись и придя в себя, сынишка пастуха смог рассказать о случившемся на пастбище. Вы-*

слушав рассказ, жители деревни сначала не могли поверить в услышанное. Не то, чтобы они не верили словам мальчика, на Терле не принято врать, и никто никого никогда не обманывает. Но то, что поведал сын пастуха, было настолько необычно и чудовищно, что просто не вязалось со всем привычным образом жизни обитателей деревни, да и всей страны в целом. Произошедшее было неслыханным и люди, слушая маленького пастушка, не могли принять и осознать смысл слов сказанных несчастным ребенком...»

Добираясь до пастбища, отец с сыном весело болтали, представляя как сейчас обрадуются старшие братья и как добрые ласковые миусы начнут тыкаться мягкими доверчивыми мордами в ладони, выпрашивая кусочек лепешки или просто в ожидании, что их погладят и почешут за ушами. Мальчик уже полез в карман за припасенной для миус лепешкой, когда лесок, отгораживающий пастбище от дороги, закончился, и взору всадников предстала жуткая, совершенно невероятная картина. Миусы, все пять десятков, лежали посреди голубой травы с перерезанными глотками. Отец приказал сыну оставаться на месте, а сам поскакал по полю, искать старших сыновей. Два старших сына пропали бесследно. Отец, обезумевший от горя, и не в силах понять, что могло произойти, велел сыну мчаться в деревню и сообщить о том, что случилось. Никаких крупных хищных зверей на Терле не водилось. Никто из жителей никогда не под-

нял бы руку на милых добрых доверчивых миус, и уж точно не лишил бы жизни сразу несколько десятков животных непонятно для чего. Никто, из услышавших рассказ мальчика, не мог найти объяснения случившемуся. Несколько мужчин, захватив топоры, луки и охотничьи ножи, оседлали турлонгов и отправились к пастбищу. Сына пастуха, рвавшегося ехать вместе с ними, кое-как уговорили остаться в деревне, где женщины окружили его заботой и вниманием, предлагая всякую вкуснятину и болтая с ним о пустяках, лишь бы отвлечь бедного ребенка от пережитого страшного потрясения.

«...Поздно ночью возвратились мужчины. Они обыскали все вокруг пастбища, но старших сыновей пастуха не нашли. Безутешный отец отказывался ехать в деревню и согласился только после того как остальные убедили его что ночью искать бесполезно и всем нужен отдых, а поиски будут продолжены на следующий день.

Поиски продолжались еще несколько дней, но молодых терлианцев так и не нашли...»

Белый маг.

Много лет назад он был Белым магом. Он жил на планете где наряду с обычными смертными жили Белые маги. Они были могущественны. Они не были колдунами или волшебниками. Они были скорее исследователями вселенной и

умели управлять временем и пространством. Они не были добры. Но и злыми их тоже нельзя было назвать. Они были гордецами, свысока и равнодушно смотрящими на смертных. Не причиняя им вреда, но и не желая вмешиваться в их мелкие дела. Высшая каста. Живые существа, вообразившие себя богами. Он и сам был таким. Смотрел на всех свысока и равнодушно, занятый только своими исследованиями, своим предназначением, как он считал. Он был очень могущественным Белым магом. Одним из самых сильных. Он мог перемещаться во временно-пространственных коридорах так далеко и так надолго как почти ни один другой Белый маг.

А потом он встретил ее. Она была простой смертной. Обычной женщиной, с его планеты. Казалось, в ней не было ничего особенного, она ничем не отличалась от других таких же, как она смертных женщин. Но как только он увидел ее, он понял, что пропал. Погиб. И ни какая власть, никакое могущество ему не нужно, если рядом не будет ее. Когда он подошел к ней она улыбнулась. И эта улыбка осветила все вокруг. Он взял ее за руку и спросил, согласна ли она быть с ним, и она ответила: «Да». И в тот момент он впервые пожалел, что бессмертен. Потому, что одна короткая жизнь с ней, это так мало по сравнению со всей оставшейся вечностью. И он решил попробовать отыскать рецепт бессмертия. Ведь вселенная бесконечна. Где-то вполне может найтись ответ как сделать обычного человека бессмертным.

Когда он сказал ей об этом, она рассмеялась, и, погладив его по щеке, сказала, что не хочет бессмертия. «Мне достаточно прожить с тобой одну обычную жизнь. — Сказала она. — Счастье не может быть бесконечным. Иначе оно потеряет свой вкус». Он тогда не понял ее. Он даже рассердился. Он решил, что она думает только о себе. А как же он? Как он будет потом без нее? И он решил искать, просто больше ничего ей не говорить. А когда он найдет, она поймет, как это здорово, целая вечность вместе. Он стал отправляться по коридорам пространства и времени все дальше и все на более и более долгое время. Когда он возвращался к ней, он видел в ее глазах грусть. Как-то она спросила его: «Ты все продолжаешь искать?». Он ничего не ответил, но она прочла ответ в его глазах. Ему показалось, что ее глаза стали еще печальнее. «Не гоняйся за призрачной, никому не нужной мечтой. — Сказала она. — Лучшее проведи со мной рядом то время, которое у нас есть. Ведь потом может оказаться, что ты потратил то что было впустую, не получив взамен ничего». Каким он был глупцом. Он подумал тогда, что она говорит вздор и ничего не понимает, потому, что она смертная, а им не дано понять высших существ, таких, как он.

Вернувшись, после очередных бесполезных поисков он застал ее с маленьким ребенком на руках. «Это твой сын» — улыбнулась она. Он был счастлив. И он был зол на себя. Он даже не заметил, сколько времени его не было, сколько времени он скитался. Мальчик рос очень быстро, и почти сра-

зу стало понятно, что ему передались силы и способности отца. Он Белый маг. И очень скоро они вместе смогут совершать свои путешествия во вселенной. Ему нужно только немного подрасти. А она снова смотрела на него грустно, видимо догадываясь, о чем он думает. И он решил, что теперь он просто обязан найти для нее секрет бессмертия, потому, что теперь у них есть сын. И они всегда должны быть все вместе. И он с еще большей одержимостью пустился на поиски.

Однажды, Старейший призвал всех Белых магов на Большой совет. «Нашей планете угрожает опасность»— сказал он. На вопросы, что за опасность, откуда это известно, Старейший не смог дать ответа. Он сказал, что просто знает. Каждый, из присутствовавших в зале Белых магов, решил, что старик начинает выживать из ума. Что бремя власти становится для него непосильным и пора дать дорогу молодым. У всех были свои важные дела. Никто не захотел задержаться и подумать, попробовать расспросить, хоть что-то узнать. В конце концов, Старейший же не мог просто так пригласить их всех. Просто из стариковской причуды. Но все были слишком значительны и важны в собственных глазах, что бы снизить до таких никчемных, не интересных для них рассуждений, более пристойных простым смертным, чем им, Высшим существам, лучшим из лучших. Старейший смотрел печально, понимая, что никто из них его не поддержит. А один он не справится. Он уже

старик, а опасность слишком велика. Бессмертный не значит вечный. Белые маги тоже старели и постепенно теряли силу. Только если люди старели, превращались в бесполезных, бессильных стариков за семьдесят-восемьдесят лет, то Белым магам были отпущены тысячелетия. Но даже тысячелетия когда-нибудь заканчиваются. И тысячелетия Старейшего подходили к концу.

Он тоже не придал значения словам Старейшего. Просто старик всегда беспокоится по пустякам. Вернувшись домой, он застал ее и сына хохочущими посреди кухни. Мальчик пристально смотрел на очаг, делал движение рукой и огонь вспыхивал. А она сильно надувала щеки, дула на огонь и он гас. После этого они оба начинали хохотать. А потом она подхватила сынишку на руки и они, продолжая смеяться, повалились на толстый пушистый ковер. Они выглядели такими счастливыми. И он, глядя на них подумал, что, может быть, она права и не нужно ничего искать. Вот оно счастье. Здесь и сейчас. А он тратит это время, когда можно просто жить. Быть счастливым сегодня, а не в призрачном неопределенном будущем.

«Я отправлюсь на поиски в последний раз. Если ничего не найду, то так тому и быть» – решил он и со счастливой улыбкой вошел на кухню и улегся рядом с ними. Это был самый счастливый день в его жизни. Они втроем. Счастливые и беззаботные. И ее глаза были наполнены любовью и счастьем.

Ночью он сказал ей о своем решении. «Может быть, ты просто останешься?»— спросила она. Он обнял ее, крепко-крепко прижимая к себе. Ну как она не понимает? Он просто хочет всегда быть с ней. Он должен попытаться, в последний раз.

Утром он отправился в путь. На этот раз он скитался несколько месяцев. Он не нашел секрета бессмертия. Но на одной очень далекой планете он нашел удивительные растения. Живые деревья, способные передвигаться по земле, читать мысли живых существ и излечивать болезни. Пусть не бессмертие. Но хоть болезни теперь можно преодолеть. Он был счастлив, скользя по коридорам пространства и времени, все ближе приближаясь к ней и к сыну. К дому, который он больше не покинет, потому, что у него есть они. Он был почти у цели, когда почувствовал, как горячая волна обжигает его и отбрасывает назад. «Нееет!»— закричал Белый маг с такой силой, что его легкие едва не разорвались. Он чувствовал жар, тянущейся к его коже, к его белоснежным одеждам. Его швыряло в пространстве и во времени, и он сам уже не мог управлять своим передвижением, выбирать и менять направление. Но ему было все равно. Ему было все равно, что случится с ним. Его планеты больше не было. А вместе с планетой не было больше ее. И его маленького сынишки тоже больше не было. Было только семечко живого дерева в кармане, способное излечить болезни. Только лечить больше было некого. Его долго швыряло и носило

по коридорам. В конце концов, он потерял сознание, а когда очнулся, то увидел что лежит посреди поля поросшего мягкой шелковистой голубой травой. Белый маг встал на ноги и огляделся вокруг. Далеко впереди виднелся край поля, а дальше был виден океан. Маг посмотрел назад. Там был лес. Маг пошел в сторону океана. Он любил воду. На его планете тоже были моря и океаны. Реки, озера. Была она и их маленький сыншика. Маг шел по мягкой голубой траве неизвестной ему планеты, по его щекам, впервые в жизни, текли слезы. Раньше он даже не знал, что умеет плакать. Почему он не послушал ее и не остался. У них было бы несколько месяцев. А потом их вместе не стало бы. Вместе. Какое прекрасное слово. Большие уже никогда ничего не будет вместе. Все оставшиеся тысячелетия. Он, в отличие от старейшины, которого он не послушал, к сожалению еще очень молод. У него впереди еще много этих тысячелетий. Тысячелетий одиночества.

Шум океана становился все громче. Дойдя до воды, маг сел на песок и начал смотреть вдаль. Ему больше нечем было заняться в этой жизни. Оставался только один выход, смотреть вдаль еще несколько тысяч лет.

Первыми он увидел птиц. Они кружили над волнами, видимо выискивая в воде рыбешек. Потом одна из птиц подлетела к нему и села на песок почти рядом, разглядывая его блестящим выпуклым глазом-бусинкой. Птица не боялась и

спустя пару минут подошла к нему вплотную и даже ткнулась клювом ему в ладонь. Он ничего не имел против птиц. Пусть прыгают рядом. Они не мешают ему смотреть вдаль в ожидании пока пройдут отпущенные ему тысячелетия. Но спустя какое-то время на берегу появились существа, удивительно похожие на смертных, живших на его планете. Он не хотел видеть или слышать этих существ. Маг поднялся и пошел в противоположную сторону. Сзади раздались крики. Детский голос. Этот голос звал его. Веселый, звонкий. Маленькая девочка. Она подбежала и широко улыбаясь, заглянула ему в глаза. Он не улыбнулся в ответ. Он не мог. Он не хотел ее видеть. Маг хотел закричать, напугать ее. Лишь бы она ушла. Но девчушка, как будто почувствовав, что ему плохо погладила маленькой испачканной прилипшим песком, ладошкой его большую руку. Белый маг посмотрел на нее и погладил растрепанную голову, с развевающимися на ветру золотистыми длинными волосами.

Он жил на планете уже несколько десятков лет. Он старался как можно меньше общаться с ее жителями. Они были славным народом. Не похожим ни на одних разумных существ, встреченных им за время долгих, многочисленных скитаний по вселенной. Не внешне. Внешне они как раз мало отличались ото всех остальных. Они были не похожи на других своей не испорченностью, если можно так сказать. Своей чистотой. Простодушные, добрые, не умеющие врать.

Они больше напоминали детей. Он бы полюбил их, если бы в его сердце еще осталось место для любви. Если бы у него вообще еще осталось сердце. Но они ему нравились. Они не были назойливы. Уважали его желание жить отшельником. Ни один из них, ни разу не задал вопросов о его прошлом. О том, как он здесь оказался и почему хочет жить один. Сами-то они были улыбочивые, смешливые. Любили поболтать друг с другом. Были душа нараспашку, наивные, бесхитростные. Иногда ему даже было жаль, что он не может больше любить.

Очень редко, когда просто не было другого выхода, они обращались к нему за помощью. Если они приходили, он знал, что дело действительно серьезное. Обычно его просили помочь вылечить кого-нибудь. Он помогал. Ему было не трудно. Они не виноваты, что он все потерял. А они заслуживают небольшой помощи. Он уважал их. Хотя раньше, когда он еще был Белым магом, он, наверное, просто посмеялся бы над ними. Назвал бы их наивными простаками. А может и просто глупцами. Но теперь он изменился. И теперь он больше не Белый маг. Он больше не могущественный и всесильный. Теперь его сил хватает только на то, что бы вылечить пару, тройку жителей планеты или, например, помочь найти потерявшихся детей. Большие дела ему теперь не под силу. Он потерял свой дар в тот миг, когда раскаленный воздушный поток отшвырнул его в пространственно-временном коридоре назад, в противоположную от его гибнущей планеты

сторону.

Когда Белый маг увидел, как по берегу к нему приближаются несколько терлиан, а один из них, судя по осанке, взгляду и исходящей от него внутренней силе, вождь, он понял, что на этот раз случилось, что-то серьезное.

Говорил вождь. Остальные молчали. В их отношении к своему предводителю не было подобострастия. Только уважение и почтение. И это тоже понравилось в них Белому магу. Он снова подумал, что мог бы полюбить этот народ, если бы еще мог любить. Он даже подумал, как счастлив-бы он мог быть, с ней и с их сыном, живя на этой планете, среди них, чистых благородных душ.

Выслушав рассказ вождя, Белый маг хотел сказать, что ему жаль, но на этот раз он ничем не может помочь. У него больше нет его силы. Нет дара. Он больше не Белый маг. Все, что у него осталось это тысячелетия одиночества. Он ничего еще не сказал, но вождь понял его без слов. Он увидел ответ в его глазах. Вождь встал, поклонился, благодаря за то, что принял их и выслушал. Он не осуждал его. Это их дела. Чужеземец не обязан вмешиваться, он не обязан решать проблемы жителей планеты. Вождь и его люди направились к выходу.

– Я с вами.– Сказал Белый маг. Пускай, он не мог полюбить их. Но он не мог и оставить их в беде. Опять закрыть на все глаза и остаться в стороне. Однажды он уже сделал так

и все потерял. Ему больше нечего терять, но он не допустит повторения. Попробует не допустить. А если не выйдет, то ему, по крайней мере, не придется ждать тысячелетия, сидя на берегу океана и глядя вдаль. Он широко улыбнулся, чего не делал уже много-много лет, и повторил.— Я еду с вами. Терлиане дружно улыбнулись в ответ.

Синее поле.

«...Когда начали происходить драматические события, молва быстро разнесла новости о странных, трагических происшествиях в маленьких деревушках. После этих случаев какое-то время все было спокойно, ничего больше не происходило. Но случившееся не забылось. Чувство беспокойства и тревоги поселилось в сердцах жителей страны, никогда не знавших других бед, кроме разыгравшейся стихии, или несчастных случаев, время от времени случавшихся с охотниками или при строительстве домов. Но эти несчастья были понятны и объяснимы. Они были волей случая, несчастливой судьбой, проявлением неосторожности или легкомыслия. То, что произошло сейчас, было необъяснимо, казалось совершенно беспричинным и потому пугало, заставляло чувствовать себя неудобно. И, даже, опасаться за своих близких, за весь привычный образ жизни. У терлиан не существовало представления о зле. Наводнение или пожар не были злом. Они были случайным бедствием. Они могли унести жизнь, но в них не было чьего-то умысла. Огонь,

разгораясь и превращаясь в пожар, не стремился погубить чью-то жизнь намеренно. Он не задавался целью принести боль и страдание. Он просто горел, сжигал то, что встречалось на его пути, без разбора. Он не стремился сжечь что-то или кого-то специально. Он просто горел, потому, что такова его природа. Сейчас же кто-то или, что-то намеренно приносило обитателям Терлы страдания, боль и даже смерть. Зло вошло в жизнь простодушных, добрых людей. И они, даже еще не осознавая этого, чувствовали, что это только начало, что теперь их жизнь станет совсем другой. Теперь изменятся и они сами, не по своей воле, а по воле обстоятельств вторгшихся в их радостный, беззаботный мир.

Прошла пара недель после исчезновения сыновей пастуха и гибели стада миус. Жительницы всей Терлы, так как новость о Ярке, и о сыновьях пастуха, уже успела облететь всю небольшую страну от края до края, носили траур. Траур по охотнику Ярке. Нельзя носить траур по пропавшим, может быть они еще живы. Всегда должна оставаться и жить в сердцах надежда. Но в глубине души каждый понимал и страшился этого понимания, что молодых парней, навряд-ли кто-нибудь когда-нибудь снова увидит. Живыми или даже мертвыми.

Новости дошли до дворца вождя. Собрали Совет, на котором было решено отправить из глубь страны, туда, где произошли трагедии, отряд посланников вождя, что бы как

следует разобратся в случившемся и выяснить причину. Вождь хотел отправиться сам, но после долгих раздумий, выслушав советы самых мудрых и уважаемых членов Совета, он принял решение отправить во главе отряда сына своего друга и советника Ярмира. Юного, но уже успевшего заслужить уважение своей смелостью, ловкостью и сообразительностью Абигу. Возглавить отряд, отправленный вождем по важному делу, большая честь. Старый Ярмир напутствовал сына. Дал, как положено отцу, наставления и благословил участников похода. Ярмир смотрел вслед отъезжающим от дворца посланникам с нескрываемой гордостью. Не зря он прожил жизнь. Верой и правдой служил своему народу, воспитал достойного сына.

Через пару дней ко-дворцу вождя подъехали два запыленных, усталых всадника. Взмыленные, загнанные быстрой ездой турлонги хрипели и фыркали. Приехавших, тут же, провели к правителю. Они сообщили, что в нескольких деревнях, расположенных неподалеку от скалистых гор начал пропадать скот. А в одной деревне две девушки отправились в лес за ягодами и не вернулись. Выслушав известия, вождь распорядился послать вдогонку отправленному им отряду гонца с последними новостями, а себе и нескольким приближенным велел седлать турлонгов. Нужно было ехать к отшельнику, жившему на берегу океана. Так жители страны звали Белого мага. Он никогда не говорил, откуда он, почему живет один. Не называл своего имени. Но вождю казалось,

что он может что-нибудь посоветовать, может быть даже чем-то помочь, или хотя бы объяснить, что же такое происходит в их стране ...»

Много лет назад отшельник спас жизнь девочки, которую унесло сильное течение, а затем прибой выбросил ее на камни. Девочка умирала. Отшельник, как всегда сидевший на берегу, и не отрываясь смотревший на океан, сам подошел к терлианам, пытавшимся спасти девочку. Было понятно, что ничего сделать нельзя, но отшельник подошел и молча взял израненное маленькое тело на руки. Он отнес девочку в свой дом. Что он там делал, никто не видел, но потом он вышел и позвал рыдающую мать и брата девочки внутрь. Девочка была жива. Раны, конечно никуда не делись, но жизнь девочки была спасена. После этого, терлиане иногда, когда не оставалось никакой другой надежды, осмеливались обратиться к отшельнику за помощью. Он никогда не отказывал. Он не был волшебником и не всегда мог помочь. Но если мог, то помогал, иногда оставаясь в своем доме с больным по несколько часов. После этого он выходил уставший, но видно было, что довольный, и сообщал, что все хорошо. Терлиане считали, что он наделен особыми способностями. Что у отшельника есть дар и сила. Может быть он даже немного волшебник, хотя и отрицает это.

Вождь ехал бок о бок с Белым магом. Оба были задумчивы. Оба всматривались вдаль настороженно, будто пытаются

разглядеть там, что-то, что дало бы ключ к разгадке тайны. Выслушав рассказ вождя, Белый маг понял, что все очень серьезно. Зло, с большой буквы, пришло в жизнь терлиан. И уже сделало первые шаги по их прекрасной земле. Это зло пришло из вне. Оно явилось на планету из других миров. А значит это сила, способная совершать перемещения во Вселенной. И соответственно она достаточно велика и может нанести большой или очень большой вред. Жизнь, беззаботная и спокойная, наполненная только счастьем, радостью, добром и светом закончилась и, что ждет милый, дружный народ дальше никто не знает. Их миролюбивость, незнание жизни, вернее, незнание плохой стороны жизни, может сыграть с ними злую шутку. Среди них нет воинов. Они смелы и благородны, но они не умеют противостоять жестокости и коварству. Они простодушны и доверчивы, и совершенно не готовы видеть в чем-то плохое, до тех пор, пока не произойдет настоящая трагедия. Что-то, после чего даже самые доверчивые и наивные раскроют, наконец, глаза и поймут – вот настоящее зло и теперь с ним придется бороться.

Белый маг не знал, чем он сможет помочь. Скорее всего, ни чем. Возможно, все, кто находится сейчас рядом с ним, и он сам, едут навстречу своей гибели. Возможно, вся планета уже обречена. Такое происходит сплошь и рядом. Когда он еще был Белым магом он видел сотни таких планет, превращенных в ничто. Ему жаль их. Они ему нравятся. Но, с другой стороны, ему все равно. Его сердце глухо к чужой

боли. Его собственная судьба его тоже не волнует. Он сам никто. Его давно уже нет. Белый маг погиб, вместе со своей планетой, с теми, кого он любил. Осталось только тело, пустая оболочка.

Вождь был рад, что отшельник согласился поехать с ними. Впервые он чувствовал себя растерянным. Впервые он не знал, что делать. Вождь не может показывать свою слабость. Он тот за кем идут остальные. Он тот, кого слушают, на кого надеются, в кого верят. Он тот, кто всегда знает, как поступить и, что делать.

Это был долгий, трудный поход. Трудной была не сама дорога. Трудны были мысли каждого, кто находился в отряде. Впереди была неизвестность. Каждого одолевали необъяснимые, тягостные и нехорошие предчувствия. Члены отряда, немного стыдясь своих непонятных страхов, бодрились, стараясь создать видимость, что все в порядке. Старались не показать вида, что чувствуют себя не уютно. Все они взрослые сильные мужчины и даже глупо поддаваться каким-то страхам, все, наверняка имеет простое объяснение и хотя, то, что произошло печально и даже трагично, но все равно это не повод поддаваться глупой боязни непонятно чего. Ничего не помогало. Странные, тревожные мысли все равно лезли в голову. На душе у всех было одно и то же – беда. Необъяснимая и пугающая, именно этой своей необъяснимостью.

Отряд Абиги достиг первой из деревень, где пропал скот,

на третий день пути. Маленькая деревушка выглядела мирно и спокойно, если бы не все остальные события, произошедшие за последнее время, вполне можно было бы решить, что две пропавшие миусы просто заблудились в лесу или забрели в болото. Всякое бывает. Животные все же, хоть и достаточно умные. Даже люди иногда теряются, а ведь, казалось бы, еще умнее, чем миусы. Но произошло сразу слишком много всего, что бы можно было просто сказать, что это случайность и что просто так получилось.

Жители деревни встретили посланников вождя радостно. Устроили большой праздник. Абига хотел отказаться. Они все же не развлекаться приехали, а по важному делу, но потом посмотрев на товарищей, весело поглядывающих на деревенских красавиц, решил, что все равно всем нужен отдых. Так почему бы не порадовать своих людей, проделавших долгий путь, и не уважить гостеприимных жителей деревни. Да он и сам был молод и ничего не имел против веселого праздника.

Праздник получился на славу. Путников накормили, напоили. Молодые, красивые участники отряда вволю натащивались с местными юными красавицами. А кое-кто, даже получил, украдкой, быстрый, но жаркий поцелуй.

На следующий день, рано утром, сердечно поблагодарив добрых хозяев и получив от них благословение и пожелание удачи в пути и вернуться здоровыми и невредимыми, участники отряда вновь отправились в путь. Когда деревня оста-

лась далеко позади, к турлонгу Абиги лихо подскакал Сениша. Лучший друг и побратим Абиги. Рот Сениши расплылся в широкой радостной улыбке. Глядя на сияющее счастливое лицо товарища, Абига не удержался и тоже улыбнулся.

– Ты чего такой радостный?

– Я влюбился, брат.– Улыбаясь еще шире, сказал Сениша.– Видал!– он поднял вверх руку и пошевелил безымянным пальцем, на котором носил кольцо, как и все терлианские юноши. Встретив девушку, на которой юноша хотел жениться, он предлагал ей свое кольцо. Если девушка была согласна, она принимала кольцо, если нет, то, ничего не подлаешь, кольцо возвращалось обратно на безымянный палец. На пальце Сениши кольца не было.

Абига засмеялся.

– Да ладно, ты, небось, свое кольцо в карман спрятал, что бы похвастать, посмотрите какой я удалой молодец! Кто согласится выйти замуж за такого болтуна и прохвоста?

Все ехавшие рядом рассмеялись. Сениша хохотал громче всех.

– Эх ты, балда!– сказал он побратиму.– Вот поедем назад, и сам увидишь. Женюсь, привезу свою ненаглядную во дворец, и нарожаем мы двадцать детей. Вот тогда придется тебе, Абига, переселяться из дворца куда подальше, мои дети тебя с ума сведут, и ты на край света сбежишь от такой оравы.

Все снова рассмеялись. Впереди показались крыши домов. Отряд подъезжал к еще одной деревне. Жители, зави-

дев приближающихся всадников, высыпали на улицу.

– Что-то народу много. Сейчас вроде самое рабочее время.— Удивился Абига.— Большая часть людей в поле или на выгонах должна быть.

– Может у них праздник?— предположил Сениша, который сегодня, во всем видел только хорошее. Хотя, подъехав к деревне еще чуть поближе, даже ему стало понятно, что на то, что бы здесь был праздник не очень похоже. Жители, конечно, махали подъезжающим в знак приветствия, но лица у всех были сосредоточенные и обеспокоенные, а не радостные.

Старейшина вышел вперед. Низко поклонился гостям. Абига спустился на землю и преклонил колени перед стариком, в знак уважения. Все остальные члены отряда спешили и тоже опустились на колени. Старейшина благословил молодых посланников вождя. Жена старейшины поцеловала каждого из приехавших в макушку, низко склоненных перед ней голов. Как положено. Как она поцеловала бы своего сына, вернувшегося домой из дальней поездки или с охоты. Они приехали сюда на помощь, из-за случившихся неприятностей, значит, они все были ей сыновьями.

Когда обряд приветствия был завершен, гостей провели к столу, который быстро и ловко накрывали, прямо во дворе дома старейшины, жительницы деревни.

– Мы слышали, что у вас пропали миусы.— сев рядом со старейшиной сказал Абига. Старик посмотрел на молодого

посланника вождя печальным взглядом и вздохнул.

– Если бы только это, сынок. Если бы только это... – покачал он головой. Абига внимательно посмотрел в слезящиеся подслеповатые глаза старика. Они были печальны и в самой их глубине притаился страх .

– Вчера пропали еще четыре миусы. Ночью. Прямо из загона. Калитка была закрыта. Значит, они не сами выбрались, кто-то их вывел. Один из наших охотников пошел искать с утра, куда они могли подеваться. Дуна, подойди! – позвал старейшина одного из молодых мужчин, сидящих за столом.

Абига сразу понял, что перед ним охотник. Хороший охотник, добывший на своем, пусть и не долгом пока веку, много дичи. Через правую щеку Дуны проходил широкий, уже давно заживший, но заметный шрам. Такой шрам может оставить только раненый олень своими рогами, если горе-охотник неудачно пустит стрелу, и, ранив зверя, только причинит ему боль и разозлит его. Или дармус, самый большой и сверепый зверь в терлианских лесах. Дармусы нападают редко, целыми днями они бродят по лесу в поисках орехов и корешков. Но в период, когда у них появляется потомство, они становятся очень агрессивны, и могут покалечить, и даже убить, забредшего на их территорию охотника. Как будто угадав мысли Абиги, Дуна, дотронулся до шрама и сказал:

– Дармус. Еще в детстве.

– Дуна, расскажи нашим гостям, что ты видел за лесом на

Синем поле.

Дуна сел на краешек скамьи и начал свой рассказ:

– Когда я вышел из деревни я сразу понял, что миус я не найду.– Он кивнул головой, как бы предвидя вопрос «Почему?». Он посмотрел на гостей и, обведя их всех взглядом, твердо сказал.– Я не знаю, как они пропали и куда делись, вернее, куда делись, теперь знаю. Но, только из деревни они не выходили. Ни одна миуса за ночь не прошла ни по дороге, ни по лугу. Я бы заметил следы.– Он вздохнул, и снова оглядев всех присутствующих, продолжил.– Ну, так вот. Хоть миусы и не выходили по земле, а летать они пока еще не научились, но они пропали. Я решил все же обойти все окрестности. Что-то неладное творится в последнее время на Терле. До нас уже тоже дошли слухи, хоть мы и в глуши живем. Так вот, я пошел посмотреть, что да как. В поле я не пошел. Решил, что если, что-то и скрывается где-то по близости, о чем жители деревни не знают, то в лесу или за ним. Я прошел через лес. Все вроде бы было спокойно. Но странно. Не так как всегда.

– Что ты имеешь в виду?– Не выдержал Абига. Дуна, по привычке свойственной охотникам, рассказывал медленно с большими паузами, а молодой посланник вождя уже сгорал от нетерпения узнать, что же такое обнаружил Дуна, в результате своих поисков. Да и не только Абига, все его товарищи ерзали на своих местах, мучимые любопытством.

– Было тихо. Я имею в виду, было совсем тихо. Вообще

не было слышно ни каких звуков. Не пели птицы. Не трещали насекомые. Ни один зверь не шуршал где-нибудь под деревом. Лес всегда полон звуков. А сегодня не было ни одного звука. Все как будто вымерло или уснуло. Я дошел до края леса, туда, где начинается Синее поле. И как только деревья кончились, и я вышел на поле, я увидел большой замок посреди него. Я всю жизнь здесь живу. Никаких замков тут отродясь не было, тем более на том поле. Я там две недели назад был, и ничего не было, одна трава. А сегодня замок стоит. Здоровенный, высотой чуть не до облаков. Из черного камня. А на главной башне, прямо над воротами какой-то знак, похожий на буквы. И, кажется, что этот знак горит как огонь. Я даже зажмурился, думаю, может, померещилось, то поле такое место, что там всякое бывает. Но нет, глаза открыл, замок на месте, и знак продолжает гореть и светиться. Я решил поближе подойти. Смотрю, а в траве, то тут, то там что-то белое. А трава густая. Я ее раздвинул, а это кости. Кости миус. Я как-то себя не очень приятно почувствовал, а если уж совсем честно, то мне не по себе стало и захотелось развернуться и назад, да как можно скорее. Но, думаю, раз уж пришел, то нужно все осмотреть, а то раз поддашься страху, так всего потом пугаться станешь. Я на полпути от леса к замку был, и тут ворота открылись, и вышла женщина. В черном плаще. С черными волосами. Такой красоты я в жизни не видел. Я остановился, открыв рот, забыв о приличиях. Стою, смотрю на нее. А она встала прямо перед во-

ротами и тоже на меня смотрит. А потом улыбнулась. И от ее улыбки, вы не поверите, у меня волосы на голове дыбом встали. Можете смеяться, можете меня трусом называть, но мне так страшно стало, как ни разу в жизни еще не было. Я развернулся и бегом назад. А в голове голос женский: «Куда же ты? Вернись!». А я бегу и чувствую, как ноги мои сами назад повернуть хотят. И мне страшно, аж жуть, а ничего поделать не могу, собственное тело меня не слушается. И, наверное, я бы так и повернул, но на мое счастье в это время споткнулся я об корень и упал, да так об дерево приложился, что искры из глаз и в ушах звон. Но зато голос из моей головы пропал, и даже не страшно мне уже почти совсем стало. Вот такая история.

Дуна снова обвел всех взглядом и с облегчением убедился, что никто не смеется. Никто даже не улыбался. Напротив, на всех лицах была тревога.

– Помните, в деревне, где молодой охотник непонятно от чего умер, тоже женщина была. И тоже небывалой красоты.– Задумчиво сказал Абига.

– Слава теплomu свету Зериса!– сказал Дуна.– Это я к тому, что все-таки не спятил я. А то у меня уж у самого сомнения начинались. Завтра бы, наверное, решил, что вообще все приснилось.

«Уж лучше бы приснилось...»– печально подумал старейшина. Он был стар и мудр. Он, как и другие жители Терлы никогда раньше не сталкивался со злом. Но он понимал, что

то, что происходит сейчас, не имеет ни какого отношения к добру. Это, что-то прямо противоположное ему. И если уж это началось, то теперь может войти в их жизни надолго. Старейшина почувствовал, как заболело и защемило сердце. Он позвал жену и велел ей приготовить все для обряда обращения к светлому Зерису и матери Терле. Когда молодые посланцы вождя, а может и часть деревенских парней захочет присоединиться и отправиться через лес, к Синему полю, навстречу неизвестности, он будет просить Светлый Зерис и мать Терлу послать им удачу и дать возможность вернуться назад целыми и невредимыми. Потому, что он уже ни в чем не был уверен. Казалось бы, что может случиться с двумя с лишним десятками молодых сильных мужчин. Но старейшина испытывал страх и тревогу. Если бы он мог пойти вместо них, он с радостью пошел бы. Но он немощный старик. Что он может? Ему осталось только молиться. Он незаметно смахнул дрожащей узловатой рукой слезы, набравшие на глаза.

Поблагодарив за обед, получив напутственное благословение от старейшины и его жены, поклонившись жителям деревни, отряд Абиги отправился, вслед за Дуной к странному замку. Охотнику было страшно, но не дело поддаваться своему страху. Терлиане привыкли смотреть страху в лицо. А если их сильно, что-то пугало, то такому страху они заглядывали прямо в глаза. Несколько молодых жителей деревни, как и предполагал старейшина, отправились вместе с отря-

дом. Абига хотел отговорить их, но увидев в их глазах решимость и желание присоединиться к отряду, рассудил, что не ему указывать им, что делать. Даже вождь всегда предоставляет право выбора. А он не вождь.

Через полтора часа отряд дошел до края леса. Впереди было Синее поле, посреди которого, как и говорил Дуна, возвышался огромный замок из черного камня. Путники были на полпути к замку, когда ворота открылись, и из них вышла женщина. В черном плаще, поверх которого развевались на ветру длинные черные волосы. Необычайно красивое лицо было настолько бледным, что казалось таким же белым, как проплывающие в небе облака. Женщина улыбнулась.

Высшие. Противостояние.

Усталые турлонги медленно переставляли ноги по пыльной дороге. Всадники тоже устали. День клонился к закату. Наконец впереди показалась деревня.

За время пути Белый маг много рассказывал вождю о своих странствиях по вселенной, о виденных им мирах. Он по-прежнему не говорил ни кто он, ни откуда. Но о самых удивительных и необычайных чудесах, которые ему довелось повстречать во время своих скитаний, рассказал. И об опасных приключениях, и о смешных и даже курьезных. Вождь с интересом слушал эти истории, дивился. Смеялся от души над забавными случаями.

О цели поездки они не говорили. Единственное, что ска-

зал Белый маг, что он боится, что все очень-очень серьезно. Вождь, не лез с расспросами. Но он тоже чувствовал, что все серьезно, намного серьезнее, чем просто несколько трагедий и странных происшествий.

Жители деревни, встретив гостей, и поприветствовав их должным образом, рассказали, что несколько дней назад отряд молодых посланников вождя, под предводительством Абиги побывал здесь, а затем отправился дальше. Заметив, как некоторые из деревенских девушек залились румянцем, при упоминании о молодых людях, опуская глаза и пряча счастливые улыбки, вождь усмехнулся про себя. Отправленные им молодцы времени зря здесь не теряли. А увидев на пальце одной из девушек кольцо Сিনিши, вождь и сам едва скрыл улыбку. Вот ловок прохиндей! Везде поспел. Первый озорник и весельчак во всей столице Терлы. Сколько раз отчитывал вождь, проказника и бедокура Сিনিшу, вечно придумывавшего что-нибудь совершенно не подобающее приближенному вождя. Вождь почувствовал, как потеплело на душе. Представил, как обнимет всех мальчишек при встрече. Отличная смена растет им старикам. Какие ребята, все один к одному. Даже забылось ненадолго, что не по самому приятному поводу они здесь, в этой гостеприимной деревне. И усталость после дороги отступила. И подумалось, что может все еще обойдется, будет хорошо. Ведь народ их замечательный, добрый, трудолюбивый. Так разве может произой-

ти, что-то совсем уж плохое?

Решили переночевать в деревне. Праздника вождь попросил не устраивать, объяснив, что они уже почти неделю в пути, а завтра снова отправляться дальше.

– Вот будем возвращаться назад, все вместе, так и устройте нам праздник. А там, глядишь, и повод будет не один.– Не удержавшись, вождь подмигнул девушке, у которой на пальце красовалось кольцо его любимого проказника Синиши. Девушка, счастливо заулыбавшись, спрятала лицо с сияющими глазами в маленьких ладошках.

Люди, встречавшие отряд, стояли вдоль дороги тихо, ни приветственных криков, ни радостных улыбок. На печальных, напряженных лицах растерянность и страх. Нехорошее предчувствие ледяной волной окатило подъезжающих к деревне. Жители деревни кланялись и отводили поскорее взгляды. Женщины всхлипывали, наспех утирая глаза подолами передников. Староста, поддерживаемый с двух сторон молоденькими девчонками, вышел вперед и вместо глубокого поклона, каким положено приветствовать гостей, повалился в дорожную пыль и, уткнувшись лицом в землю, застыл, не в силах подняться. Плечи старика вздрагивали. Вождь догадался, что он плачет. Уже не предчувствие, а понимание, что стряслась беда, тисками сдавило сердце. Спрыгнув на землю, вождь подошел к несчастному старику.

– Полно, полно, отец, вставай!– мягко сказал он, обнимая

старика за дрожащие плечи и помогая ему подняться.

Кое-как старейшина встал. Ноги его дрожали. Он держался из последних сил. Повернув заплаканное лицо к вождю, севшим, надтреснутым голосом он сказал:

– Они все там... Ни один не вернулся.– Плечи его снова заходили ходуном от беззвучных рыданий.– Почему Светлый Зерис не забрал меня к себе? Я старик. Как я могу жить, когда...

Он не смог договорить, рыдания душили его. Казалось, он вот-вот снова рухнет на дорогу. Двое из отряда подхватили несчастного и отвели в дом. Вождь стоял посреди дороги с каменным лицом. В его глазах Белый маг увидел то, чего ни разу не видел за все время своего пребывания здесь, на этой планете. Он увидел ярость.

Ветер колыхал темно-синюю траву. Вождь и Белый маг шагнули на поле первыми. Большой темный замок, величественно возвышался посреди поля, как огромная неприступная скала. Белый маг увидел пылающий знак и замер. Он сразу узнал его. Повернувшись к вождю, что бы сказать, что он знает, кому принадлежит замок, он заметил, что взгляд вождя устремлен в сторону черных стен. Глаза его были почти безумны, а лицо, искаженное болью и отчаянием, походило на застывшую маску. Издав какой-то хриплый звук, Вождь ринулся вперед. Белый маг удержал его, крепко ухватив его за плечо. Вождь несколько раз дернулся, но рука мага держа-

ла крепко, как стальной капкан. Наконец, Вождь справился с собой. По крайней мере, вперед больше не рвался. Стоял неподвижно. По-прежнему, не отрываясь глядя туда же, куда смотрел до этого. Вдоль стен замка, на одинаковом расстоянии в землю были воткнуты длинные шесты, на каждый шест была насажена голова. За то время, что они здесь пробыли, головы почернели и сморщились. Лица стали страшными, но для любящего сердца не составило труда узнать и увидеть в них до боли знакомые черты. Тех, кого знал с пеленок, кого когда-то качал на руках и любил как собственных детей. Абига. На почерневшем, некогда красивом мужественном лице навсегда застыло выражение боли и муки. Сениша. Веселый проказник и затейник Сениша. Верный друг и побратим Абиги. Напрасно ждет тебя девчонка из соседней деревни. Напрасно прижимает по ночам к груди, подаренное тобой кольцо, и украдкой целует его, представляя, что целует губы любимого. Не исполнишь ты обещания. Не приедешь за ней на обратном пути и не заберешь с собой. Потому, что не будет у тебя обратного пути. Твой путь навсегда закончился здесь. Рядом с этим проклятым замком. И еще у двадцати двух молодых ребят их путь закончился здесь. И почти у десятка деревенских парней и молодых мужчин. Страшны были почерневшие лица, но лицо вождя в этот миг было страшнее во сто крат. Боль, ненависть, ярость и жажда мести отразились на нем с такой силой, что Белый маг, был поражен, взглянув на него. Белый маг испытал гордость.

Сегодня он открывал этот народ по-новому. Такой добрый и простодушный и в тоже время непреклонный и отважный. Ведь ни один из этих молодых, сложивших свои головы, у стен замка парней, не молил о пощаде. Не склонился перед лицом смерти, ползая на коленях. Каждый из них умер достойно. Каждый сражался до последнего, хотя никто из них не был воином и даже оружия-то настоящего не имел. Белый маг знал точно, что они погибали достойно. Он просто знал терриан. Он успел изучить их. И оказывается, он все же смог их полюбить. Белый маг почувствовал небывалый прилив сил. Он не сломлен. Он по-прежнему Белый маг. И он не позволит погубить эту планету и ее чудесный народ. Он будет драться за них. Или погибнет вместе с ними. И не потому, что ему все равно, что будет с ним, а потому, что ему безразлична судьба этих людей. Он расправил плечи и торжествующе посмотрел на пылающий знак на башне.

– Я знаю кто они. – Сказал он, обращаясь к вождю, который все не мог оторваться от лиц тех, кого послал сюда, как оказалось, навстречу страшной гибели. Вождь медленно повернулся. На его плечах ответственность за весь его народ. Сейчас не время оплакивать погибших. Сейчас нужно защищать и спасать тех, кто остался.

– Кто?– Рука вождя уже тянулась к острому ножу за поясом, а тело готовилось к битве.

– Это пожиратели жизни. Разрушители миров. Они путешествуют по вселенной в поисках планет, на которых есть

живые существа. Разумные живые существа. Найдя подходящую планету, они уничтожают все живое. После их ухода ничего не остается. Только мертвые, бесплодные земли. Они питаются болью и страданием. И они никогда не останавливаются, пока не погубят последний росток жизни. Если они приходят, то планета обречена. Я никогда не встречался с ними, но пару раз попадал туда, где они побывали. Это страшно. Я узнал их знак. Они всегда оставляют его, как будто ставят клеймо.— Заметив, что остальные члены отряда, потрясенные, подавленные, но полные решимости, тоже стоят с обнаженными клинками, в ожидании команды своего вожака, Белый маг покачал головой.— Вы ничего не сможете сделать. Вы только погибнете, так же как и они.— Он кивнул в сторону голов насаженных на шесты. Твои люди не воины, вождь. Они отважны и благородны и готовы пожертвовать собой, но эта жертва будет напрасной. Даже если бы вы были воинами, это ничего бы не изменило. Те, кто находятся в этом замке, называются Черными колдунами. Они владеют магией. Они сражаются не оружием, хотя они отличные воины и ради забавы могут вступить в бой, что бы потешить себя. Но их сила в магии. Они настолько могущественны, что могут истребить все живое одним заклинанием. Просто им нужно сеять страх. Им нужно, что бы те кого они убивают боялись. Их пища это чужой ужас и страдания. Им мало просто убивать. Им необходимо убивать так, что бы насытится мучениями своих жертв. Это их пища.

Вождь стоял, не опуская клинка, по-прежнему, полный решимости вступить в бой, потому, что отступить нельзя. Люди его племени не отступают, они идут только вперед, до конца. Но он был потрясен. Значит, его народ обречен? Значит вся эта земля со всеми ее красотами, земля наполненная радостью и светом, совсем скоро превратится в мертвую безжизненную пустыню? Представить такое было страшно и невыносимо. Белый маг положил руку на плечо застывшего в оцепенении вождя.

– Я сражусь с теми, кто находится в замке.– Спокойно сказал он.– Я Белый маг. Я странник вселенной, владеющий способностью управлять временем и пространством. Я, навряд-ли смогу победить. Но главное что бы в этой битве вообще не было победителей. Это единственный шанс для твоей планеты и для твоего народа, вождь.– Белый маг широко улыбнулся.– Если бы мне дали второй шанс, я бы хотел провести жизнь здесь. Это лучшее место изо всех, что мне довелось увидеть. Прощайте, представители славного удивительного народа.– Белый маг шагнул вперед по направлению к замку.

Ослепительно белые одежды мага развевались на ветру. От золотистых волос исходило сияние. В этот момент он походил на светлое божество явившееся, что бы покарать зло, посмевшее посягнуть на счастье и радость, наполняющие эти земли.

Белый маг видел перед собой лицо той, которую любил.

Он видел своего сына. Они улыбались ему и смотрели на него с гордостью и любовью. Радостная улыбка озаряла его лицо.

Ворота замка открылись. Навстречу Белому магу шагнули две высокие мужские фигуры в длинных черных плащах. Они шли навстречу друг другу. Все трое двигались величественно и спокойно. Вокруг было очень тихо. Все застыло, как бывает перед самым началом бури, когда воздух становится плотным и тяжелым и ни одна травинка не шелхнет, ни одна мошка не пролетит, не смея нарушить своим жужжанием предгрозового величественного оцепенения. Противники остановились на расстоянии пары десятков шагов друг от друга. Черные колдуны смотрели немного насмешливо, но Белый маг заметил в глубине темных глаз тревогу и даже страх. Его губы растянулись в широкой улыбке, и, подняв голову, навстречу голубому свету Зериса, он громко захохотал. Он уже забыл, когда смеялся в последний раз. И вот сегодня, стоя на небольшом поле, лицом к лицу со своими могучими противниками, он снова смеялся, от души, не сдерживаясь, в полную силу, потому, что сегодня он, наконец-то, вновь ощутил себя живым. Сегодня, это он знал, точно, его смех звучал в последний раз, но это было не важно, потому, что он снова был счастлив. Жизнь вновь обрела смысл.

Одна из черных фигур подняла руку. В густом, уплотнившемся, до предела, воздухе, возникла, похожая на шаровую

молнию, сияющая, переливающаяся масса, она растекалась, меняя форму, становясь все более округлой и постепенно превращаясь в пульсирующий светящийся шар, она быстро вращалась, и по мере вращения росла, увеличиваясь до небывалых размеров. И вот, уже огромная светящаяся, переливающаяся сотнями голубых молний сфера, стремительно полетела на встречу Белому магу. Он выставил руку, ладонью вперед, и сфера, замерев, у самой его ладони, задрожала, завибрировала, силясь преодолеть, воздвигнутую перед ней преграду. Через несколько мгновений сфера издав звук, похожий на гудение большого колокола, рассыпалась на мелкие осколки, голубой огонь угас и серые, почти бесцветные, осколки полетели вниз, исчезая, бесследно растворяясь в воздухе, не успев, коснуться синей травы. Вторая черная фигура, сделав неуловимое движение рукой, молниеносно рассекла воздух, огромным светящимся мечом. Острие меча не достало белых, развевающихся одежд, совсем чуть-чуть. На лице колдуна мелькнула досада. Он не ожидал, что его смертоносный удар не достигнет цели. Маг выставил обе руки вперед и перед ним, чуть выше голов Черных колдунов, в воздухе возникла воронка. С земли начали взлетать и кружиться травинки, комочки земли, мелкие камни. Все это кружась исчезало вместе с потоком воздуха в воронке, которая быстро росла, и движение в ней становилось все быстрее и быстрее. Она стремительно набирала силу. Воздух втягиваемый в воронку с воем и ревом вырывал уже не отдель-

ные травинки, а целые пласты земли, поросшие синей травой. И вот, фигуры в черном зашатались и начали хвататься друг за друга, стараясь устоять на ногах. Белый маг торжествующе смотрел на них, продолжая улыбаться. Одна фигура в черном плаще не выдержала, мощный поток оторвал ее от земли. Второй колдун, пригибаясь и стараясь отклониться как можно дальше от страшной воронки, пытался удержать своего сородича, не дать ему полностью попасть в эту всепоглощающую трубу, которая на самом деле была никакой не трубой, а коридором времени и пространства, созданным Белым магом. Первая фигура оказалась уже наполовину втянута внутрь. Белый маг не мог допустить, что бы колдун попал отсюда в какое-нибудь другое место. Если он перенесет путешествие по временно-пространственному коридору, то натворит много бед в том месте где окажется, а затем вернется на свою родную планету, чтобы набраться сил, залечить раны и вернуться сюда, закончить начатое. Нет. Он должен умереть. Так же как и второй. Иначе они так и будут продолжать свое черное дело, разрушения и уничтожения. Так и будут губить планету за планетой. Белый маг резко сжал, а потом разжал руку. Раздался страшный рев. Труба затягивающая в себя одного из колдунов начала сжиматься и разжиматься, как будто огромная пасть, пережевывающая свою добычу, а затем начала уменьшаться и исчезла. На синюю траву рухнуло безжизненное, искореженное, как будто прошедшее через гигантские мельничные жернова, тело Черно-

го колдуна. Второй колдун поднял голову и посмотрел прямо в глаза своему противнику. Белый маг увидел в его глазах ненависть, страх, и что-то еще, чего он не мог понять. Темные глаза, казалось, затягивали в себя, не хуже воронки коридора, созданного им самим. Белый маг начал погружаться в темный бездонный омут этих глаз. Ему казалось, что он обязательно должен понять, что еще он увидел в этой непроглядной глубине. Он знал, что нужно оторваться от этой черноты, она несла гибель. Но не мог. Сейчас-сейчас, еще одна секунда и он поймет, что там, а потом сразу вынырнет, иначе можно совсем пропасть и не выбраться уже никогда. Белый маг почувствовал резкую боль. Пока он, как загипнотизированный погружался в самую глубину в поисках ответа, колдун, воспользовавшись моментом, нанес удар своим смертоносным волшебным мечом. Белый маг взглянул вниз. Рана на боку была глубокой и из нее толчками выплескивалась кровь. Это было неважно. Он знал, что этот бой будет последним. Главное успеть покончить с колдуном. Пошатываясь, Белый маг снова взглянул в глаза своему противнику. Он больше не погружался в них. Он уже успел увидеть то, что хотел. Теперь он просто смотрел и видел не только страх, но настоящий ужас в этих глазах. Потому, что колдун понял, что для него спасения нет. Белый маг теперь знал его тайну и даже смертельно раненый, он не оставит его, он заберет его жизнь перед тем как уйти.

– Это ты!– сказал Белый маг, с ненавистью глядя на кол-

дуна. Тот понимал, что обречен. Преодолев свой страх, он гордо выпрямился. Смерть нужно принимать достойно, как и подобает представителю величайшего во вселенной рода. Он тоже улыбнулся и с торжеством глядя на истекающего кровью, но все еще страшного противника, почти насмешливо сказал:

– Да, это я! Я! Уничтожил твою планету и всех людишек, и Белых магов, обитавших на ней. Это я лишил тебя всего! Я!– Колдун захохотал.

Его голос превратился в оглушительный рев, а его смех разносился на многие мили вокруг. Это было страшно. И еще страшнее становилось от того, что губы колдуна ни разу не шевельнулись, оставаясь неподвижными. Голос исходил ниоткуда и отовсюду. Белый маг взмахнул рукой и резко рассек ей воздух. То место, где только, что стоял колдун, как будто разделила невидимая граница. Правая половина колдуна продолжала стоять и даже смотреть на белого мага, а левая половина бесследно исчезла и вместо нее была видна синяя трава и стены черного замка. Правая половина, оставшаяся без левой покачнулась и рухнула в траву. Куда и в какое время отправился страшный подарок Белого мага он и сам не знал, но ему было все равно. Перед глазами все плыло. У него оставалось мало времени. Но главное он спас чудесный народ, чем-то напоминающий ему в своей наивности и простодушии детей. Их сегодняшние раны и шрамы заживут со временем. Боль утраты, рано или поздно утих-

нет. Время все лечит. Как оказалось, даже его. Он тяжело вздохнул. Боль в боку становилась, все более, нестерпимой. И тут он увидел ее. Белый маг замер, на миг он забыл даже о боли. Оказывается, есть еще женщина. Он думал, что колдунов двое. Женщина колдунья это плохо. Он чувствовал, что она очень сильна. Сильнее тех двоих вместе взятых. Потому, что под сердцем, или под тем куском камня, который заменяет ей сердце, она носит ребенка. О, светлые боги! Еще и ребенок! Ему не справится с ней, с ними двумя. Она шла к нему. Медленно, плыла над синей травой, не касаясь ее. Темные глаза были полны такой ненависти и злобы, что если бы взглядом можно было убить, он уже лежал бы мертвый у ее ног. Она подняла руку и направила в него луч ослепительного света. Смертоносный, убивающий мгновенно. Маг приготовился к смерти, сожалея лишь о том, что все напрасно. Он не справился. Теперь она завершит начатое, погубит планету. Он по прежнему чувствовал боль в боку, но больше ничего не произошло. Он все еще был жив. Маг услышал вскрик и, слегка повернув голову, увидел оседающее в траву тело вождя. Бросившись вперед, он закрыл собой Белого мага и принял удар смертоносных лучей на себя. Он не остался там сзади, где маг попрощался с ним. Он был рядом все это время. Просто магу некогда было смотреть по сторонам, поэтому он не заметил терлиан. Он всецело был поглощен боем. А они все были здесь, все пошли за ним. Они были слишком благородны и отважны что бы оставить своего

товарища один на один с опасностью, пусть даже они сами ничем не могли помочь. Но стоять в стороне они просто не могли. Странные существа, готовые жертвовать собой, потому, что иначе они просто не могут жить. Чистые непорочные души. Нет, не позволит он этой ведьме, пожирательнице миров, носящей в себе еще одного убийцу всего живого, погубить их. Собрав последние силы, Белый маг крепко схватил колдунью, и пока она не пришла в себя и не поняла, что он задумал, быстро нырнул вместе с ней в созданный им коридор. Сил у него почти не осталось, поэтому они, почти сразу, вынырнули обратно. Но пары мгновений, проведенных в пространственно-временном коридоре, хватило на то, что бы они оказались не посреди поля с синей травой, а в совершенно другом месте. Вокруг них возвышались скалы. Было холодно и, не смотря на то, что, судя по цвету неба, был еще день, в этом месте царил полумрак и длинные тени скрывали большую часть того, что находилось вокруг. Место было неприятное, даже жутковатое. Белый маг попробовал вычислить, куда и насколько они могли переместиться, но он был слишком слаб, мысли путались в голове. Плюнув на вычисления, он решил, что, так как убить эту ведьму он уже не сможет, потому что оставшихся у него сил на это не хватит, то он устроит ей пожизненное заключение в этом милом местечке. Пусть наслаждается вместе со своим отродьем. Вечность в таком месте это то, что надо. Хотя может ей даже понравится. Маг не знал, как выглядит родная планета Черных

колдунов. Вполне возможно, что именно так. Ну, что ж, ему уже все равно. Главное, чтобы она не могла отсюда вырваться. Он закрыл глаза и мысленно представил границы этого места, а затем провел через них коридоры времени и пространства, представив в них ту, что лежала и корчилась сейчас у его ног, приходя в себя после краткого но губительного, для нее путешествия. Он соединил созданные коридоры в замкнув их. Теперь Черная колдунья никуда не денется из этого места, она не сможет преодолеть границу, созданную им, несмотря на все свое могущество и силу. Если бы у мага были силы, он бы снова расхохотался, представив как ведьма будет метаться по этим безжизненным землям, проклиная его и сходя с ума от бессилия, что-то изменить. Покончив с границами для колдуньи, маг приступил к последнему, намеченному им пункту. Он создал еще один коридор и уже хотел нырнуть в него, но в этот момент, почти пришедшая в себя колдунья бросилась на него, и крепко вцепилась в его руку. Силы ей было не занимать. А он совсем ослаб. Он бы с удовольствием взял ее с собой, но в таком состоянии у него не хватит сил добраться вместе с ней туда, куда ему нужно, а она еще может начать бороться по дороге, что бы убить или остановить его, или попытается сбежать. Нет, он не может рисковать, пусть уж сидит здесь. Белый маг повернулся к ней и, улыбнувшись, из последних сил сказал:

– Мой подарок, ведьма!

После этого он приложил руку к ее, только-только начи-

наощему округляться животу. Она дико закричала, забилась под его рукой, как будто он жег ее раскаленным железом. Извиваясь всем телом, как змея, она выпустила его руку и рухнула вниз на камни. Белый маг исчез, а лежащая на камнях, фигурка в черном кричала вслед ему проклятия. Каталась по холодной гладкой поверхности и грозила маленькими кулачками, в которых скрывалась невероятная смертоносная магическая сила, но в данном случае совершенно бесполезная.

Белый маг мчался вперед. Он гнал себя по коридору на такой скорости, что закладывало уши и не хватало воздуха. Кружилась голова и разноцветные круги плыли перед глазами. Он умирал, и ему обязательно нужно было успеть. У него почти не осталось времени. Он искусал в кровь губы, что бы оставаться в сознании, потому, что если он впадет в забытие хоть на миг, он потеряет нужное направление, собьется с пути и у него уже не хватит ни времени, ни сил вернуться и попасть туда, куда он так стремится. Он и так делал сейчас то, чего не должен делать ни один Белый маг. Но ему было наплевать. Белых магов больше нет. Он последний. И его тоже совсем скоро не станет. И, как последний, он сам вправе решать, что можно, а чего нельзя. Он в любом случае сделает это, по крайней мере, попытается. Он не может повернуть время вспять, но он может немного его сдвинуть. Совсем чуть-чуть, всего на несколько минут. Это запрещено, но в конце концов, разве он не заслужил это? Он загладил свои прежние ошибки, он спас планету от гибели.

ли. Он избавил вселенную от трех представителей одних из самых отвратительных существ. Неужели этого мало по сравнению с несколькими несчастными минутами? Впереди показался свет. Он успел. Он смог. Белый маг вынырнул из туннеля и увидел ее. Она бросилась ему на шею, он крепко прижал ее к себе одной рукой, а другой обнял подбежавшего сынишку. Белый маг широко улыбнулся, он был счастлив.

– Я люблю вас. – Сказал он. А потом все исчезло, утонув в потоках нестерпимого, слепящего белого света, и прогремел взрыв...

«...Воздя и погибших членов отряда провожали с большими почестями. Женщины плакали. Мужчины стояли суровые, молчаливые. Сердца терлиан были полны боли и печали. Они не ожесточились, но стали менее беспечны, менее доверчивы. Они соприкоснулись со злом и капля его яда, навсегда поселилась в невинных до этой поры душах. Они теперь знали о нем и знали, что раз оно существует, то существует и вероятность, что оно может случиться вновь.

Когда зажгли погребальный костер, прочитали молитвы и сказали слова благодарности погибшим, каждый терлианин дал в душе нерушимую клятву до последней капли крови защищать свой дом, своих близких, свою страну и лучше погибнуть, но никогда не склонять голову перед опасностью, смело смотреть ей прямо в глаза, преодолевая свой страх. Как это сделали их воздь и его юные помощники, как сделал

это отшельник, проживший на их планете несколько десятков лет, и все это время помогавший исцелять больных, а, в конце концов, отдавший свою жизнь за их народ...»

Рамина. Среди камня и льда.

Серые сумерки сменились ночной чернотой. На темном небе зажглись тысячи тысяч сияющих звезд. Их свет казался холодным и не живым. Но она знала, что это не так. Каждая светящаяся точка на самом деле была огромным раскаленным шаром, способным давать свое тепло вращающимся вокруг него планетам, на некоторых из которых благодаря этому теплу возникала жизнь. Она смотрела на далекие звезды равнодушно. Ту, что освещала ее родную планету, отсюда невозможно было увидеть. Даже ей это было не под силу. Слишком далеко.

Ее звали Рамина. Она родилась на планете Мрак, и эта планета была самой прекрасной из всего, что было во вселенной. Она была единственным, что Рамина любила. Ее планета была безжизненна и холодна. Только горы и белые снежные равнины. Сверкающие кристаллы снега, в холодных лучах огромной белой звезды, расположенной от Мрака так далеко, что яркие лучи не давали ни капли тепла. Только свет. Белый, холодный, ослепительный свет. На планете не было никаких живых существ. Только они, Черные колдуны. Высшие. Их было немного. Самых могущественных не может быть много. Они жили в своих огромных величе-

ственных замках, а когда наставало время, пускались в очередное путешествие по бескрайним просторам бесконечно-го пространства. Но они всегда возвращались. Потому, что их домом был Мрак. Звезду, дающую им свет, они называли просто Звезда. Они вообще не любили названий, Мрак был исключением. Все планеты, на которых они побывали, имели названия. Но Черные колдуны не интересовались ими. Они никогда их не запоминали. Они запоминали расположение. И никогда не возвращались в одно и то же место дважды. Потому, что возвращаться было незачем. После их ухода на планетах, на которых они побывали, не оставалось пищи. Там ничего не оставалось и нечего было делать. Вселенная бескрайняя. В ней всегда найдется другое место, где можно найти еду. Найдя подходящую планету, Черные колдуны действовали быстро и умело. За миллионы лет своих скитаний в поисках подходящих планет они научились добывать нужного результата очень-очень быстро. На каждую планету уходило не больше месяца. Иногда попадались и такие, где все происходило в считанные дни. Черные колдуны были бессмертны. Не вечны, ничего вечного нет. Гаснут звезды, прекращают свое существование целые галактики. Но Черные колдуны жили сотни тысяч лет. Если не погибали во время своих поисков. Такое случалось. Даже самые великие и могущественные создания во вселенной от этого не защищены. Они никогда не путешествовали поодиночке. По двое, по трое. Но иногда они не возвращались. И тогда

становилось ясно, что что-то произошло. И их больше нет. Иначе они бы обязательно вернулись.

Рамина снова взгляделась в ночное небо. Она не испытывала скорби по погибшим мужу и брату. Глупцы. Они сами призвали свою смерть своим упрямством и честолюбием. Эта планета была не похожа ни на одну из тех, где они побывали до этого. А за последние несколько тысяч лет они неплохо поохотились. Им попадались и планеты населенные великими, как они сами себя называли, завоевателями. И планеты живых существ, которые обладали несметными сокровищами. И планеты примитивных дикарей, и наоборот развитые цивилизации, с многоумными учеными, с хитроумными и невообразимыми штукovinaми, называемыми жителями этих планет техникой и другими непонятными, не интересующими Рамину словами. Везде и всегда, все было одно и то же. Завоеватели, гордившиеся своими бесчисленными победами, покорившие и подчинившие себе множество других миров, и считавшие себя непобедимыми и всемогущими властителями вселенной. Обладатели несметных, сказочных богатств, окруженные покорными рабами и слугами, готовыми выполнять любое повеление своего господина. Ничего не соображающие и не смыслящие дикари, занятые только заботами о выживании и добыче пропитания. Ученые, считающие себя умнейшими и знающими все тайны мира. Все они становились похожи и начинали вести себя одинаково, в тот момент, когда смерть заглядывала им в ли-

цо. Все они испытывали страх. Пытались спастись. Цеплялись за свои жалкие бессмысленные жизни, как только могли. Все они были жалкими. И чем больше они о себе мнили до этого, тем более жалким был их конец. Рамина даже была им в какой-то мере благодарна. Чем больший ужас испытывали эти существа перед тем как превратиться в ничто, тем больше пищи они давали Черным колдунам. И тем вкуснее она была. Иногда колдуны даже специально растягивали трапезу, как гурманы, что бы не заглатывать все сразу, уже не чувствуя вкуса, а разделяя порцию на части. Что бы насладиться не один раз, а несколько, восхитительным блюдом, особенно поразившим ценителей хорошей еды.

С этой планетой все было не так с самого начала. С первого дня. Как только Рамина увидела этих существ, она поняла, что они им не подходят. Она предложила своим спутникам просто уничтожить их и уйти. Но мужчины они всегда мужчины. Им стало интересно. Они захотели поиграть. Захотели сломить не слабых и готовых преклонить головы и молить о пощаде, а тех, кто этого не сделает. Рамина не стала спорить. Пусть потешатся. Они все были сыты. Им попалось перед этим несколько отличных планет, и можно было сделать перерыв. Мужчины вообще по природе своей глупцы, даже представители высших миров. С ними лучше не спорить. Они не способны принять разумных доводов и согласиться с тем, что они не правы или с тем, что поставленная ими цель бессмысленна и не выполнима. Им важно посту-

пить по-своему. Они остались. Началась охота. Игра.

Рамина еще раз, уже более настойчиво, предложила бросить это занятие, когда ее муж и брат, как два расшалившихся мальчишки, принялись вести себя совершенно не разумно. Эти дурацкие игры со скотом и пропавшими обитателями планеты. Они уверяли ее, что это послужит как приманка. Что они как охотники расставляют ловушку. Эта планета действительно отличается. Здесь интересно. Это отличная игра. Они дали понять, что она мешает им насладиться их неожиданным и полностью захватившим их увлечением. Они удивляли ее. Такое поведение, скорее пристало тому жалкому сброду, который они уничтожали, а не Высшим, не подвластным слабостям и чувствам созданиям. Но она снова смирилась. Некуда было спешить. Ей даже захотелось посмотреть на их лица, когда они поймут, что не добьются своего, что их затея провалилась. Зато, в следующий раз, когда кто-то из них скажет ей, что она всего лишь женщина, и от того не понимает каких-то вещей, она напомним им, об этой планете. И им будет нечего возразить ей в ответ.

В тот день, когда небольшая группка обитателей планеты, около трех десятков представителей мужского пола, приблизилась к их замку, муж и брат сделали ей подарок. Предоставили право начать охоту. Они радовались как дети, говоря ей, что приманка подействовала и теперь все будет, так как они и предполагали. Она даже на некоторое время решила,

что они все же оказались правы.

Небольшой отряд приближался к замку. Двое, видимо, возглавлявших его, шли впереди.

Рамина вышла навстречу. Муж и брат стояли в воротах замка, за ее спиной, в ожидании, когда придет их черед вступить в игру.

Они подошли почти вплотную. Они боялись. Она это чувствовала, но их страх не был похож ни на один из видов страха, который ей доводилось ощущать до этого. Их страх был почти не пригоден для употребления. Они с такой силой преодолевали его, что он терял вкус, становился неприятным. Когда Рамина убила первого, одного из тех двоих, что шли впереди, вырвав его сердце из груди, второй, на краткий миг испытал ужас. И вот как раз его ужас, боль и страдание, наполнившие все вокруг, когда он увидел на ее ладони все еще трепещущее, еще продолжавшее биться сердце, были единственным стоящим, что вообще было на этой планете. Это было непередаваемо прекрасно. Ничего лучше Рамина никогда в жизни не пробовала. Но это было настолько быстро и мало, что она почувствовала не наслаждение, а скорее разочарование. Это жалкое создание только раздражило ее, поманило незабываемыми ощущениями и обмануло. Восхитительный вкус еще не успел забыться, а этот червь уже выхватил свое жалкое оружие и бросился на нее. Она убила его, не испытав ничего. Его смерть была безвкусной. В нем не было больше ни капли страха, только ярость и ненависть. Остав-

шиеся тоже схватились за оружие. Рамина чувствовала, что они знают, что погибнут, но вкуса страха не ощущала. Этот народ был безнадежен. Она была права. Ее мужчины ошиблись. Они ничего не добьются здесь. Потерянное время не будет стоить тех жалких крох пищи, которые они смогут получить. Эти создания не падут ниц, не начнут умолять, рвать на себе волосы, метаться в агонии ужаса, надеясь и теряя надежду на спасение. Нужно уходить отсюда.

Рамина развернулась и пошла к замку. Муж и брат шагнули на поле. Рамина не стала смотреть, как они прикончили остальных. Ей было не интересно.

Когда все закончилось, она снова завела разговор, что здесь их ничего не ждет. Но мужчины снова с ней не согласились. Она видела, что они немного разочарованы, но гордость не позволяла им признать ее правоту. Они договорились, что она даст им еще две недели, а потом они сотрут здесь с лица земли все живое и отправятся дальше, на поиски чего-то более подходящего.

Она с нетерпением ждала, когда истечет срок договора. Ей надоело, здесь ее все раздражало. Когда, спустя неделю, появился второй отряд, она даже обрадовалась. Может быть сегодня ее мужчины, вновь разочаровавшись, решат не задерживаться здесь больше. Она даже не пошла, посмотреть, как все произойдет. Она знала, что ничего интересного или приятного не будет.

Ее ребенок толкнулся в животе. Он был еще слишком мал,

что бы толкаться. Но он толкнул ее. Раз потом второй. Что-то не так. Рамина застыла на месте. Ее муж, отец ее ребенка. Его больше нет. Этого не могло быть. Но его больше не было. Она знала точно. Она вышла во двор.

На поле стоял Белый маг. А у его ног лежали ее муж и ее брат. То, что от них осталось. Откуда здесь Белый маг? Их больше нет. Их нет уже много лет. Брат уничтожил их планету, много лет назад, и их всех вместе с ней. Черные колдуны ненавидели Белых магов. Они тоже были Высшими. Не такими, как Черные колдуны, но все равно Высшими. Они могли бы вполне мирно сосуществовать. Вселенная огромна. Им хватило бы места на ее просторах. Тем более, что у них совершенно разные цели и интересы. Белые маги были исследователями. Себялюбцами и гордцами, поглощенными исключительно самими собой и своими исследованиями. Им было наплевать на все и на всех. Но почему-то они яростно ненавидели Черных колдунов. Считая их разрушителями и убийцами. В чем разница, убить самому, согласно собственной природе, получая силы от чужих страданий и страха, или равнодушно проходить мимо тех же боли и страданий, не пытаясь протянуть руку и что-то изменить? Белые маги всегда были лицемерами и эгоистами, изображающими из себя этаких святых и великих. Они не несли зла. Они просто были равнодушны, были выше всех.

Как бы ни была велика вселенная, но встречи между Белыми магами и Черными колдунами случались. Эти встре-

чи всегда бывали кровопролитны. После них одна или обе стороны оставались на поле боя навечно. Белые маги не обладали такими сильными магическими способностями как Черные колдуны. Их магия, вообще, была не особо сильна. Их сила состояла в умении управлять пространством и временем. Они могли менять их направление и течение, и делали это виртуозно. И они пользовались этим умением как самым смертоносным оружием в схватках с противниками. Черные колдуны боялись и ненавидели их. Потому, что исход поединка с Белым магом чаще был в пользу последнего, несмотря на, практически, безграничную магическую силу колдунов.

Рамина с ненавистью смотрела на неизвестно откуда взявшегося представителя злейших врагов ее племени. Бросив быстрый взгляд на останки своих спутников, Рамина шагнула вперед, что бы рассчитаться с убийцей, и покончить с последним, непонятно как выжившим, Белым магом. Она видела, как ошеломило его ее появление. Он думал, что победил. Он был ранен, она видела, как жизнь покидает его, выплескиваясь из глубокой раны в боку, струями густой алой крови, стекающей на синюю траву под его ногами. Она была сильнее его. И она была не одна. Она была уверена, что победит...

А теперь она здесь. Посреди царства камня и льда. Одна. Запертая, как в клетке заклятием ненавистного Белого мага.

Его уже нет. Она почувствовала, когда его не стало. Но еще она почувствовала, что когда он умирал, он был счастлив. Рамина не понимала этого чувства – счастье. Но почему-то, все живые создания, встреченные ей, в самых разных уголках вселенной очень стремились испытать это чувство. Для Рамины это было загадкой. Впрочем, ей было все равно, загадки не интересовали ее. Просто ее разозлило, что белый маг умер, получив то к чему стремился. Он должен был страдать. Почему она не удержала его? Почему позволила ему завершить жизненный путь, так как он хотел? Это мучило ее, но в то же время придавало ей сил, питало ее ненависть и злобу. Ее не тяготило одиночество. К тому же она не одна. Внутри нее растет ее сын. Она знала, что это мальчик. Ее не пугало и не угнетало место, в котором она находится. Здесь не так прекрасно как на ее планете, но здесь тоже холод, камень и лед. Как там. Больше всего, ее страшило, что она никогда не сможет вернуться домой. На ее прекрасный Мрак. Вдруг и ее сын никогда не сможет покинуть это проклятое место? Эта мысль почти напугала ее. Нет. Ни за что. Она, что-нибудь придумает. Она найдет способ вырваться.

В отличие от Белого мага, который так и не понял, куда их забросило через созданный им коридор, Рамина прекрасно знала, что они даже не покинули планету, на которой находились. Просто оказались в другой ее части. Она чувствовала присутствие живых существ, по ту сторону гор. По ту сторону границы, проложенной для нее проклятым магом.

Рамина застонала и в бессильной ярости метнула светящийся луч в ближайшую скалу. Каменная громадина задрожала, и пошла трещинами. Огромные обломки со страшным грохотом посыпались на землю. Через минуту на месте скалы, в оседающем облаке пыли, лежали бесформенной кучей каменные глыбы. Рамина гордо вскинула голову. Она найдет выход. И она сотрет с лица ненавистной ей планеты ее не менее ненавистных жителей. Всех до одного. И даже самую планету уничтожит, превратит ее в космический мусор, в пыль.

Нашествие.

(одиннадцатый месяц 3177года терлианского летоисчисления /5065 межгалактический год.)

«...С течением времени боль потери утихает. Она не забывается, просто становится не такой непереносимой. Разрывающая сердце тоска сменяется печалью. И не заставляет душу страдать ежесекундно, а просто живет в ней тихим напоминанием о случившемся. Это закон всего живого. Иначе никто не смог бы выжить после перенесенной утраты, а просто постепенно угас бы сам от невыносимости этого ощущения, не оставляющего ни на минуту.

Жители Терлы оплакали погибших от рук Черных колдунов. Почтили их память всеобщим трауром. Имена героев высекли на Стене памяти в Маасдарме. Что бы потомки, много поколений спустя, не забывали о совершенном ими по-

движе. Но нужно было жить дальше. И постепенно жизнь вошла в прежнее русло, потекла тихо и мирно, почти как раньше. Не совсем, как раньше, потому, что теперь народ Терлы знал что есть силы способные неожиданно войти в привычную жизнь и разрушить ее, причинив боль и страдания, и беспричинно лишит, в один миг, того, что дорого и любимо. Терлиане утратили прежнюю беспечность и стали жить с «оглядкой». Чуть-чуть настороженно.

С момента появления Черных колдунов прошло почти десять лет. Дни проходили за днями. Люди трудились, устраивали праздники, играли свадьбы, рождали детей. Все было спокойно. И тревога, чувство неуверенности и настороженности постепенно слабели, стирались и исчезали из памяти и сознания. Десять лет долгий срок. Произошедшее уже казалось просто страшной историей, почти сказкой.

В один, ничем не примечательный день, похожий на такие же точно предыдущие теплые и солнечные дни, когда каждый из жителей страны был занят своим делом, во двор замка вождя въехали два всадника. Турлонги под ними были усталые, но не загнанные. Видимо всадники сменили их в одной из деревень, по пути к замку. А вот сами всадники едва не валились из седел на землю, от усталости, и одежда их совсем потемнела от дорожной пыли. Судя по их виду, они проделали очень долгий путь до столицы из самых отдаленных уголков страны...»

В зале дворца было так тихо, что слышно было как залетевший с улицы мотылек, бьется крыльями об оконное стекло, в тщетных попытках вырваться на свободу. Все молчали. Оглушенные, потрясенные. Смысл слов сказанных приехавшими был понятен, но разум отказывался его воспринимать. Противился и не мог, и не хотел. Улыбки на добродушных лицах угасли, казалось, что они и не умели никогда улыбаться. Застывшие маски с застывшими глазами, в глубине которых притаились боль и страх.

—Сколько?— наконец заставил себя снова заговорить вождь. Голос его звучал глухо и хрипло. Один из сидящих напротив него мужчин тяжело сглотнул и, глядя не на вождя, а куда-то в сторону от него, тихо произнес:

— Двадцать шесть человек. Четверо укрылись в каменном погребе. И трое пастухов были на выгонах. Приехали утром. Так, что из всей деревни только семеро...— голос сорвался, и он повернул голову к окну, туда, где продолжал сражаться с невидимой, но непреодолимой преградой несчастный пленник.

Вождь почувствовал, как сжимается сердце, как будто чья-то рука стиснула его железными пальцами и давит все сильнее и сильнее.

Второй приехавший сидел молча, низко опустив голову. Он нашел в себе силы доехать до дворца и прийти со своим земляком к вождю, но говорить он не мог. Его застывший взгляд был устремлен куда-то в дальний угол большого зала.

Он сидел не двигаясь и не произнося ни слова с того момента, как они все сели за стол и его товарищ начал свой рассказ.

— Это еще не все вождь.— Вождь медленно перевел свой взгляд на говорившего. Ему хотелось приказать ему замолчать. Хотелось ударить кулаком по столу и заорать, что бы он убирался из его дома. Неслыханное дело и непростительное. Плохо обойтись с гостем и прогнать его, такого никогда никто не делал. И вероятно, после этого он уже не будет вождем, и ни один житель страны больше никогда не заговорит с ним. Его дворец будут обходить стороной, а при встрече отводить взгляд. Но это не волновало вождя. Он готов был даже на такое. Лишь бы, человек проделавший долгий путь до его дворца, что бы сообщить страшную новость, замолчал. Лишь бы он больше ничего не говорил. Вождь крепко сжал пальцами подлокотники кресла. Он ничего не сказал гостю, он сидел молча. Ведь даже если он действительно прикажет молчать и прогонит его, правда от этого не измениться. Можно закрыть глаза, спрятаться, убежать, но правда все равно останется такой как она есть.

— На следующий день после нашего отъезда нас нагнали двое жителей дальней от нас деревни...— На некоторое время снова повисла тишина. Справившись с собой, говоривший поднял голову и, глядя вождю в глаза, стараясь говорить твердо, продолжил.— В следующую ночь то же самое произошло еще в нескольких деревнях. И в первую ночь тоже...— Он прочистил горло. Каждое слово давалось ему с большим

трудом.— Всего около двухсот человек... Мы были в пути пять дней, вождь...

Он замолчал. Теперь он рассказал все. Да все и так было уже понятно.

Ночь. Первое явление.

Где-то неподалеку, скрытая среди густой листвы, пела птица. Трещали и щелкали цикады. Тихонько подпевая ночным обитателям леса, журчал ручей. Теплый ночной воздух приятно обволакивал покоем и умиротворением.

Склонившись к ручью, погруженная в собственные мечты девушка задумчиво всматривалась в ночную темноту. Рука, державшая большой кувшин под тоненькой струйкой родниковой воды, по мере его наполнения, все сильнее и сильнее ощущала его тяжесть.

«Может быть, в ближайишие дни он решится прийти к отцу и братьям и попросит моей руки?»— подумала она, чувствуя, как зарделись щеки от собственных мыслей и, представляя перед собой лицо соседского парня, который уже долгое время оказывал ей знаки внимания, но все никак не осмеливался перейти к более решительным действиям. Сердце радостно забилося. Она была влюблена. Она была юна и прекрасна. Она полюбила впервые, и она находилась в ожидании. В ожидании первого поцелуя, первых объятий, первых слов признаний. Она мечтательно вздохнула. В этот миг ночную тишину нарушил крик, донесшийся со сторо-

ны деревни. Оборвав свою песню, птица, испуганно взмахнув крыльями, сорвалась с ветки и улетела прочь. Рука, крепко сжимавшая ручку кувшина, дрогнула. Девушка в волнении обернулась в ту сторону, откуда раздался крик. Сквозь кусты и деревья, закрывавшие большую часть деревни, было, видно несколько мечущихся в темноте огоньков горящих факелов. Раздался еще один крик, а затем еще несколько. Огоньки заметались быстрее и беспорядочнее.

«Что там случилось?»— уже не на шутку встревожившись, подумала девушка. Со стороны ближайших кустов послышался шорох. Обернувшись на звук, она застыла, не в силах пошевелиться. Прямо напротив нее, освещенное светом звезд, застыло странное существо, темный силуэт, которого, наполовину скрывала густая листва. С большой, почти квадратной головы смотрели два огромных круглых глаза, светящихся тусклым желтоватым светом. Пасть утыканная длинными острыми зубами была широко открыта. Существо вздохнуло, и из его ноздрей вырвалось маленькое облачко пара. Девушка попыталась сделать шаг назад, произвольно выставляя вперед маленькие руки, в тщетной попытке загородиться от жуткого видения. Она уже открыла рот, что бы закричать, но в этот миг существо бесшумно оторвалось от земли и в нежную белую кожу глубоко вонзились длинные загнутые когти. Тяжелый кувшин, выпал из разжавшихся пальцев, шлепнулся о поверхность воды и медленно погрузился на дно ручья. Вода у бере-

га на несколько мгновений потемнела, но быстрое течение тут же унесло воду, смешанную с кровью, той, что совсем недавно предавалась мечтам о любви, а теперь лежала на берегу, устремив невидящие глаза в холодную звездную высь.

«...Существа, получившие у терлиан название «Твари», были огромны и невероятно сильны. Круглые светящиеся глаза, пасти утыканные множеством длинных острых зубов и длинные острые, как ножи, когти на мощных толстых лапах. Существа двигались очень быстро и бесшумно. Все живое, что встречалось на их пути, тут же разрывалось на части острыми зубами и когтями. Они врывались в дома. Нападали на скот, крушили мелкие постройки и хозяйственную утварь. Картина, которая представала перед теми, кто приходил в деревню после трагедии, была ужасна. Изуродованные тела людей попеременно с убитыми животными, разгромленные дома, поломанные разбросанные вещи жителей деревни. И кругом кровь, потемневшая, запекавшаяся на телах, на земле и траве, на стенах домов.

Страшная весть облетела всю страну. Спешно создавались отряды для защиты жителей деревень. Встал вопрос об оружии. Терлиане никогда не были воинами. У них не было ничего кроме луков и ножей для охоты и хозяйственных нужд. Топоры и вилы. Вот и все, чем могли встретить жители страны страшного неведомого врага.

Во всех кузницах закипела работа. Ковали мечи, желез-

ные дубинки с шипами, огромные похожие на топоры, обоюдоострые секиры. Искусные кузнецы, на ходу, изобретали все новые и новые средства защиты. Жители приграничных деревень укрепляли свои дома. Делались тяжелые толстые двери с запорами. Окна замуровывались, или закрывались прочными толстыми ставнями. Укреплялись крышки погребов, что бы можно было спрятаться в них. С наступлением темноты деревни как будто вымирали. Все сидели по домам. Постройки для скота тоже укрепили. На ночь больше ни одно животное не оставляли на улице.

Нападения страшных тварей продолжались. Они нападали только ночью. И то хоть было хорошо. По крайней мере, днем можно было не опасаться. Странные существа спускались с гор. Текли по отвесным каменным склонам как лавина и затем, небольшими группками, разбегались в разные стороны, отправляясь на свою страшную охоту.

Как ни старались жители обезопасить себя, но без жертв не обходилось. Ни одной ночи с момента первого нападения не прошло, что бы кто-нибудь не погиб. Пришельцы обладали невероятной силой. Крепкие двери не выдерживали. Ставни слетали с петель. Страшные кровосжадные твари с каждым разом продвигались все дальше и дальше вглубь страны. На расстоянии двухсот миль от границы с горами стало не безопасно. Жители деревень, оставляли свои дома и уходили из родных мест, подальше от страшной напасти. Но вскоре переселение закончилось. Во-первых, него-

же поддаваться страху и бежать. С ним нужно бороться, давать ему отпор и победить его. А во-вторых, через некоторое время из-за гор стали появляться твари, способные пробежать за ночь и триста и четыреста миль. Нужно было что-то делать. Не к океану же всем переселяться. Бегство не выход, решили терлиане. Жизнь всему учит, если нужда заставляет. В самое короткое время, миролюбивый, добродушный народ превратился в искусных воинов. Люди продолжали нести потери. Но и страшные твари гибли под ударами тяжелых мечей отважных воинов, и от метко пущенных стрел, со специально сделанными, большими железными наконечниками. Стрелками из лука жители страны испокон века были отличными. Но сколько бы кровожадных чудовищ не истребляли, их, казалось, только прибавлялось и прибавлялось с каждой ночью. Это было страшное и тяжелое противостояние и ему не видно было ни конца, ни края...»

Золотой замок. Вариус.

В самом центре Сумрачной страны, в окружении высоких темных скал, на большом широком ровном каменном плато поднимается высоко, к самым облакам, огромный и величественный золотой замок Черной колдуньи Рамины и ее маленького сына Вариуса.

После того как Рамина оказалась запертой в Сумрачной стране, она первым делом начала готовится к рождению сво-

его сына. Наследник Черных колдунов должен был появиться на свет, как подобает представителям его рода в большом замке. Ребенок Черных колдунов с первых дней жизни должен осознавать свое величие и могущество. Свое превосходство надо всем остальным.

В первые же дни пребывания в Сумрачной стране Рамина создала огромных каменных великанов и приказала им возвести для нее и ее будущего сына замок. Каменные великаны принялись за работу и трудились, не зная усталости днем и ночью. Они были невероятно сильны и послушны, но, к сожалению Рамины, ужасно тупы. Ей постоянно приходилось наблюдать за тем, что они делают. В конце концов, результат трудов исполнительных, хоть и безмозглых работников оставил Рамину довольной. Замок был огромный. Главная башня была в виде головы дракона с открытой пастью. В глубине пасти находились тяжелые ворота. Комнат и огромных залов, соединявшихся между собой длинными коридорами и широкими лестницами, в замке было бесчисленное множество. Все, и внутри, и снаружи, сверкало и сияло, потому что стены были сделаны из светящегося золотистым светом камня. Рамина отпустила великанов, которые страшно надоели ей своей глупостью и непонятливостью за время возведения замка, и они тяжело переваливаясь на толстенных каменных ногах, убрались в горы, подальше от колдуньи. Радуясь, что хозяйка больше не будет на них беспрестанно сердиться и грозить обратить их в пыль.

Обойдя свои владения, Рамина решила, что мебель она сделает с помощью колдовства. Это будет проще и быстрее, чем создавать еще каких-нибудь глупых созданий, пусть даже и искусных мастеров в своем деле, а потом терпеть их рядом с собой и проверять постоянно правильно ли они все делают. Покончив с убранством замка, Рамина принялась за более сложную задачу, создание волшебного зеркала. Оно, должно было показывать, по требованию колдуньи, что творится в любом из уголков планеты. Рамину интересовало, что творится по ту сторону гор. Если уж она сама не может попасть туда, то хотя бы будет видеть и знать, обо всем что там происходит. Она ни на минуту не оставляла мысли погубить жителей ненавистой страны. Помимо мести, это ее ключ к свободе. Не останется ничего живого и граница установленная магом исчезнет, так как некого будет охранять и защищать.

Рамина прочла заклинание и, почти с любопытством, заглянула в мутноватую серебристую поверхность. Серая гладь зеркала заходила волнами, как потревоженная вода и постепенно начали проявляться, становясь все ярче и отчетливее, очертания деревьев, домов, улыбающихся лиц. Рамина мысленно приказывала зеркалу, какую из частей страны показать. Картинки сменяли одна другую. Большой город. Стены красивого замка. Столица страны. Счастливые и радостные жители. Лица беззаботны. Все довольны своей жалкой никчемной жизнью. Рамина сдвинула брови. Ее раздра-

жали эти улыбающиеся лица ничтожных созданий, населяющих эту мерзкую планету. Слишком много красок. Эта планета, просто была переполнена буйством цветов и оттенков. Рамину это бесило. Ей нравились строгость черт и отсутствие всего лишнего. Как на Мраке. Воспоминание об утраченном доме причинило боль и новый приступ ненависти захлестнул колдунью. Она ненавидела букашек копошащихся там, посреди этого буйства красок. Ненавидела деревья с густой листвой всех оттенков фиолетового и синего. Ненавидела яркие цветы и порхающих над ними, таких же ярких птиц и насекомых. Ненавидела реки с чистой прозрачной водой, полные рыбы. Синие озера и бескрайние луга. И ласковые теплые ветры доносящие запах меда и трав. Она ненавидела здесь все. Даже воздух и голубоватый свет этой проклятой звезды, которая породила планету. Рамина в ярости сжала руки. Сейчас она бессильна. Но это пока. Она найдет способ уничтожить все это. Обязательно. Если бы Черные колдуны могли плакать, она сейчас разрыдалась бы от, переполнявших ее, ненависти и бессилия.

Мальчик родился ночью, незадолго до рассвета. Как и все Черные колдуны. Рамина взяла свое дитя на руки и внимательно посмотрела на нового представителя великого рода. Вот еще один избранный. Мрак получил еще одного сына.

Мальчик был необыкновенно красив. Черные колдуны не бывали не красивы. В нем чувствовалась огромная си-

ла. Он был прекрасен. Только одно отличало его от других представителей его рода. Волосы были не черными, как у всех остальных, а золотистыми. Цвета расплавленного золота. "Проклятый маг!— подумала Рамина.— Это его «дар». Она всматривалась в лицо ребенка, пытаясь уловить, что еще «подарил» чертов маг ее мальчику. Наверняка, есть еще что-то. Она была слишком умна, что бы надеяться, что цвет волос это единственное, что он смог сделать. Он был слаб, он умирал. Но именно поэтому его заклятия были так сильны. Перед лицом смерти заклятия Высших всегда обретали особенную силу, становясь нерушимыми.

Рамина положила ребенка в золотую колыбель и отошла на несколько шагов. Что же еще проявится, когда ее сын немного подрастет? Что еще передал маг? Эти вопросы тревожили ее.

Рамина назвала сына Вариусом. На языке Черных колдунов это означало «повелевающий мирами». Это было достойное имя для ее сына. Вариус рос быстро. Почти сразу, как только он начал ходить, Рамина поняла, чем еще «одарил» его Белый маг. Вариус был любознателен. Он испытывал интерес к тому, что окружало его. Взгляд ярко синих глаз, вместо черных, еще один из «даров», был пытливым и задумчивым, а не холодным и отрешенным, как у всех остальных Черных колдунов. Это беспокоило Рамину больше всего. Цвет волос и глаз, это не так важно. Но Черный колдун не должен быть подвержен каким бы то ни было чув-

ствам и страстям. Желание познания, стремление к изучению и пониманию мира ведет к гибели. Любые чувства ведут к гибели. Черный колдун должен быть полностью лишен их. Его предназначение утолять свой голод. Побеждать. Вселять страх. И уничтожать все живое. Желание узнавать и изучать, способность проявлять интерес и чувства это помеха, опасность и путь к поражению. Рамина понимала, что теперь уже ничего нельзя изменить. Черные колдуны оставались такими какими явились на свет до последнего дня своей жизни. Они не менялись ни с возрастом, ни по мере накопления жизненного опыта. Ей пришлось смириться. Запрятать свою тревогу глубоко в себя и даже запретить себе думать о том, как заклятие Белого мага может отразиться на судьбе ее сына.

Каждую минуту Рамина думала как вырваться отсюда. Она пока не испытывала голода. Перед тем как попасть на эту планету они накопили столько сил, что пока она вполне обходилась без пищи. Но рано или поздно силы закончатся. Нужно найти выход. В ее пустынной тюрьме нет живых существ. Но даже если бы они и были, она не привыкла питаться какими-нибудь жалкими безмозглыми тварями. Ей нужны разумные существа, испытывающие страх, боль, переживания. Часами бродила Рамина по огромным залам дворца, в поисках решения и не находя его. Решение пришло неожиданно. Ее сын помог найти его.

С первых дней жизни Рамина рассказывала Вариусу о далеком прекрасном Мраке. Как там красиво. Как величе-

ственные горы и бескрайни белоснежные сверкающие равнины. И это лучшее место во вселенной. Вариус, наделенный Белым магом, некоторой степенью мечтательности и любознательностью, живо представлял себе планету, являвшуюся родиной всего их рода. Он не сомневался в словах матери и тоже считал, что Мрак это самое прекрасное изо всех мест. Но ему интересно было узнать и о других планетах. Он видел перед собой только темные камни и вечные не таящие льды. Серое, всегда сумрачное, небо, и звезды, которые загорались, с наступлением ночи, на черном, вместо серого, куполе неба. Ему хотелось знать, что еще существует во вселенной. Какие еще миры скрываются где-то там далеко-далеко, вращаясь, вокруг, кажущихся совсем маленькими светящимися точками звезд. Рамине было не понятно это стремление к познанию разнообразия, того что есть. Для нее другие миры представляли интерес только количеством и вкусом пищи. Все остальное было совершенно неважно. Но, что бы доставить удовольствие и порадовать сына, она, иногда, рассказывала, о том, что видела, путешествуя по вселенной в поисках все новых и новых планет. Она не обращала внимания на то, как планеты выглядели. Но кое что она, волей неволей, успевала заметить. Перед тем как начать действовать они, сначала, изучали планету, и то, что ей запомнилось из этих наблюдений, она рассказывала сыну. Он слушал с интересом. Вариус часами мог наблюдать за тем, что происходило по ту сторону гор, сидя перед волшебным зеркалом

и, не отрываясь глядя, на сменяющие друг друга разноцветные картинки.

– А почему здесь нет никаких живых существ?– спросил он как-то у матери.

– Живым существам, обычным смертным,– уточнила Рамина,– нужно тепло и пища и еще много всего странного и непонятного. Низшие существа очень беспомощны и полностью зависят от того, что их окружает. Они не могут жить в таких местах как это.

–Жаль...– задумчиво сказал сын колдуньи.– Было бы интересно понаблюдать за какими-нибудь живыми тварями.

Рамина посмотрела на сына. Он не переставал ее удивлять своим желанием наблюдать за чем-то или узнавать что-то новое. Но вдруг она поняла, что ее сын только, что разрешил задачу, мучившую ее все это время. Она подошла к мальчику и с гордостью глядя на голову со спускающимися почти до плеч золотыми кудрями положила руку ему на плечо. Она дала правильное имя сыну. Он будет великим повелителем миров, станет самым великим из Черных колдунов, несмотря на то, что отличается от них внешне и некоторыми особенностями характера. Вариус посмотрел на мать. Синие глаза сияли. Он почувствовал, что она довольна им. И ее рука на его плече, это ее похвала, знак одобрения. Он был рад. Вариус боготворил мать. Она была для него центром мироздания. Высшей из Высших.

Бесплодные, пустые и холодные земли Сумрачной страны

не годились для жизни. Но что мешает Рамине населить эти земли теми, для кого будет не страшен ни холод, ни отсутствие растительности и пищи. Она создаст существ, которые будут спокойно жить среди скал и ледников, а пищу добывать они будут там, где ее достаточно, по ту сторону гор. Граница очерченная заклятием белого мага не позволяет покинуть Сумрачную страну только ей и ее сыну, так как на момент наложения заклятия он находился внутри ее тела. Все, что она создаст сейчас, сможет спокойно преодолевать эту границу. И нести разрушения и смерть жителям страны так ей ненавистной. Созданные ей существа будут убивать, и насыщаться, а она и ее сын будут получать тот страх и ужас, которые будут испытывать жертвы созданных ею существ. Теперь у нее будет пища. Это так просто и так гениально! Рамина еще раз взглянула на сына, выражая взглядом одобрение, и направилась в свою половину дворца, готовиться исполнить замысел, подсказанный ей сыном.

Приходящие из-за гор.

(3396год терлианского летоисчисления /5284 межгалактический год.)

«...Каждую ночь они врывались молчаливым смертоносным потоком, убивая на своем пути все живое. Твари становились, настолько стремительны, что за ночь преодолевали уже чуть ли не всю территорию страны. Нападения происходили повсюду. Не было ни одного уголка, где бы жи-

тели могли чувствовать себя в безопасности с приходом ночи. Даже в столице, наиболее укрепленном и защищенном месте, происходили, время от времени, стычки со страшными пришельцами. Борьба продолжалась и продолжалась. Казалось, что чудовищ становится больше с каждой ночью. Дома превратились в неприступные крепости. Каждый ребенок, едва научившись стоять на ногах, обучался владению оружием. Мирный народ хлебопашцев, охотников и ремесленников превратился в воинов. Создавались специальные охранные отряды, которые каждую ночь бесстрашно отражали яростные атаки кровожадных тварей. Дети, выросшие в таких условиях, уже не представляли себе, той прекрасной мирной, беззаботной жизни, которая была на их планете до начала вторжения страшных существ. Они слушали истории о мирной жизни прошлых дней как прекрасные добрые сказки. Не зная другой жизни, они принимали ту, что есть как привычную и обыденную. В каждом уголке страны шла борьба, которая, казалось, никогда не закончится. Так продолжалось больше двух столетий...»

Дающий надежду. Начало пути.

Отряд двигался по пыльной дороге. Ночную тишину нарушало только пение птиц и скрип мелких камешков и песка под жесткими подошвами лап турлонгов. Ехали молча. Настроение у всех было неважное. За ночь они уже объехали три деревни. В две они опоздали. Твари уже успели напасть.

В первой убили старика, который, несмотря на строгий запрет старейшины, вышел из дома после наступления сумерек, что бы запереть птичник, который забыл закрыть, перед тем как укрыться в доме на ночь. Когда отряд въехал в деревню, твари уже ушли. Судя по поломанной повозке и поцарапанной стене загона для скота, они походили по деревне в поисках еще какой-нибудь добычи. Но ничего больше не нашли и помчались дальше.

Во второй деревне были убиты парень и девушка. Потихоньку от родителей, девушка убежала, что бы встретиться с возлюбленным. На нее напали у соседнего дома. Когда воинский охранный отряд въехал в деревню, жители уже боязливо начали выходить из домов. Девушка лежала посреди дороги. Маленькая тоненькая фигурка в белом длинном платье. Совсем юная. Красивая, судя по оставшейся половине лица. Вторая половина была разорвана когтями одной из тварей. Печальное зрелище. Мертвая девушка в белом платье, на котором почти не было крови. Видимо чудовище сначала повалило ее, а потом уже убило. Издали казалось, что она просто спит, хоть и выбрала для сна такое странное место, как дорога. Растерзанное тело парня, к которому она бежала под покровом ночи, нашли чуть дальше. Его твари изуродовали до неузнаваемости. Любовь привела к гибели двоих, еще ничего не успевших повидать в своих, только начавшихся жизнях. Это было очень печально. И, как всегда, страшно.

В третьей деревне им повезло больше. Они только приехали и начали объезжать улицы, когда послышался, чуть слышный шорох. Если бы не опыт постоянных столкновений с проходящими из страны сумрака чудовищами, можно было бы, и не обратить внимания, на едва слышный звук. Твари передвигались почти бесшумно. Но воины научились слышать малейший шум. От этого зависела жизнь.

Бой был быстрым и удачным. Четыре мерзких создания за несколько минут легли мертвыми к ногам воинов. Среди сражавшихся, к счастью, на этот раз, никто не был ранен. Если бы не две предыдущие деревни все бы порадовались удачной битве.

Зоран тяжело вздохнул. Ему снова вспомнилась девушка. В свои неполные двенадцать лет он повидал уже много смертей. Он видел и убитых мирных жителей и как погибали его товарищи. Всегда было жаль. Каждого. Каждый убитый это жизнь, которую отняли. Навсегда. Каждый раз сердце рвалось из груди от сострадания и ярости, от непонимания, почему его народ страдает так несправедливо и жестоко. Его соотечественники добры и миролюбивы по своей природе. Они не стремятся причинять кому-либо зло или вред. Так за что им такая напасть. Но сегодня он испытал самую настоящую боль. Он не мог понять почему, но он еле сдержал слезы, когда смотрел на маленькую беззащитную фигурку, лежащую в дорожной пыли. А рядом рыдая и раздирая себе лицо ногтями, каталась по земле несчастная мать. И отец,

стоя в стороне, сотрясался от беззвучных рыданий, сжимая в бессильном горе большие натруженные тяжелой работой руки. Зоран видел, что на его старших товарищей эта картина тоже произвела тяжелое впечатление. Даже Рамора, закаленный в боях, покрытый шрамами старый прославленный воин и наставник Зорана, не выдержал и отвел глаза. И Зорану даже показалось, что в его глазах блеснули слезы.

– Зачем они выходят ночью из домов?– спросил Зоран. Ему всегда не давал покоя этот вопрос. Большинство из тех, кто погибал, находили свою смерть из-за того, что сами покинули ночью надежные укрытия и вышли на улицу. Но почему-то смертельная опасность не останавливала жителей деревень. Всегда находился, кто-то беспечный. Кто-то считающий, что все обойдется и именно с ним ничего не произойдет.

– Так мы устроены.– Привычно вглядываясь в темноту, ответил Рамора.– Нам тяжело усидеть взаперти, когда есть какое-то, как нам кажется, важное дело. Каждый думает, авось пронесет. Я же быстро, осторожно. Раз, раз и готово.

Зоран удивленно посмотрел на него. Рамора говорил так спокойно, как будто не считал величайшей глупостью пойти закрывать ночью птичник, например. Рисковать жизнью из-за ерунды, казалось Зорану очень глупым.

– Неужели старику было так важно запереть своих птиц?– не удержавшись, спросил мальчик. Ему было жаль погибшего, но это не отменяло того, что его поступок был глупым и

неосмотрительным. Так же как и ночное свидание влюбленных... .

Рамора пожал плечами.

—Для каждого из нас понятие того, что важно разное. Одному важно запереть птиц, другому важно сделать самый меткий выстрел. Тебе кажется странным, что он рисковал жизнью из-за глупых птиц, а он не мог не пойти и не сделать этого, ему было жаль их. Он несчастный старик. Девчонка тоже побежала получить поцелуй, украдкой от родителей. Кто-то тоже скажет ерунда, а для нее это было важнее всего на свете... — Лицо старого воина было печальным и усталым. Погибшая девушка выбила из колеи весь отряд. Так бывает. Воины годами сражаются, видят страшные вещи и хоть и переживают, но учатся брать себя в руки. А потом происходит какое-то событие, ничем особенным вроде бы не отличающееся от остальных, а душа переворачивается и сразу вся накопившаяся боль подкатывает к горлу и встает в нем горьким комом. И слезы начинают душить. И сердце наполняет злость и ненависть к несправедливости того, что происходит.

Размышляя обо всем этом, Зоран задумался и немного отстал от Раморы. В кустах, сбоку от дороги, что-то едва заметно шевельнулось. Зоран повернул голову, вглядываясь в темноту. Рамора был впереди от него уже в двух десятках шагов. Ехавшие позади Зорана воины, находились на расстоянии тоже пары-тройки десятков шагов от него. Зоран ле-

гонько тронул бока турлонга, но тот вдруг приподнял большие уши и весь задрожал, пятясь назад. В следующее мгновение из кустов в сторону юного всадника вылетела большая темная тень. Два огромных зеленоватых глаза, светящихся в темноте, быстро приближались. Зоран почувствовал, как страх сковывает тело, не давая воздуху проходить в легкие. Это оцепенение длилось одно мгновение. Уже в следующую секунду рука мальчика, привычным движением,хватила меч, и тварь еще находилась в воздухе, стремительно приближаясь к своей жертве, а острый клинок уже вошел глубоко в ее тело, нанося смертельный удар. Лапы чудовища дернулись и в последний миг острые когти успели рассечь ткань плаща и вонзиться в плечо маленького воина, после чего безжизненное тяжелое тело рухнуло на землю. Испуганный турлонг закружился, переступая широкими лапами, пытаясь отойти подальше от страшного существа, лежащего перед ним. Зоран чувствовал острую боль в разорванном плече. Но он не обращал внимания на нее. Сильнее чем ощущение боли его мучило чувство стыда. Он испугался! Он почувствовал страх! Он сын вождя, отправленного отцом на обучение к великому воину Раморе, испугался. Он подвел отца, не оправдал надежд, возложенных на него. Подвел своего учителя и наставника. Он трус. Не быть ему великим воином. Никогда. Жгучие слезы разочарования навернулись на глаза. Это была его первая тварь, которую он убил сам. В одиночку. Он давно представлял этот момент. Мнил себя

героем. Ждал. А на самом деле он оказался трусом. Жизнь показалась Зорану в этот миг нестерпимо горькой.

Подъехали остальные. Убитое Зораном существо было громадным. Такие попадались нечасто, к счастью. Если бы мальчик не нанес меткий удар и не вонзил меч так глубоко, почти по самую рукоять, в открытую во время прыжка грудь чудовища, исход битвы был бы печальным. С таким огромным существом справиться в одиночку было почти невозможно. Воины поздравляли Зорана. Хлопали по плечу, улыбались. Рамора осмотрев лежащий на дороге труп, подошел и тоже похлопал своего воспитанника по плечу. В его глазах была гордость. И радость, что мальчишка жив. Рамора привязался к сыну вождя. Из него получится настоящий воин, старик чувствовал это.

—Тебя нужно перевязать.— Он кивнул на поврежденное плечо. Весь рукав рубашки под разорванным плащом пропитался кровью. Зоран следил за происходящим как в тумане. Каждое поздравление, каждая похвала раскаленным железом жгла его изнутри. Единственное, что он испытывал в этот момент это жгучий стыд. Он был противен сам себе. Он трус. Эти замечательные, смелые воины, каждый день бесстрашно глядящие в лицо опасности, даже не представляют, что поздравляют недостойного. Не заслуживающего их слов ободрения. Недостойного даже находится рядом с ними, не то, что носить гордое звание воина и защитника. Зоран стойко перенес боль во время перевязки, даже не помор-

щившись, хотя рана была глубокая и сильно болела. Все его мысли были сосредоточены на его позоре. Позоре, о котором никто не знал, и от этого еще более мучительном. Он чувствовал себя совершенно несчастным.

Пока часть воинов из отряда осматривали окрестности, в поисках других тварей, а Зорану перевязывали рану, несколько членов отряда поехали вперед по дороге, что бы найти место для привала. Начинало светать и чудовища уже не появятся до следующей ночи. Нужно было отдохнуть. Ночь была долгой и трудной. Как и все ночи для охранных отрядов.

Все давно уже спали. Яркие лучи Зериса не мешали своим светом, привычным спать днем воинам. Зорану не спалось. Тихонько поднявшись, он отошел от лагеря к небольшому холму. Взобравшись на вершину, он уселся на мягкую голубую траву и стал смотреть вдаль. Вокруг расстилалось бескрайнее поле. На голубом ковре, были щедро рассыпаны разноцветные узоры цветов. Птицы проносились над самой травой в погоне за пестрыми жуками и бабочками. Вдали виднелась река и за ней лес. Картина, открывающаяся с вершины холма, была удивительно красива. Глядя на это буйство красок, на это мирное, радующее глаз великолепие, даже трудно было поверить, что с наступлением темноты на каждом шагу здесь, как и в любом другом месте страны становится смертельно опасно.

На душе у Зорана было по-прежнему тяжело. Острое

чувство стыда и горечи сменила равнодушная пустота. Его жизнь не имеет смысла. Он ничто. Пустое место. Худший из худших. К глазам снова подступили слезы.

– Не спится? – спросил Рамора, подходя к мальчику и опускаясь рядом с ним на траву. Посмотрев вокруг, он сказал. – Красота какая. Сколько лет живу, вижу все это каждый день и не могу перестать удивляться такой красоте. Он посмотрел на мальчика и легонько толкнул его плечом. – Ты чего такой кислый? Ты герой, ты сегодня одержал первую победу. Это важный день. Должен радоваться, а ты сидишь как будто в воду опущенный.

Зоран тяжело вздохнул. Он больше не мог сдерживаться. Слова прославленного воина были последней каплей. Рамора не оставил ему выхода. Собрав все свое мужество и стараясь говорить, чтобы голос не дрогнул, Зоран твердо сказал:

– Я трус.

Рамора повернулся к нему и внимательно посмотрел на напряженное, бледное, совсем еще детское лицо. Он видел, что с мальчиком, что-то не так. Но сначала не хотел лезть, думал, что если захочет сам расскажет. Когда Зоран поворочавшись на своей подстилке, поднялся и пошел к холму, Рамора решил, что нужно все же узнать, что такое происходит с мальчишкой.

Так как наставник молчал, Зоран счел своим долгом пояснить:

– Я много раз представлял, как в первый раз убью тварь

из-за гор сам, без чьей-то помощи. Представлял себя воином. Представлял, как будет гордиться отец. А сегодня, когда она выпрыгнула из кустов, я испугался. Я так испугался, что в первый момент я даже пошевелиться не мог. Я ни о чем не думал, ничего не испытывал, только страх...— голос его сорвался и он тяжело задышал, пытаясь справиться с рыданиями, подступившими к горлу и норовившими вот-вот прорваться наружу, что бы уж довершить его позор окончательно. Рамора еще некоторое время внимательно смотрел на него, а потом улыбнулся.

—Ты знаешь, что я сделал, перед тем, как убить свою первую тварь? Когда она бросилась на меня, я обмочился.— Старый воин широко улыбался и когда Зоран повернул к нему изумленное, недоверчивое лицо, расхохотался громко и заразительно. Птицы, носившиеся рядом, испуганно полетели подальше от шумных соседей.

На глазах у Раморы от смеха выступили слезы. Немного успокоившись, но продолжая весело улыбаться, он смахнул слезы широкой, загрубевшей ладонью. Давнее воспоминание развеселило его, он вспомнил себя таким же мальчишкой как Зоран. Как он тогда струсил и думал, что жизнь его кончена. Что позор покрыл его голову и его имя навеки.

—Сынок,— обратился старый воин к своему воспитаннику.— Все боятся. Нет ни одного воина, который бы не боялся. И я боюсь, и ты будешь бояться. Каждый раз. В этом нет ничего страшного или постыдного. Смелость не в отсутствии

страха. Настоящая смелость в умении его преодолеть. В умении преодолевать его раз за разом. Преодолевать, когда уже знаешь, что тебя может ждать и все равно идти вперед, не отступать и не поддаваться этому страху. Смелость это умение быть сильнее своего страха. Запомни это Зоран. Ты не трус. Ты молодец. И я верю, что из тебя получится великий воин. Такой, на которого будут равняться. Твое имя не зря означает «дающий надежду». Твой отец верит в тебя и гордится тобой. И надеется, что тебе удастся что-то изменить и может быть, даже покончить с этим бедствием, охватившим нашу страну.— Рамора помолчал. Суровые черты его лица смягчились. Сейчас он был похож на мирного хлебопашца, присевшего отдохнуть и полюбоваться красотой и умиротворением прекрасной долины.— Мы приехали ночью в маленькую деревушку. Были слышны крики. Твари опередили нас. Их было очень много, видимо они еще не успели разделиться, как всегда это делают. Деревушка находилась недалеко от границы, и они ворвались в нее целой стаей. Битва была страшная. Мне едва минуло двенадцать лет и я еще ни разу не попадал в такие переделки. Наши воины сражались яростно, но тварей было слишком много. Они убили четверых из нашего отряда. Мой наставник, старый опытный воин, прошедший уже множество сражений, велел мне держаться возле него. Клинки мечей беспрерывно мелькали в воздухе, со всех сторон слышались звуки борьбы, стоны раненых и шумное дыхание тварей. Наставник бросился на помощь одному из молодых

воинов, из последних сил отбивавшемся от огромного чудовища, почти такого же огромного, как то которое ты убил сегодня. Я побежал следом, но споткнулся и упал. Я не успел встать. Из-за угла ближайшего ко мне дома появилась голова со светящимися глазами, а в следующий миг тварь уже взвилась в воздух и полетела прямо на меня. Я забыл обо всем, я чувствовал только ужас. Я представил как эти острые зубы, и когти сейчас вопьются в меня и начнут грызть и терзать мое тело. И потом меня просто не станет. Я больше не увижу ни дневного света, ни травы, ни цветов. Не увижу своих родных, свой дом. Чудовище приближалось ко мне я уже мог вытянуть руку и дотронуться до мерзкой морды, выпускающей клубы пара из своих ноздрей. И тут, я почувствовал, как по моим ногам что-то течет. И меня захлестнула такая ненависть. Такая злость, что эта мерзкая гадина заставила меня опозориться, испытать постыдный страх, да такой сильный, что я даже обмочил штаны. Я все еще лежал на земле и мой меч, был подо мной, я бы не успел его достать. Рядом лежала железная булава, видимо, выпавшая из рук одного из убитых воинов. Я был еще ребенком, но ярость и ненависть придали мне сил. Схватив булаву, я ударил по уже готовой впиться в меня огромной голове. А потом я наносил удар за ударом. Существо, лежавшее у моих ног, было уже мертво, а я продолжал бить тяжелой булавой, которую, в другое время, наверное, с трудом смог бы даже просто поднять. Бой закончился. Один из воинов подошел ко мне и взял меня за руку,

пытаясь забрать булаву. Я не сразу смог разжать пальцы. Они как будто выросли в рукоять.

—Все закончилось, Рабора.— сказал он.— Ты молодец. Тварь уже мертва, отдай мне булаву.

Я смотрел на него, на всех остальных, в ожидании, что сейчас они заметят, что со мной произошло, и начнут смеяться. Но никто не смеялся. Все только похлопали меня по плечу и сказали, что я хорошо сражался. Потому, что каждый из них пережил подобный страх, и не раз.

Рабора похлопал мальчика по здоровому плечу.

—Пойдем спать Зоран. Ночью опять нужно будет идти вперед, и снова преодолевать свой страх. И поверь, теперь, когда ты знаешь, что это такое, когда ты сам заглянул ему в глаза, это будет сделать вдвое труднее, чем раньше. Идем. Нужно отдохнуть, набраться сил.

Два воина вернулись в лагерь и улеглись на свои походные подстилки. Великий и прославленный, прошедший множество сражений, смотревший в лицо смерти и своему страху много-много раз. И мальчик, который был в самом начале пути. Который сегодня впервые пережил страх смерти, подступившей так близко, что он заглянул в ее страшные глаза.

Слушая на вершине холма своего наставника, Зоран дал себе клятву всегда идти только вперед и всегда до конца. Никогда не отступить и не сдаваться. Побеждать свой страх. Чего-бы это не стоило.

Голубые лучи освещали красивую лужайку и спящих на

ней воинов, среди которых был мальчик. Он крепко спал, и на его губах играла улыбка. По-видимому, во сне ему виделось, что-то хорошее.

Путь к освобождению.

Уже больше двух столетий Рамина была пленницей в Сумрачной стране. Двести лет по сравнению с тысячелетиями, которые она уже прожила, путешествуя по вселенной в поисках все новых и новых планет, и по сравнению с десятками, а может быть и сотнями тысяч лет, которые были у нее еще впереди, это как два коротких дня для обычного смертного. Но все это время она жила с сознанием того, что она лишена свободы, что будущее неясно и неопределенно. Она, конечно, ни на секунду не оставляла мысли о том, что рано или поздно вырвется отсюда. Но то, что пока она не могла найти решения, приводило ее в ярость. Ей никогда не замечавшей хода времени, каждый час, каждая минута, проведенная здесь, казались бесконечными. Время как будто застыло на этой проклятой планете. Она была одним из самых могущественных существ во всей вселенной, но Белый маг раз и навсегда отвел ей границы ее могущества, целую страну, бесплодную и безжизненную, становившуюся ей все ненавистнее тюрьму, в которой она была полноправной владычицей. И это фактически сводило все ее могущество на нет. Рамине хотелось выть, кричать, крушить. Ее одолевала жажда мщения и разрушения.

Когда Рамина только начала создавать свою армию кроваж-
адных существ, она потребовала чтобы они нападали толь-
ко после того как их жертва поймет, что ее ждет и в полной
мере испытает страх и ужас. Твари были удивительно крово-
жадны, и были готовы убивать всех и все. По началу многие
из них врывались в дома и убивали тех, кто там находился
прямо во сне, так, что никто даже не успевал понять, что
произошло. Встретив на своем пути стадо скота, они прини-
мались убивать животных, и так увлекались, что к моменту
расправы надо всем стадом и насыщением самих тварей, уже
приближался рассвет, и нужно было возвращаться обратно,
что бы до восхода солнца оказаться на землях Сумрачной
страны. После того как глупые твари не выполнили ее при-
казание нападать так, что бы жертвы успели испытать страх,
несколько раз подряд, она казнила ослушавшихся на глазах
у остальных. Казнь была жестокой и мучительной. К сожа-
лению, Рамина не могла насладиться болью и страданием су-
ществ созданных ею самою при помощи магии. Это было за-
коном. Даже у колдовства были свои законы и правила.

Свидетели страшной расправы заискивающе смотрели в
глаза госпоже и повелительнице, жались к земле. Огромные
уродливые тела дрожали в страхе, а из утыканных острыми
зубами пастей вырывались облачка пара. Твари были без-
молвны, поэтому не могли выразить свой страх ни поскули-
ванием ни какими другими звуками. Урок был усвоен. Тва-
ри не боялись смерти или боли, но они ужасно боялись сво-

ей госпожи и ее гнева. Ни одна тварь больше не нападала на жертву, не подозревавшую, что ее ждет. Скот, если и резали, то на бегу, по паре тройке миус, не задерживаясь и не тратя ни одной лишней минуты драгоценного времени, коротких терлианских ночей.

Рамина предпочла бы, что бы страшные создания нападали днем. Это осложнило бы жизнь обитателей планеты намного больше. И число жертв значительно возросло бы. Но ни какие заклятия и угрозы не могли заставить тварей покидать пределы Сумрачной страны в дневное время. У подножия скалистых гор они останавливались, начинали жаться к земле и отползать назад. Рамина могла бы снова устроить показательную казнь, но она поняла, что дело не в глупости и не в непослушании. Тут было, что-то другое. Твари, по какой-то причине, просто не могли перейти границу днем. Рамине пришлось смириться.

Время от времени Рамина заглядывала в волшебное зеркало. Она старалась делать это как можно реже, потому, что каждый раз испытывала только новый приступ злобы и ненависти. Существа, по ту сторону гор не переставали удивлять ее. Они были не похожи на всех виденных ей до этого, абсолютно во всем. Даже теперь, когда они столкнулись со страшной напастью, угрожающей их жизням, они не начали спасать себя, отталкивая других, пытаясь за их счет сохранить свою жалкую жизнь. Нет. Случившееся, только еще больше

сплотило их. Они кинулись спасать друг друга, помогать, бороться. Они смело шли на смерть и не отступали. Они были загадкой для Рамины. Сколько раз она, почти с удовольствием, наблюдала, как жители других, более развитых планет, обладавшие куда более совершенными средствами защиты, огромными армиями, начинали грызть друг другу глотки, запирали двери перед умоляющими о спасении соплеменниками, обрекали на смерть тысячи, что бы спастись самим. Дрожали от страха и прятались, в надежде, что все закончится, а они выживут, сохранят свои жалкие жизни. Конечно они не догадывались, что Черные колдуны не оставят им ни одного шанса, что ни крепкие запоры, ни вооруженные армии не спасут их в конечном итоге, и они умрут так же как и те кого они оттолкнули, за кем пытались спрятаться. Но было забавно наблюдать за их попытками, чувствовать их нарастающий страх, превращавший их из разумных существ в животных. Порой этот страх становился настолько сильным и продолжительным, что даже становился неприятным на вкус, как перезревший плод.

Рамина не обременяла себя воспоминаниями о планетах, на которых она побывала. Их было очень много и они мало чем отличались. Просто где-то еды было меньше, а где-то больше. Но это было не важно. Всегда можно найти следующую планету. Которая тоже будет похожа на остальные. Ей хорошо запомнилась только одна планета. Она была очень большой. И очень густонаселенной. На ней, практически вся

поверхность суши была заселена обитавшими там разумными существами. И их было очень много. Большую часть планеты занимали колонии. Смертные там жили как рабы. В высоких, поднимающихся почти до неба домах по несколько десятков тысяч в каждом. Целая армия следила, что бы они вели себя спокойно и работали по целым дням, производя самые разные предметы, оружие, средства передвижения и еще много всякой ерунды необходимой смертным. Часть жителей колоний работали на полях. Выращивали какие-то растения, животных. Эти жили еще хуже. Они еще больше работали и с ними обращались еще более сурово. Они сами были как животные. И лишь на очень небольшом участке суши жили те, кто управлял всеми жителями колоний и армией. Небольшая кучка избранных. У них было все. В их руках была власть. Но они тоже были жалкими. Даже более жалкими, чем их рабы. Потому, что они считали себя властителями мира. Всесильными и всемогущими. А сами были еще слабее и никчемнее тех, кем управляли. Сначала Черные колдуны расправились с армией. Жители колоний даже обрадовались. Решили, что это освобождение. Но когда принялись за них, пошла волна паники и безумия. Волна ужаса и страха была такой сильной, что колдуны, почувствовавши, что уже пресытились. Живых существ было так много и они так боялись и так отчаянно цеплялись за свои жизни, что колдуны, насытившись, просто прикончили оставшихся всех разом. На памяти Рамины это был первый и послед-

ний раз, когда на одной планете они насытились так, что уже чувствовали переизбыток и уже не только не хотели больше есть, но просто не могли. Горстку, тех, кто управлял планетой они оставили на последок. Мужчины в тот раз тоже захотели поиграть. И даже она, понимая, что обидно просто так бросить такой жирный кусок и уйти, согласилась вступить в эту игру. Колдуны решили немного задержаться и понаблюдать за развитием событий. Бывшие властители, лишившись своих слуг и всех плодов их труда, постепенно начинали осознавать весь ужас своего нового положения. Они проявляли все большее и большее беспокойство. Когда начали гибнуть колонии и они поняли, что остановить гибель невозможно, трусливые, равнодушные к судьбе всех остальных, хозяева, махнули на все и всех рукой и начали предпринимать попытки обезопасить себя. Им было все равно, сколько тех, кто служит им погибнет. Им важно было только выжить самим. Глупцы! Они не понимали, что были обречены, с того самого момента, как только Черные колдуны ступили на их планету. Эти трусливые создания заставили тех немногих, кто остался из слуг строить какие-то оборонительные сооружения. Запасать оружие и пищу. Они продолжали командовать и повелевать, а внутри у них жил животный страх. Колдуны чувствовали его. Это было забавно. В конце концов, началась борьба за пищу и необходимые вещи. Слуги пошли против своих хозяев. Они грызли друг другу глотки. Они убивали друг друга. Отнимали последнее и готовы были на все, лишь

бы остаться в живых. Лишь бы стать теми, кто пережил все и всех. Уже не важны стали шикарные дворцы и все блага и богатства, которыми они обладали и которыми так дорожили и похвалялись друг перед другом. Осталась единственная ценность – жизнь. Все приедается. Колдунам надоело. Слишком много пищи, слишком много развлечений. Нужно было уходить. На этой планете больше нечего было делать. Она уже отдала все, что могла. Почти все. Они пришли рано утром. Это лучшее время для появления. Начало дня. Все живое только-только пробуждается, надеясь на новый день, на продолжение жизни. Колдуны просто явились тем, кто остался. Ни какие заборы и запертые двери не могли остановить их. Смертные всегда переоценивают возможности своих жалких укрытий, средств защиты. Они всегда так надеются на них, и когда оказывается, что они не могут их защитить, начинается настоящая паника. Тех, кто выжил было уже совсем не много. Несколько десятков. Последние. Самые коварные, самые подлые и трусливые. Самые везучие, как они считали. Когда они поняли, что все кончено, от них пошла волна страха такой силы, какой ни один из Черных колдунов не ощущал еще ни разу за все тысячи лет своих скитаний. Эти существа были омерзительны. Они умирали, ползая по земле и моля подарить им жизнь. Они обещали несметные богатства и все, что угодно в обмен на жизнь. Готовы были стать рабами. Мужчины немного потешились, делая вид, что раздумывают, даже пообещали, что оставят в живых самых сильных.

Существа тут же начали набрасываться друг на друга, в попытках выиграть шанс на жизнь ценой смерти других, более слабых. Понаблюдав немного, колдуны быстро все закончили и покинули планету.

Здесь все наоборот. Совершенно негодный народ. Не подходящий, для употребления. А с течением времени стало еще хуже. Они научились обороняться. Научились давать достойный отпор. Превратились в настоящих воинов. Жертв, стало совсем мало. Только случайно вышедшие ночью на улицу глупцы или путники, по какой-то причине заночевавшие в дороге. В основном, теперь гибли воины во время сражений с ее тварями. Но они почти не испытывали страха. Конечно они боялись, все живое страшится гибели, но их страх был так мал и так безвкусен, что Рамина, чувствовала, что начинает испытывать голод. Это было плохо. Она могла обходиться без пищи не одну тысячу лет, но ее силы слабели. Ей нужно было убивать, насыщаться, чтобы магические силы не уменьшались. Рамина испытывала странное чувство, которого не знала никогда раньше. Она была Черной колдуньей, а не обычной смертной, поэтому не могла знать, что чувство, которое она ощущает все чаще и чаще, называется отчаянием.

Вариус совсем вырос. Каждый раз глядя на сына, Рамина испытывала гордость и тревогу. Вариус был высоким, как и все Черные колдуны. Он был красив. Очень красив. Но не

такой холодной безжизненной красотой как остальные его соплеменники. Его красота была более мягкой, в ней было, что-то от красоты смертных. Только глаза, синие и холодные, были лишены мягкости и тепла. Но и в них присутствовала не свойственная Черным колдунам тяга к познанию, к изучению окружающего. И, это было самым ужасным для его матери, у Вариуса не было потребности убивать. Смерть привлекала его только как одна из сторон бытия. Как объект для познания и изучения. Как-то он заставил нескольких тварей драться между собой. Схватка была яростной. Когда на поле боя перед молодым колдуном осталась только одна тварь, а остальные лежали бездыханными, поверженные победителем, Вариус, совершенно равнодушно перерезал оставшейся твари глотку. Он немного постоял над трупами чудовищ, а потом ушел в замок. Когда Рамина спросила, зачем он убил победившую тварь. Она была сильной и, значит, могла еще пригодиться. Сын ответил, что он просто хотел почувствовать, что значит убить живое существо. Мать сначала обрадовалась, что в нем заговорил инстинкт его рода. Зов крови. Но ответ Вариуса разочаровал ее: «Это не интересно. Я не испытал ничего. Просто тварь была жива, а потом ее не стало. Мне не нравится убивать. Это скучно». Проклятый белый маг, это он сделал ее сына таким! В нем нет сострадания, это хорошо. Он убил равнодушно, и не задумываясь, это тоже хорошо. Но он убил просто из любопытства, из жажды познания, из желания пережить новое ощущение. В нем

нет потребности, лишая жизни. В нем нет потребности, внушать страх и сеять ужас. Это все из-за мага! Из-за этого чертова мага. Который, в последний момент, раскис и превратился из Высшего в слабого и подверженного глупым чувствам, как простой смертный.

Вариус часто наблюдал за жизнью в стране, расположенной за горами. Он не испытывал как его мать ненависти к живущим там существам, он не испытывал ни каких чувств по отношению к ним. Ему было все равно, будут они жить или погибнут. Мать хочет, что бы они все погибли, значит, они должны умереть. И он делает все, что бы погубить их, раз для нее это важно. Вариус изучал их образ жизни, ремесла, привычки. Иногда он смотрел, как проходят их праздники. Они были очень улыбчивыми, жизнерадостными. Любопытные создания. В них тоже не было тяги убивать. Они вообще были чужды любым проявлениям жестокости. Они убивали животных, что бы прокормиться. И чудовищ, посланных матерью, чтобы спасти себя. Но они делали это по необходимости, так что это не в счет. Все это он просто отмечал для себя, но без особого интереса, просто как факты. Но была одна вещь, которая захватывала Вариуса с головой. Он мог часами смотреть, как эти создания отрабатывают воинские приемы. Как они бьются на деревянных мечях, отрабатывая удары, доводя их до совершенства. Как ловко они кидают ножи в деревянные щиты. Стреляют из луков, тонкими стрелами, с острыми наконечниками, почти никогда не промахиваясь.

В магической книге матери Вариус нашел записи о колдовском оружии, которым пользовались его предки. Они делали мечи из железа, как и те в зеркале, а потом с помощью заклинаний придавали им невероятную силу. Вариус загорелся этой идеей. Он сделал себе меч и наложил на него заклятие. Потом он попросил мать помочь создать ему не просто тупую кровожадную тварь, а существо, способное мыслить, достаточно, для того, что бы исполнять роль противника в бою. Рамина не одобряла этих увлечений, но понимала, что сыну нечем заняться, в этой тюрьме. Она создала существо, невероятной силы и коварства. Рамина, хоть и не любила имен и названий, но этому существу все же было дано имя. Страж тьмы. Он вполне может пригодиться потом, когда Вариус наиграется в свои игры, решила она. Один слуга, соображающий лучше, чем земляной червь не помешает.

Вариус принялся за изучение воинской науки. Он посвящал этому занятию целые дни. Страж тьмы был неумолим. Он не был живым существом, в полном смысле этого слова. Он был порождением колдовства и магии, поэтому ему не требовался отдых, он не чувствовал боли и он, к радости сына колдуньи обладал отличной реакцией и необычайной скоростью, так, что был просто идеальным противником для поединков.

Когда молодой колдун не махал мечом со своим странным безмолвным напарником, он сидел над магической книгой, изучая ее премудрости. Рамина только головой качала. Ва-

риус совсем не походил на Черного мага. В его поведении проскальзывало, что-то от смертных. «Белый маг!»— в очередной раз, в такие минуты, проклинала она своего врага, который даже после смерти умудрялся досаждать ей снова и снова.

Со временем Вариус превратился в искуснейшего воина. Он стал даже одерживать победы над Стражем тьмы. И в первое время радовался каждой такой победе как ребенок. Он изучил множество страниц колдовской книги, овладел искусством колдовства почти в совершенстве и теперь он с не меньшим нетерпением, чем его мать хотел вырваться за пределы их темницы. Его одолевала тяга познания чего-то нового. Он хотел отправиться на просторы вселенной, что бы наблюдать за новыми и новыми мирами. После наблюдения и изучения он был согласен их уничтожить, если так хочется матери. Но сначала он хотел узнавать их тайны и особенности. Он с одержимостью и упорством изучал книгу магии, пытаясь найти в ней ответ, как разрушить созданную белым магом границу и вырваться из Сумрачной страны.

Однажды придя к сыну в башню, где он , день за днем, изучал книгу, Рамина застала его в крайне возбужденном состоянии. Он был слишком эмоционален для Черного колдуна, но на этот раз она не обратила на это внимания, потому, что новость сообщенная сыном была лучшим, что произошло за все время пребывания здесь.

–Я нашел способ!– почти выкрикнул Вариус. Синие глаза горели от возбуждения. Рамина застыла в ожидании. Неужели! Неужели правда, и они будут свободны!

Вариус взял в руки книгу магии и начал читать вслух. Губы Рамины тронула улыбка. Вариус действительно нашел способ.

Заклятие Вариуса.

(3408года терлианского летоисчисления /5296 межгалактический год.)

«...Воинский отряд, объезжавший границы, возвращался в деревню, из которой он выехал несколько дней назад. Время от времени отряды делали такие объезды, проверяя все ли в порядке. Иногда здесь находили тела убитых, которых твари по какой-то причине не оставили на месте, а утащили с собой. Был день. Дорога была безопасной, поэтому воины ехали расслабленные и благодушные. Время от времени перебрасывались шутками и посмеивались. Командир отряда подумывал, не устроить ли короткий привал. До деревни оставалось еще несколько километров, а день был жаркий, всем хотелось немного передохнуть и подкрепиться. В это время тропинка свернула немного влево, и отряд выехал из леса на открытый участок. В нескольких сотнях метров от всадников уходили высоко вверх скалистые горы...»

-Смотрите!– крикнул молодой воин ехавший, следом за

командиром.— Что за чудеса, в прошлый раз этих камней здесь не было.

Все повернули головы в сторону гор. Метрах в ста от тропинки лежало несколько больших черных камней, изрезанных глубокими трещинами. Командир пожал плечами. Он не помнил, были камни в этом месте или нет. Но в любом случае, камни это не кровожадные твари. Они не набросятся и не оторвут голову. Лежат себе и лежат. Воины начали подшучивать над парнем, сказавшим про камни. Предлагая проверить все ли шишки в лесу на месте, может парочка тоже лежит не на своих местах. Все развеселились, но молодой воин стоял на своем. Не было камней и все тут. Отряд проехал еще около километра. Впереди, примерно на таком же расстоянии от дороги лежали точно такие же камни, как и те, что они проехали до этого. Кто-то в шутку спросил, а эти были или тоже нет. Парень, камни, огрызнулся, ему уже надоели шуточки товарищей, тем более он был уверен в своей правоте. Но командир отряда, до этого тоже посмеивавшийся вместе с молодыми воинами, почувствовал легкое беспокойство. Он не мог объяснить, что его беспокоит, но, что-то было не так. Он тронул бока турлонга пятками и пустил его легкой рысью. Через километр в стороне от дороги лежали черные камни.

«...Командир приказал нескольким воинам проехать вдоль гор еще несколько километров. Спешившись, он подо-

шел к камням поближе. На каждом из черных камней голубоватым пламенем горел знак, похожий на буквы. Этот знак был известен каждому жителю страны со времен событий связанных с появлением Черных колдунов. Большие никто не смеялся и не подишучивал.

Воины, отправленные командиром осмотреть дорогу, сообщили, что проехали пять километров. Такие же камни лежали, примерно через каждый километр дороги. На одном и том же расстоянии от нее. Все притихли. Тревожное предчувствие охватило всех. Черные колдуны вернулись? Что означает появление камней? И какими новыми бедами это грозит? То, что появление камней с колдовским знаком явно не к добру было ясно каждому. Командир приказал пока ничего не сообщать жителям деревни. Нужно съездить еще раз осмотреть дорогу и странные камни, а затем отправить гонца в Маасдару...»

На следующий день, командир и еще пять воинов вновь доехали до дороги, идущей вдоль скалистых гор. Трое поскакали в ту сторону, откуда отряд приехал накануне, а командир с двумя воинами отправился вперед.

Проехали семь километров, дальше дорога уходила в сторону, а у подножия гор начиналось большое озеро. Черные камни, за время пути, попались им семь раз. На каждом горел знак. Вскоре, приехали те, кто был отправлен на разведку в другую сторону. Они проскакали вдоль гор почти

десять километров. Камни лежали через каждый километр. Вернувшиеся, выглядели немного смущенными. На вопрос командира, что случилось, вчерашний наблюдательный воин сказал:

– Камни стали больше.

Еще вчера парня засмеяли бы и потом долго бы еще подшучивали, припоминая «растущие камни». Но сегодня смеяться охоты ни у кого не было. У каждого мелькнула мысль: «Может, показалось?». Но, в глубине души все знали, что нет, не показалось. Приметливый воин был из семьи охотников и с детства научился подмечать всякую мелочь, незаметную остальным.

Все же решили для верности проверить и, уже потом отправлять гонца в столицу. Три дня члены отряда выезжали на дорогу с черными камнями. Действия их со стороны, могли показаться странными. Вооруженные воины, в полном боевом облачении, вбивали деревянные колышки вокруг кучки камней, лежавших неподалеку от дороги. Седлали своих турлонгов и ехали дальше. Доехав до следующих, таких же камней, они снова спешивались и снова вбивали колышки, и так повторялось несколько раз. Уже на следующий день, подтвердилось, что их товарищ был прав. Колышки исчезли под камнями. Они просто подмяли их под себя. Они действительно росли. Командир приказал, на всякий случай, провести еще одну проверку. Окончательно убедившись, что камни становятся с каждым днем немного больше, он сроч-

но отправил в столицу гонцов с донесением.

В ожидании ответа из столицы воины еще пару дней понаблюдали за камнями. Их рост продолжался. Во время ужина члены отряда сидели за большим столом. Настроение у всех было мрачное. В воздухе, как грозовая туча, нависло тревожное ожидание чего-то нехорошего. Разговоры не клеились. Никто не шутил, не пересмеивался. Ели почти в полной тишине.

– А вы не заметили ничего странного?– спросил, вдруг, один из воинов у своих товарищей.

–Если ты про камни, которые растут, то заметили. Наконец-то и до тебя дошло, балда.– Вяло пошутил его сосед.

–Нет.– Не обращая внимания на шутку, сказал тот, что задал вопрос.– Я не про камни. Вы заметили, что твари больше не появляются?

Сидящие за столом переглянулись. Конечно, все заметили, что за последние несколько ночей ни одна из тварей не забредала в деревню и окрестности. Хотя она и расположена совсем близко к границе. Раньше такого не бывало. Одна-две ночи, может быть. Но что бы столько ночей подряд, это было странно. Но из-за камней с колдовскими знаками на эту странность не обратили должного внимания.

–А им больше незачем приходить.– Угрюмо сказал командир отряда.– Теперь работу за них выполняют камни. И намного более верно.

Все взгляды устремились на него. Старики молчали. Те,

кто был помоложе, смотрели вопросительно, хотя неприятная догадка уже начала появляться и у них.

—Ты хочешь сказать...— Начал один из молодых, надеясь, что командир все же выскажет какое-нибудь другое предположение.

— Камни будут расти, пока не погребут под собой все живое. И это будет намного страшнее, чем кровожадные твари, приходящие по ночам. Потому, что тварей можно убить. От них можно спрятаться. Камни убить нельзя. И от них не спрячешься, потому, что нигде будет прятаться, они поглотят все на своем пути.

Стало очень тихо. Каждый пытался осознать то, что до этого было лишь догадкой, рожденной в собственной голове, а теперь, после того, как страшные слова были произнесены вслух, они как будто обрели силу, догадка превратилась в реальность, от которой уже не отмахнешься: «А, ерунда, быть такого не может». Может, не может, но это уже есть. И никуда от этого не денешься.

Не дожидаясь ответа из столицы, члены отряда, на следующий же день поскакали по ближайшим деревням, сообщить страшную весть. Жителям ближайших к границе поселений нужно было уходить из своих деревень вглубь страны. Теперь это только вопрос времени, когда их дома, пастбища и все вокруг превратится в сплошной камень. Началась подготовка к переселению. Жители деревень готовились покинуть родные места, где жили их предки, где все было родным

и знакомым до последнего кустика. Но больше всего угнетала мысль, что эта мера временная. Ведь, если камни так и будут расти то, в конце концов, наступит такой момент, когда бежать будет некуда. Вся страна окажется погребенной под ними. И, что тогда?

«...Потянулись вглубь страны, как и двести лет назад караваны повозок, увозящих из родных мест людей и их нехитрые пожитки. С грустью бросали отъезжающие прощальные взгляды на родные места, не зная, суждено-ли будет им вернуться обратно, или это прощание окончательное, являющееся началом пути, который рано или поздно закончится гибелью всего живого...»

Большой совет.

«...Самым большим зданием терлианской столицы Маасдары был красивый, построенный из прочного белого камня почти тысячу лет назад дворец вождя. В одном из его залов собрались на Совет самые мудрые и уважаемые жители страны. Здесь были и советники вождя, и старейшины самых крупных деревень, и старые прославленные воины, покрытые шрамами.

Обсуждали новое бедствие. Последние новости, полученные вождем, были неутешительны. Камни продолжали расти. Они уже «переползли» через приграничную дорогу, возле которой их впервые заметил воинский отряд, и вплот-

ную приблизились к лесу, начинавшемуся недалеко от дороги. Теперь это были уже не камни, а огромные каменные плиты. Пытались их разбивать, но инструменты ломались или тут же затуплялись. И даже было несколько случаев, что при ударе об камень, кирка или молот неожиданно отскакивали и сильно калечили тех, кто пытался разделаться с непонятными камнями. Попробовали насыпать на них землю и посадить кусты и небольшие деревца. Не прошло и двух дней, как посаженные растения погибли. Даже из-под слоя насыпанной на них земли, колдовские камни убивали все живое.

Каждый из присутствующих на Совете был умен, много знал и много повидал за свою жизнь. Многие внимательно и подробно изучили старые летописи, рассказывающие о появлении Черных колдунов и об их злодеяниях. Но ответа на вопрос, как избавиться от беды, связанной с растущими камнями и спасти страну от неминуемой гибели не знал никто. Самый старший из присутствующих, Хранитель Истории и законов Терлы, мудрый Тиккара, большую часть жизни, проведший за изучением старых рукописей, хранившихся в библиотеке дворца, высказал предположение, что кто-то из Черных колдунов остался жив, после битвы с Белым магом, иначе, откуда на камнях их знак. И вероятнее всего твари, приходящие из-за гор это тоже дело рук Черного колдуна или колдунов...»

Единственное, что странно, почему колдун или колдуны

не появляются сами. В летописи говорится, что Белый маг, перед тем как вступить в бой, утверждал, что их колдовство и могущество обладает невероятной силой. Ни на один из этих вопросов никто, опять же ничего не мог ответить. Никто не знал, что происходит в Сумрачной стране. Единственное, что было о ней известно, что она не пригодна для жизни и там лишь огромные скалы и бескрайние ледники. Эти сведения были найдены, опять же, в одной из старинных рукописи, автор, которой был неизвестен. Тиккара, кряхтя поднялся, он был совсем стар и слаб, но не утратил остроты ума и память его вызывала восхищение и удивление.

—Если уважаемые члены Совета позволяют, я бы хотел зачитать запись, которая является единственным свидетельством того, что кто-то из обитателей нашей страны когда-либо совершал поход в земли, находящиеся по ту сторону гор. Это не займет много времени, но даст всем присутствующим более полное представление о месте, именуемом у нас Сумрачной страной.

Старик откашлялся и, отведя подальше от близоруких глаз старинный документ, представляющий собой несколько сшитых между собой листов, пожелтевших от времени, начал читать:

«Путешествие в земли лежащие за Скалистыми горами.

(Описание и впечатления, от увиденного и перенесен-

ного, в землях по ту сторону скалистых гор.)

Пребывая в полном неведении о землях ,лежащих за пределами нашей благодатной прекрасной страны, испытывая скорее любопытство, чем нужду в исследовании новых земель, мы решились, вероятно, впервые, за все время существования Терлы, пересечь Скалистые горы и узнать, что же находится за ними.

Мы начали наш поход в седьмой день пятого месяца 2824года по Терлианскому календарю, а завершили его в двадцать третий день седьмого месяца того же года. Эти, почти три месяца мы скитались по чужой земле, и испытание это было самым тяжелым и малоприятным в жизни каждого из нас. В пути мы ежедневно претерпевали невероятные трудности. И, впоследствии, только суровая необходимость, связанная с благом нашей любимой и прекрасной Терлы, могла бы заставить каждого из участвовавших в этом походе, вернуться туда вновь. Земли по ту сторону гор пусты и безжизненны. Высотой до неба вздымаются темные скалы. На многие километры простираются ледники, таящие в себе, порой незаметные, но смертельно опасные разломы и трещины. Один из наших товарищей погиб, сорвавшись в такую трещину, дно которой находится на такой глубине, что его не видно в сумраке постоянно наполняющем все вокруг. И нет никакой возможности спуститься туда, так как стены этих трещин уходят вниз отвесно. Узкие тропы между скал, порой почти непроходимы и каждый кило-

метр пути давался нам с огромным трудом. Ни одного живого существа нет на всех этих неуютных и опасных землях. Все время путешествия мы жестоко страдали от холода, а также от отсутствия ласковых теплых лучей Зериса. В землях тех постоянный полумрак, а падающие от скал тени, делают сумрачный день и вовсе похожим на ночь. Есть, что-то недоброе в тех краях. И находясь там, мы все испытывали постоянное беспокойство и неприятные ощущения. Хотя все участники похода были людьми не робкими и бывальными. Опытные охотники и следопыты. Мы все не переставали удивляться, насколько отличаются наша страна с ее плодородными, полными жизни и тепла землями и это царство холода и мрака. Трудно даже поверить, что они находятся совсем рядом и разделены друг с другом лишь цепью гор...

...Вернувшись из похода, я считал своим долгом сделать эту запись, ибо хочу предостеречь, тех, кто может оказаться, также любопытен, как я и мои товарищи – земли, находящиеся за скалистыми горами не представляют собой ничего интересного и приятного для исследования, а скорее даже наоборот. И земли те таят опасности и тяготы, для тех кто вздумает ступить на них. Как я уже написал перед этим – только холод и мрак. Мы с товарищами так и называли это место Сумрачная страна...»

Тиккара обвел взглядом всех присутствующих.

–К сожалению, часть записи и ее окончание не сохрани-

лось. Не известно даже, кто автор данного документа. Но из того, что мы имеем, складывается вполне ясное представление о Сумрачной стране. Я не буду зачитывать вам подобные документы, рассказывающие о Черных колдунах и их злодеяниях. С историей тех событий знаком каждый житель нашей страны. Но думаю, что Сумрачная страна, непригодная для живых существ, вполне может быть пристанищем для тех, чья цель – губить жизнь. И так как на странных «растущих» камнях обнаружены знаки, которые оставляют Черные колдуны, то и природа появления камней связана с ними и их новыми попытками принести вред нашему народу и погубить его. И если и можно найти разгадку и спасение от этой новой напасти, то искать ее нужно в Сумрачной стране.

Заклятие.

Узнав, что Вариус нашел в магической книге способ вырваться из заточения и погубить жителей ненавистной ей планеты, Рамина почувствовала, что никогда она не была так рада чему-то как этой чудесной новости. Ее сын, будущий повелитель вселенной. Великий Вариус. Так будут звать его обитатели всех других миров, ползая у его ног и моля о пощаде, перед тем как исчезнуть навеки. Вся вселенная будет трепетать перед ним. Рамина была горда. Она любила своего сына. Так же как любила прекрасный и далекий Мрак. Со всем скоро они вернутся туда, и Вариус своими глазами увидит планету его предков, почувствует величие и силу родины

Черных колдунов. И вберет в себя эту силу и могущество, которыми Мрак наделяет своих детей. И тогда он забудет всю ту ерунду, которой «наградил» его Белый маг, она потеряет для него значимость, и он станет таким же, как все Черные колдуны, только еще более великим и могущественным, чем все остальные. Твердая уверенность в скором окончании опостылевшего унижительного заключения переполнила колдунью. Она даже отметила для себя, что испытывает, неподобающее представителям ее рода волнение и нетерпение. Но это было вполне простительно в данном случае. Ни один из Черных колдунов, за всю историю существования их древнейшего рода, никогда не был узником, и не испытывал бессилия и невозможности излить свою ярость и ненависть на тех кем они были вызваны.

Вариус призвал каменных великанов, построивших когда-то золотой замок, а теперь бродящих без дела среди скал уже больше двух столетий, радуясь, что хозяйка, верно, позабыла о них. Он приказал им расколоть скалу и принести к замку обломки.

Когда великаны выполнили поручение и перед стенами замка появились две сотни больших черных кусков скалы, Вариус принялся за дело. Он убил несколько тварей и щедро полил их кровью, лежащие на земле камни. Конечно кровь живых существ, созданных природой, а не магией, подошла бы лучше, но тут уж ничего не поделаешь, пришлось обой-

тись тем, что есть. Потом он взял магическую книгу и начал читать заклинания. Он читал, не двигаясь с места, не отрывая взгляда синих холодных глаз от строк заклинаний ни на минуту. Уже серые сумерки сменила ночная чернота, а затем, ее вновь сменил полумрак, а колдун продолжал произносить слова из магической книги. Наконец, от камней начало исходить тусклое зеленовато-голубоватое свечение. А потом они начали дрожать и кружиться вокруг своей оси, вращаясь все быстрее и быстрее с каждым прочитанным словом заклинания. От камней пошел пар, и колдун на некоторое время скрылся в этом облаке и только голос его разносился над каменной долиной. Пар исчез, движение камней прекратилось и на каждом из них возник горящий знак Черных колдунов. Когда ритуал был полностью выполнен и Вариус, наконец, закрыл книгу. Если бы не колдовской знак, то глядя на эти обломки скалы, никому бы и в голову не пришло, что они чем-то отличаются от обычных камней, и что в них таится сила страшного заклятия.

Вариус, вновь призвал великанов и приказал сбросить заколдованные обломки с вершин скалистых гор на земли находящиеся по ту сторону. Он приказал сбрасывать камни по несколько штук, а следующие бросать на расстоянии от предыдущих примерно в километр. Показав наглядно глуповатым существам, сколько составляет километр, Вариус пригрозил обратить великанов в каменную пыль, если они что-нибудь сделают не так. Великаны, взяв сразу по несколь-

ко десятков каменных глыб, отправились к горам исполнять приказание. За одну ночь вся работа была исполнена.

Вариус отправился в башню замка, где он обычно занимался изучением заклинаний, и снова взяв книгу начал читать, что бы завершить ритуал. Теперь гибель жителей планеты была лишь вопросом времени. А когда камни поглотят все живое, заклятие белого мага будет снято, так как граница, проведенная им должна охранять живых от Черных колдунов. А так как живых не останется, то и граница рухнет сама собой. И тогда Вариус с матерью будут свободны. Наконец-то. Наконец-то он сможет заняться изучением других миров. А его мать их уничтожением. Каждый получит то, что хочет.

Рамина старалась не думать о том, что способ найденный Вариусом довольно медленный. Пока камни поглотят всю страну, может пройти несколько лет. Но, что такое несколько лет по сравнению с вечностью, успокаивала себя колдунья. Зато как приятно будет наблюдать как все дальше и дальше разрастающиеся каменные плиты теснят людишек по ту сторону гор. Как они, наконец впадают в отчаяние, потому, что понимают, что это конец. Страшный и мучительный.

Единственное, что слегка омрачало радость колдуньи, что теперь нельзя отправлять на охоту злобных тварей. Таково было условие нерушимости заклятия наложенного Вариусом. Когда Черные колдуны применяли самые сильные заклинания, для того, что бы они возымели полную силу, нель-

зя было применять больше никакой магии. А страшные чудовища были созданы магией и заклятиями Рамины. Так, что существа, живущие по ту сторону гор, получают маленькую передышку, перед тем как исчезнуть с лица своей земли.

Зоран. Путь воина.

(3408года терлианского летоисчисления /5296 межгалактический год.)

«...С той ночи, как маленький Зоран убил свою первую тварь и сдерживал слезы стыда из-за испытанного им страха, прошло одиннадцать лет. Зоран давно уже не боялся признаться, что порой ему бывает страшно. Как не боится признаться в этом любой настоящий воин. Много битв прошел Зоран за эти годы. Много побед одержал и повидал очень-очень многое. Сын вождя редко бывал дома, пропадая в основном в походах. Он стал прославленным воином, которого чтили и уважали даже старики, прошедшие не один десяток лет сражений. Суровая жизнь, наполненная опасностью и потерями закалила характер молодого терлианина. Черты красивого лица приобрели суровость и твердость. Смелый взгляд светлых серых глаз, решительность и непоколебимость. Как у всех юношей и молодых мужчин на Терле, на безымянном пальце Зорана было наде-то кольцо, предназначенное в подарок избраннице, девушке, которую смелый воин полюбит. Сам Зоран не был уверен, что кольцо когда-нибудь покинет его палец и попадет на де-

вичью руку. Его образ жизни, постоянные походы, и еженочные встречи со смертью не очень-то подходили для семейной жизни. Его это не особенно печалило, а отец и сестры все же не теряли надежды, что рано или поздно Зоран встретит ту, что сможет покорить его сердце, и женится. Обретет семейное счастье и обзаведется наследниками. Сын вождя сам будущий вождь. А вождю обязательно нужны наследники...»

Ночь выдалась спокойная. Отряд Зорана объехал несколько деревень, и им не встретилось ни одной твари. И ни в одной из деревень они не появлялись до того как туда въехал отряд. Такое бывало очень редко. Обычно каждую ночь происходили сражения. Уже занимался рассвет, и можно было устраиваться на отдых. Все ехали уставшие, но довольные. Хорошо когда за ночь никто не погиб. Когда не встречаешь въезжая в деревню плачущих матерей или просто соседей потерявших одного из тех с кем жил бок о бок долгие годы. Зоран ехал улыбаясь. А вдруг наступят времена, когда можно будет не садиться каждый день с наступлением сумерек в седло, а просто жить и радоваться жизни, не думая о грозящей опасности, не вглядываясь ежеминутно в ночную темноту внимательно и настороженно, ожидая нападения. Можно будет даже жениться, родить детей и радоваться спокойной мирной жизни в кругу семьи. Как было бы здорово. Мысли были приятные. Усталость давала себя знать. Зоран чувствовал, как начинают слипаться глаза. Его

товарищи тоже ехали полусонные.

–Стой!– крикнул Зоран и спешился.– Разобьем лагерь здесь.

Наскоро перекусив, спустя некоторое время, отряд воинов уже спал крепким сном. Неподалеку турлонги щипали сочную траву, зорко оглядывая окрестности большими печальными черно-фиолетовыми глазами. Но никаких признаков тревоги они не проявляли, поблизости не было никакой опасности...

...Подходила к концу шестая ночь такая же тихая и спокойная как предыдущие. Единственный раз, когда все насторожились, был треск в кустах. Но когда воины обнажили мечи, навстречу им выскочил олень. Заметив людей, он бросился прочь под дружный смех и улюлюканье молодых воинов. Раньше ночью им ни разу не попадались лесные животные. Они тоже куда-то прятались от жутких тварей, которым было все равно кого убивать. Происходило что-то странное.

Во время завтрака друг и ближайший помощник Зорана, Иму сказал:

– Зоран, тебе не кажется странным, что уже почти неделю мы не встречаем ни одной твари? Такого никогда не было.

Зоран сидел задумчивый. Он не знал, что ответить. То, что происходило, казалось странным всем. Но это было настолько неожиданно и непривычно, что Зоран, сколько не думал об этом, не мог найти ответа. Казалось бы, что можно было только порадоваться, что все так хорошо. Никто не

ранен, ни одной смерти, ни одного плачущего родственника или соседа. Но вместо радости на душе была тревога. Беспокойство противно скреблось внутри, неожиданное затишье настораживало, даже почему-то внушало опасения, а разумного объяснения происходящему не находилось.

Иму развеселился:

– Может на них напала какая-то неожиданная болезнь, и они все передохли у себя там, в Сумрачной стране?

Зоран рассеянно улыбнулся.

– Не думаю, что они передохли, Иму. Они, мне кажется, очень живучие. Но по какой-то причине они больше не приходят. Вот, что Иму. Завтра я с несколькими воинами отправлюсь на восток. Узнаем, что происходит там. А ты останешься здесь. Пока ничего не ясно, Будете каждую ночь объезжать деревни, как и раньше. Твари могут вернуться в любой момент. Что-то не верится, что все так сразу закончилось. Слишком хорошо и просто, что бы быть правдой. Две сотни лет каждую ночь нападали и вдруг перестали. Что-то произошло. Только вот, что?

«...На следующий день Зоран с четырьмя воинами отправился в восточную часть приграничных районов. Неделя передышки, у всех вызывала один и тот же вопрос – что происходит? Явно, что-то необычное и странное. А терлиане, наученные горьким опытом, очень не любили странностей, даже если они казались хорошими.

В каждой деревне, которую проезжал отряд Зорана их радостно встречали и сообщали, что да, твари не появлялись уже неделю или больше. Жители деревень, в отличие от воинов, радовались. Они надеялись, что кошмар, наконец, закончился. Зоран предупреждал всех, что бы пока придерживались прежних правил, не выходили по ночам и крепко запирали дома и скот.

Через три дня отряд Зорана повстречался с посланниками вождя, которые были отправлены к нему, с вестью о появлении растущих камней и о том, какая новая беда нависла над страной...»

Всадники въехал в лагерь посланника вождя, Гатто. Отправленного следить за тем, как продвигается рост камней. И вождь и приближенные уже ни в чем не были уверены. Вдруг камни неожиданно начнут расти быстрее или произойдет еще, что-нибудь. Гатто было поручено ежедневно объезжать с воинами границы и, в случае чего, немедленно сообщать в Маасдарму, о любых происшествиях.

Заметив Зорана, Гатто улыбнулся. Он помнил сына вождя совсем мальчишкой, еще до того, как Зоран отправился учиться воинской науке в отряд славного Раморы.

Статный, красивый, широкоплечий. Смелое лицо, яркие, горящие глаза, в которых видны ум и отвага. Гатто с гордостью смотрел на приближающегося к нему молодого воина. Достойный сын своего отца. Вождь может гордиться наслед-

ником. Настоящий воин. Последний раз они виделись почти два года назад. Зоран за это время еще больше возмужал. Лицо приобрело суровое, сосредоточенное выражение, делавшее его чуть старше его лет. Даже улыбка, озарявшая его, не могла скрыть, что ему пришлось пройти через многое, за свои совсем еще молодые годы. Повидать боль, потери, много страшного и горького. Как и у всех воинов, на лицо Зорана уже навсегда легла печать того, что невозможно забыть, что не проходит бесследно, а останется в памяти и в душе, как шрам, навсегда, до последнего вздоха. Гатто вздохнул. О Зоране, обо всех воинах, молодых и старых. О мирных жителях. Каждый из них проходит через ужасы и потери. Кто-то чаще, кто-то реже. Но нет ни одного человека в стране, которого бы эта напасть не коснулась хоть раз, не оставила бы следа в памяти и душе.

–Здравствуй, Гатто!– Зоран поклонился старику.– Да не оставляет тебя свет Зериса долгие-долгие годы. Как я рад тебя видеть.

–Зоран! Какой же ты молодец стал! Настоящий богатырь. Плечи, не обхватишь!–улыбнулся посланник вождя.

Старик и молодой воин сердечно обнялись. Гатто был старым другом вождя. Частым гостем во дворце. Зоран с детства любил и уважал мудрого, доброго старика.

–Сестры все извелись. Все глаза проглядели, когда придет их любимый младший брат, порадует их своим появлением.– Улыбаясь, сказал Гатто.– Пока тебя не было, ты в

пятый раз стал дядей. Снова племянница. Маленькая Филя. Отец тоже соскучился. Передает тебе привет. Надеется, что ты наведишь их.

Зоран рассмеялся. Он поддразнивал сестер, что ни одна не родила будущего воина и придется их девчонкам брать в руки мечи. Пятая племянница! Уже четверть воинского отряда. Скажи он такое сестрам, живо надавали бы по шее, не посмотрели бы, что теперь он командир отряда, прославленный и уважаемый воин, а не мальчишка за которым они гонялись в детстве по дворцовому саду, когда он шалил и выводил их своими проделками.

Гатто проехал с Зораном до черных камней, ставших за это время в огромными каменными пластами, уже крушащими вековые деревья подбираясь все ближе к небольшой речушке протекавшей через лес. Еще несколько дней и весело перекатывающая прозрачные воды речка исчезнет, вместе со всеми своими обитателями, погребенная под тяжеленными мертвыми камнями. Зоран задумчиво смотрел на черную потрескавшуюся поверхность холодных плит. Он внимательно осмотрел огненные знаки, ставшие огромными, после «слияния» отдельных камней в единое целое и превращение их по мере роста в громадные пласты

–Что ты думаешь, Зоран?– обратился Гатто к сыну вождя.

–Думаю, то же, что и все остальные. Беда, еще хуже той, что терзала наш народ последние два столетия.– Задумчиво сказал Зоран. Глядя на каменные плиты он размышлял о

том, что рассказал Гатто по поводу предположения сделанного Хранителем истории и законов Тиккарой. Если и есть способ спасения, то его нужно искать по ту сторону гор.

Наступила ночь. Было тихо и непривычно спокойно. Никаких тварей, даже не верится. Очень странно и приятно было лежать на мягкой траве и смотреть на усыпанное звездами небо. Не всматриваться в ночную темноту настороженно и тревожно, вслушиваясь в каждый шорох. А просто лежать и смотреть вверх. Зоран попытался вспомнить смотрел ли он хоть раз в жизни на звезды, не то, что лежа на траве, любуясь ночным небом, а хотя бы даже сидя в седле. Хоть раз он останавливал взгляд на звездном небе больше чем на пять секунд? Скорее всего, нет. Потому, что, сколько он себя помнил, всегда нужно было следить за дорогой, и за тем, что происходит сбоку и сзади, и спереди. А еще прислушиваться и ловить не только каждый шорох, но каждое дуновение ветерка, а иначе просто умрешь. И хоть опасность никуда не делась, а просто сменила лицо и даже стала еще более страшной и неотвратимой, но сейчас Зоран чувствовал себя счастливым. Как оказывается мало нужно для счастья. Просто спокойно лежать, не опасаясь за свою жизнь и за жизнь товарищей, и смотреть на звезды. Для счастья нужно, всего на всего, чтобы никто не погиб и еще звездное небо. Зоран улыбнулся. Как хорошо, наверное, жилось на Терле до появления Черных колдунов. «Почему им нужно все разрушать? Ведь жизнь так прекрасна. Мирная жизнь. Ведь они

могли бы тоже жить здесь. Наш народ с радостью принял бы их. Неужели может быть мало, просто жить?»— размышлял сын вождя. Он, в отличие, от его предков прекрасно знал о существовании зла, и каждый день сталкивался с ним всю свою жизнь. Но, как и они, не мог понять, почему находятся те, кому нравится творить это самое зло. Как можно любить причинять страдания и боль, когда наслаждаться жизнью, ее красотой и спокойствием так прекрасно. И как могут для кого-то такие чувства как любовь, дружба, счастье ничего не значить. Зоран не заметил, как уснул. Теплый ночной ветерок обдувал молодое красивое, почти юное лицо. Зоран улыбался, ему снилось, что-то очень хорошее.

Они стояли недалеко от подножия гор. Едва рассвело, только-только голубые лучи коснулись земли. Тишина и обманчивое спокойствие наполняло все вокруг. Гатто положил руку на плечо молодого воина.

—Ты уверен, что тебе стоит идти одному, Зоран?

—Если это дело Черных колдунов, то не важно, сколько воинов отправится к ним. Один или сто. Я не знаю, что меня ждет по ту сторону гор, но если есть хоть малейший шанс найти спасение от этой напасти, я сделаю для этого все.— Зоран обнял старика.— Прощай Гатто. Передай от меня привет отцу и поцелуй сестер и племянниц. Благослови меня вместо отца, ибо я чтил и любил тебя всю жизнь так же как его.

— Да пребудет с тобой теплый свет Зериса и доброта и муд-

рость матери Терлы, Зоран. Мы будем верить в тебя, и ждать твоего возвращения. Ты достойный сын своей земли и своего народа.

Зоран поклонился Гатто и воинам. Все члены отряда собрались проводить его. Проводить героя. Чем бы, не закончился этот поход, Зоран уже был героем. Потому, что он шел. Один. Преодолевая свой страх.

Гатто почувствовал как слезы наворачиваются на глаза. Сейчас он не был посланником вождя. Он даже не был тем, кто провожает героя. Он был отцом, провожающим сына, скорее всего в его последний поход. Он хлопнул Зорана по плечу, опасаясь, что если тот еще немного задержится, то он уже не сможет сдерживаться и заплачет. В горле старика стоял ком, сдавливая его и не давая дышать.

—Иди. Пусть сопутствует тебе удача. Пусть твоя воля будет сильна, а рука тверда. Прощай Зоран.

«...Сын вождя, Зоран не оглядываясь дошел до горной тропы и начал подниматься вверх, с каждым шагом приближаясь к границе отделяющей его родину от Сумрачной страны, царства камня, холода и одиночества...»

ЛЕГЕНДА. СУМРАЧНАЯ СТРАНА.

Путь героя.

Рамина сразу почувствовала присутствие живого существа. Она не особенно удивилась. Смертные ужасно глу-

пы. Он пришел из-за заколдованных камней. Они увидели знак, и теперь этот жалкий смертный надеется что-то сделать. Это было даже забавно. Такая глупость и самонадеянность. Прийти одному, в надежде чего-то добиться. Он ужасно глуп, но в смелости ему не откажешь. В награду можно убить его быстро. От его смерти все равно, ни какой пользы не будет. Уж он точно не испугается.

Рамина поднялась в башню. Вариус сидел, склонившись над магической книгой. Золотые кудри разметались по плечам. Взгляд задумчивый и сосредоточенный.

–Здесь смертный. Он надеется помешать нам.– Рамина даже слегка улыбнулась.

Вариус оторвался от книги и с интересом посмотрел на мать. В холодных синих глазах блеснул огонек.

–Нужно убить его.– Сказала Рамина.– В награду за смелость подарим ему быструю легкую смерть.

–Нет.– Твердо сказал Вариус.– Мы не станем его убивать. И прикажи тварям, чтобы не смели его трогать.

– Он воин. От него не будет прока. Даже если он дойдет до замка, не свалившись со скалы или не провалившись в какую-нибудь трещину на ледниках, мы от него ничего не получим. Он умрет как воин. Он не испугается. Подумай сам, он совершенно бесполезен.

Глаза Вариуса горели знакомым Рамине огнем. Он мужчина. И он хочет поиграть. Она раздраженно посмотрела на сына. Еще немного и он начнет прыгать от радости и хло-

пать в ладоши, как эти жалкие создания по ту сторону гор, во время своих никчемных праздников.

Вариус не отрываясь, смотрел в волшебное зеркало, следя за передвижениями смертного. На губах его играла улыбка.

—Я и не хочу, что бы он испугался.— Сказал колдун.— Я сражусь с ним. Это достойный противник. Трус не отправился бы сюда, да еще в одиночку.

«Такой же, как все мужчины. Еще один тщеславный глупец»— глаза колдуньи полыхнули гневом. Но на этот раз она не собиралась уступать глупой прихоти. Конечно, смертный ничего не добьется. Погибнет в любом случае. Но хватит этих никчемных, глупых игр. Именно из-за них она оказалась здесь, запертая, как в клетке, как какое-нибудь жалкое животное или. Она не позволит сыну превратиться в глупца, питающего слабости к пустым увлечениям. Он не должен забывать о своем высоком предназначении.

—Его нужно убить.— Повторила она повелительно.

—Нет.— Вариус холодно посмотрел на мать.— Я мужчина. А ты прекрасно знаешь, что в нашем роду мужчины принимают окончательное решение.

Он гордо вскинул голову в его глазах Рамина видела вызов. Он первый раз ослушался ее, пошел против ее воли. В этот момент она почти ненавидела его. «Глупый щенок!» Но она ничего не могла сделать. У Черных колдунов решение принимали мужчины. Это было очень несправедливо, потому что мужчины всегда подвержены каким-нибудь слабо-

стям и страстям, делающим их глупыми и неосмотрительными, мешающим мыслить разумно и беспристрастно. Но это был закон. Рамина резко развернулась и вышла из башни. Она еще припомнит ему это! Мальчишка!

Зоран шел уже четвертый день. Он продвигался медленно, в сером холодном сумраке трудно было отыскивать дорогу. Непрístupные скалы преграждали путь. Густые длинные тени, скрывали и так плохо заметную дорогу. Накануне Зорану пришлось преодолевать большой ледник. Он хотел его обойти, но ледник простирался в обе стороны на такое расстояние, что Зоран понял, что потратит слишком много времени, если пойдет в обход. И вполне возможно, что ледник тянется до самого океана. Ему пришлось проходить по скользкой холодной поверхности, изрезанной глубокими трещинами. В одном месте трещина была настолько широкой, что Зоран боялся, что ему не удастся перепрыгнуть через нее. Он разбежался и как мог оттолкнулся от скользкого края. Прыжок получился неудачный. Он чуть не сорвался вниз, и повис над пропастью, цепляясь пальцами за ледяную, почти гладкую поверхность. Пальцы онемели от холода и соскальзывали. Чувствуя, что сейчас он сорвется, Зоран из последних сил дотянулся до меча и воткнул острие в лед. Кое как, выбравшись на верх, он отдышался и заглянул в трещину. Там внизу была бездонная пропасть. В полумраке он так и не смог разглядеть, где она заканчивается.

Зоран опасался, что кровожадные твари помешают ему в пути. Он ожидал, что они будут нападать и, очень вероятно, он погибнет от их зубов и когтей, так и не дойдя до колдовского замка. Но к его удивлению и радости ни одна из них, ни разу не попробовала напасть, хотя он и встречал их несколько раз. Темные силуэты промелькнули в полумраке, злобно сверкнув своими круглыми светящимися глазами, и растворились среди скал. Это было непонятно и необычно. По ту сторону гор, если уж тварь увидела добычу, она не уходила, не попробовав набросится, причем ей было все равно, сколько человек перед ней один или целый отряд. Твари никогда не спасались бегством и не отступали. Они всегда только нападали.

Зоран не знал, куда именно ему нужно идти. Он только надеялся, что ему все же повезет и, в конце концов, он отыщет Черных колдунов. Скорее всего, они живут в большом замке, наподобие того, который возвели для себя в его стране. Для них, наверное, не представляет сложностей построить замок. Зоран почти ничего не знал о них. Только то небольшое, что рассказал перед битвой Белый маг. Слышавшие его слова, члены отряда, потом записали их, для потомков. И это было все. Совсем немного. Но Зоран старался сейчас не думать об этом. Сначала нужно дойти, а это тоже не так-то просто, когда идешь по стране полной опасностей, да еще туда не знаю куда. На шестой день скалы стали расступаться и к вечеру Зоран, увидел впереди бескрайнюю каменную равнину.

А далеко-далеко, сияя и переливаясь во все сгущающихся сумерках, посреди этой равнины, стоял замок. Зоран испытал облегчение. Он дошел. Самое трудное было впереди, но он дошел. Это уже было почти, что чудом. За это время он сто раз мог погибнуть. Один воин против стаи кровожадных тварей не выстоял бы. Каким бы храбрым и сильным он не был. Зоран двинулся вперед. Он пришел сражаться. Возможно ли победить в этом сражении? Он не знал. Но теперь он знает, куда ему нужно идти. Нельзя останавливаться и раздумывать. Нужно двигаться вперед, оставив все сомнения и раздумья позади. Только так можно побороть свой страх. А теперь Зоран был уже достаточно взрослым и опытным воином, чтобы честно признаться самому себе, что ему страшно. Ему было очень страшно. Он один, а впереди неизвестность. Но он не мог отступить. Он должен попытаться. И теперь он может только идти вперед, навстречу золотому сиянию.

Достойный противник. Поединок.

Замок был огромен, он подавлял своим величием, своей необъятностью. Зоран поднял голову. Башни уходили так высоко вверх, что казалось, касаются почти совсем почерневшего неба, на котором уже начали загораться первые звезды. Центральная башня в виде головы дракона с открытой пастью, была больше, чем весь замок его отца. На лбу дракона горели огненные буквы знака колдунов. Зоран стоял напротив ворот, размышляя, стоит ли заходить в замок или

оставаться ждать здесь.

Ворота замка открылись и навстречу Зорану в сияющих, переливающихся доспехах, вышел воин. Он был высок и очень красив. Синие глаза сияли, на губах играла легкая улыбка. Воин радостно шел навстречу своему противнику, всецело находясь в предвкушении битвы. Сильная рука сжимала тяжелый меч, по клинку которого струились как змеи синие и зеленые языки пламени. Воин встал напротив Зорана пристально глядя в глаза своего противника. Кивнув Зорану, в знак того, что он признает его достойным противником, он сделал шаг навстречу и выставил руку с мечом вперед. Выхватив меч из ножен, Зоран тоже шагнул навстречу своему врагу. Для них обоих это было новое ощущение. Ни тот, ни другой, ни разу не сражался с живым разумным существом. Колдун испытывал пьянящий восторг. Зоран ярость и злость. От исхода битвы зависела судьба всей его страны. И, ни кто иной, как его противник повинен в двух с лишним столетиях страдания его народа. Бой начался. Острые тяжелые клинки рассекали воздух со свистом, ударяясь друг о друга с такой силой, что сыпались искры. Звон ударов эхом отдавался в далеких скалах. Языки пламени на мече колдуна прочерчивали в воздухе замысловатые фигуры. Противники быстро передвигались по твердой каменной плите, пытаясь, обойти друг друга, и застать врасплох. Они бились уже довольно долго, но ни один, не мог достать другого сильным точным ударом. Оба уже были ранены, одежда пропиталась

кровью. Но раны были не серьезные, с такими вполне можно продолжать бой. Удары приходились вскользь, рассекая кожу, но не нанося серьезных ран. Камни под ногами сражающихся воинов почернели и стали скользкими. Кровь колдуна перемешалась с кровью смертного. Но, оба были слишком искусны в бою, что бы дать одержать верх другому. Зоран чувствовал, что начинает уставать. Каким бы он не был искусным, опытным и ловким воином, рано или поздно колдун одержит верх, потому, что он не знает чувства усталости. По крайней мере, силы Зорана закончатся намного раньше. Колдун сделал быстрое движение и нанес удар, целя в грудь противника. Зоран отклонился и присел. Удар достиг его, но попал не в грудь, а в ключицу. Острая боль обожгла плечо, разливаясь по всему телу. Зоран побледнел и покачнулся. Глаза колдуна горели торжеством. Битва доставляла ему такое наслаждение, какого он не испытывал ни разу в жизни. Его предназначение не убивать все живое, сея страх и ужас. Его предназначение сражаться и побеждать. Побеждать достойных, а не слабых. Его пища не страх и страдания. Ему нужна победа над противником. Последние секунды жизни воина, павшего от его меча. Взгляд застывающих глаз, из которых по капле уходит жизнь. Вот, что нужно ему Вариусу, повелителю миров. Вариус был счастлив. Он почти любил этого отважного смертного, подсказавшего ему его предназначение. Подарившего самое яркое ни с чем не сравнимое переживание в его жизни. Сколько бы потом, таких же сме-

лых и отважных, не пришлось убить Вариусу, он всегда будет помнить этого. Пришедшего, в одиночку, поборовшего свой страх, и вступившего в бой с могучим, почти непобедимым противником. Ведь если бы Вариусу не хотелось сразиться по настоящему, его противник уже лежал бы мертвым у его ног. Вариус был уверен, что тот с кем он сейчас бьется знает о его могуществе. И он все равно пришел. Это достойно восхищения. И Вариусу плевать, что Черные колдуны не должны испытывать таких чувств. Он восхищается этим смертным. И при этом он Черный колдун. Повелитель миров. И он будет величайшим победителем во вселенной.

Зоран поборол дурноту. Голова кружилась, но он заставил себя не обращать внимания ни на головокружение, ни на слабость. Он не может сдаться. Дело не в том, что он погибнет. Он должен убить колдуна. В его руках судьба его народа, его страны. Какая-то рана не заставит его отступить и дать себя прикончить Черному колдуну. Если ему суждено умереть здесь, посреди этой холодной мертвой страны, они с колдуном умрут вместе. Зоран рванулся вперед и нанес сильный удар, целясь, как и его противник, перед этим в грудь. Вариус едва успел отскочить в сторону. Он отвлекся на свои рассуждения о собственном предназначении и к тому же он был уверен, что смертный не сможет продолжать бой после полученной раны. А уж такой прыти он точно не ожидал. Нет очень достойный противник. В знак уважения Вариус решил убить своего врага одним ударом. Он этого за-

служивает. Настоящий воин заслуживает достойной смерти. Он не должен ползать как червяк, захлебываясь собственной кровью и мучениями.

Вариус занес меч для решающего удара. Зоран стоял не двигаясь. Колдун сделал стремительный сильный замах, и в тот момент, когда его рука уже начала свое смертоносное движение, неотвратимо приближая клинок своего меча к неподвижно стоящему воину, тот вдруг сделал неожиданное движение рукой, ударив мечом как копьем в живот колдуна. Вариус удивленно посмотрел вниз. Меч смертного пронзил его насквозь. Тяжелая почерневшая от крови рукоять торчала из живота, а клинок полностью скрывался в теле колдуна. Вариус пошатнулся. Его рука уже не могла остановиться и все же нанесла удар, но из-за того, что он сам получил смертельную рану, сила его удара уменьшилась, и он ударил не точно и не смертельно. Меч Вариуса рассек кожу на боку Зорана и вошел в ребра. Рана была болезненной и серьезной, но не убила молодого воина. Зоран пошатнулся и упал на колени. Вариус, все еще державшийся на ногах, улыбнулся. Из уголков красивого рта стекала струйка крови. «Смертный на коленях передо мной, покорителем миров». Синие глаза застыли, и молодой колдун упал на холодные твердые камни. Из разжавшейся руки выпал меч. Огненные струи на его клинке погасли. Заклятие потеряло силу вместе со смертью того, кто его наложил. Зоран, теряя сознание, улыбнулся – он смог. Его страна спасена.

Рамина не пошла смотреть на глупый поединок. Она злилась на Вариуса. Как он посмел так говорить с ней. Он сам ведет себя не как Черный колдун, а смеет рассуждать об их законах. Нужно было не слушать его и убить смертного. Что бы сын знал, что она его мать и не потерпит его глупых причуд. Но Рамина знала, что она ничего не могла сделать. Она была бессильна. Ослушавшись закона своего рода, она бы потеряла свою силу навсегда. И Вариус знал об этом. Вычитал в проклятой магической книжке, на которой помешался, так же как на этом бессмысленном махании железками. Это все эта планета. С нее начались все несчастья. Рамина сжала маленькие изящные кулаки и заходила по большому залу.

Бой длился слишком долго. Смертный не может столько сражаться. Может быть, Вариус убил его и ушел к себе, не желая разговаривать с матерью. Рамина снова начала злиться. Рано или поздно он будет умолять ее простить его. Мужчины, только мнят себя сильными, и всемогущими. Как только возникают трудности, они бегут к женщинам, притворяются, что раскаялись. А женщины притворяются, что верят. И Вариус прибежит. Ни куда не денется.

Наконец Рамина решила заглянуть к сыну. Она просто заглянет и уйдет.

В башне было пусто. И ни в одном из залов его половины дворца его не было. Может он ставит очередной эксперимент? Например, пытается смертного. Может в нем, наконец, проснулся инстинкт его рода? Мысль показалась Рамине да-

же забавной. Она вышла из замка и застыла. Вариус, ее прекрасный Вариус, лежал мертвым на темных камнях. Рядом с ним лежал смертный. Он был тяжело ранен, но жив. Ненависть захлестнула Рамину. Черные колдуны не умеют плакать. Поэтому она закричала. Ее страшный крик разнесся по всей сумрачной стране. Скалы задрожали и земля заходила ходуном. А все страшные твари попрятались по своим норам и пещерам. Забились в глубокие трещины скал и дрожали там от ужаса как маленькие беспомощные зверьки. Рамина медленно подплыла к распростертому на земле смертному, убившему ее сына. На Вариуса она старалась не смотреть. Он был одним из двух кого она когда-либо любила. Теперь остался только Мрак. Вариус мертв. Значит, заклятие потеряло силу и жители планеты не погибнут, а она не вырвется из этой проклятой Сумрачной страны. И не увидит Мрак. Рамина уже подняла руку, что бы прикончить бесчувственное тело смертного, лишившего ее сразу всего. Но смертоносный луч оборвал жизнь Зорана. Рамина опустила руку. Если она убьет его сейчас, он ничего не почувствует. И даже когда он будет в сознании, она может мучить и запугивать его, превратить его жизнь в ад, пытать его неделями, но он не испугается, не начнет молить о пощаде ползая у ее ног. Его смерть, как и пытка ничего ей не даст. Она должна наказать его как-то иначе. Рамина задумалась. Она так ненавидела его, что ей нужно было какое-то страшное наказание, что бы он испытывал мучения вновь и вновь. **Вновь и вновь.**

Она даже слегка улыбнулась. Она придумала для него наказание хуже смерти, хуже пыток. Нужно привести его в чувство. Она хочет видеть его лицо, когда он услышит ее приговор.

Вечность.

–Встань смертный!

Повелительный женский голос, подобно раскатам грома, звучал со всех сторон. Казалось, сам воздух пронизан этим голосом.

Зоран почувствовал сильную боль и холод. Он с трудом открыл глаза. Над ним было усыпанное звездами небо. Значит сейчас ночь. Он никак не мог понять, где он и почему все его тело болит. Может он был ранен в схватке с чудовищами? Но почему так холодно. Никогда не было еще такого холода. Ночи на Терле почти такие же теплые как дни.

Зоран слегка повернул голову. Перед ним стояла женщина. Он не видел лица, пришлось повернуть голову еще немного. Каждое движение давалось с трудом, отзываясь резкой болью. Женщина смотрела на него сверху вниз. Во взгляде ее темных глаз была лютая ненависть. Необычайно красивое лицо, казалось было лишено жизни и напоминало не живую плоть, а кусок льда, которому искуснейший резчик придал очертания глаз, губ, носа. И В результате получилось прекрасное женское лицо, только холодное и бесчувственное. Женщина стояла над лежащим на земле Зораном

очень прямо. Она казалась очень высокой, из-за того, что он лежал прямо у ее ног. Позади ее стройной фигуры, одетой в темное длинное платье Зорану чудилось золотистое сияние.

–Встань смертный!– снова воздух наполнился ее голосом, хотя Зоран видел, что ее губы остаются неподвижными.– Ты убил моего сына. Ты, жалкое, недостойное, создание, посмел поднять руку на одного из Высших. И ты понесешь наказание. Встань!

Зоран, наконец, вспомнил, что они сражались с Черным колдуном, и он убил его. Значит это мать колдуна. И она собирается убить его. Зоран поднялся. Боль была невыносимой, он еле-еле стоял на ногах, отказывающихся его слушаться. Но смерть нужно принимать достойно. Он не позволит этой ведьме считать, что он побежден. Зоран посмотрел в темные глаза и широко улыбнулся. Колдунья смотрела на него с ненавистью.

–Посмотри вокруг.– Приказала она.

Зоран слегка повернулся и застыл, на мгновение, испытав ужас. Вся долина рядом с замком была заполнена злобными тварями. Их были тысячи. Зоран испугался не того, что они сейчас разорвут его на части. Он так и так умрет, какая разница каким образом. Ему стало страшно при мысли о том, как много этих существ. Сколько же еще зла они принесут жителям его страны.

Рамина почувствовала, что смертный испугался. Но его страх был безвкусным. Им нельзя было насытиться. Это тоже

самое, что приготовив суп, хозяйка начерпала бы поварешкой пара поднимающегося над кастрюлей и предложила его своим домочадцам. Может, они бы и почувствовали аромат еды, но, сколько бы она ни черпала им в миски, ни вкуса, ни сытости они бы почувствовать не смогли.

Но сейчас Рамина даже была рада, что стоящее перед ней существо не боится. Наказание, которое она для него придумала, труса, пожалуй, даже могло бы обрадовать. Нет, то, что она приготовила, могло напугать именно храбреца, того, кто не боится умереть. Рамина насмешливо посмотрела, на едва, державшегося на ногах человека.

–Ничтожное недостойное создание. Червь, копошащийся в грязи, под ногами, таких как мы. Ты осмелился поднять руку на Высшего.

–Вы не великие. Ты и весь твой род убийцы и жалкие трусы. Прячущиеся, за своей магией. Без нее вы ничто. Пустое место.– Заявил наглый мерзкий червяк с презрением глядя в глаза колдунье. Его губы растянулись в широкой насмешливой улыбке. Рамина едва сдержала порыв гнева, что бы не прикончить существо, позволившее себе не только лишиться жизни черного Колдуна, ее сына, но и поносить ее великий род.

–Ты дерзок и отважен, смертный. Мне не нравится ни одно из этих качеств. И ты глуп, так же как все низшие существа. Ты будешь наказан за смерть моего сына, и за свою дерзость.– Рамина взмахнула рукой, и Зоран почувствовал, что

не может пошевелиться. Он понял, что сейчас она его убьет и хотел сказать перед смертью еще, что-нибудь обидное в адрес Черных колдунов. Если он больше ничего не может сделать, то хоть разозлит эту ведьму. Но говорить он тоже не мог. Мог только смотреть и слушать.

Колдунья произнесла несколько слов на непонятном языке, а затем вытянула руку вперед и направила на Зорана слепящий луч света. Смертоносный луч не убил его, благодаря прочитанному колдуньей заклинанию, но все тело Зорана охватило голубое пламя. Он хотел закричать от нестерпимой боли, но не мог. Колдунья лишила его голоса. Пламя сжигало кожу, оставляя на теле глубокие, кровоточащие рубцы. Наконец голубой огонь погас, и Рамина прочла еще одно заклинание. Зоран почувствовал, как его суставы начало выворачивать, и голова начала болеть так будто кости черепа расходились в разные стороны. Ему казалось, что с его лица сдирают кожу. Колдунья хлопнула в ладоши и снова произнесла несколько слов. Мгновенно перед Зораном возник мощный вихрь и, подхватив его безвольное тело, закружил его, бросая из стороны в сторону, как куклу. Спустя какое-то время, вихрь швырнул молодого воина на камни к ногам колдуньи.

–Встань!–приказала она.–Сейчас я скажу тебе, что тебя ждет.

Зоран надеялся, что она, наконец-то, убьет его, но она видимо не спешила, а наоборот хотела продолжить его пытку. С огромным трудом он поднялся. Все тело было наполнено

болью, было, как ватное и почти не слушалось его.

—Бродить тебе по Сумрачной стране в полном одиночестве и безмолвии.— голос колдуньи был страшен и напоминал рев. Он раздавался на многие километры от золотого замка, отдаваясь эхом в глубоких ущельях.— Будешь ты бродить в своем новом облиции, страшен и безобразен, и ни одна тварь, обитающая здесь, не посмеет подойти к тебе близко, потому, что даже они будут бояться тебя. Никогда не сможешь ты пересечь границу скалистых гор. Не увидишь света дня и не увидишь своей страны. Не увидишь лиц своих соплеменников, и жизнь твоя будет невыносимая, потому что будешь ты так скитаться до тех пор, пока существует эта планета. За смерть моего сына, представителя великого рода Черных колдунов, приговариваю тебя к бессмертию. И заклятие мое будет вечным и нерушимым.— Рамина с удовольствием наблюдала, как вздрогнул и пошатнулся ее ненавистный враг, услышав слова ее заклятия. Она уловила волну ужаса исходящую от него. Только ужас этот был не приятным, а горьким на вкус, потому, что это был ужас не перед лицом смерти, а перед жизнью.

Рамина вновь взмахнула рукой, и в воздухе перед Зораном появилось зеркало. Вместо привычного отражения на него смотрело странное уродливое существо. Ноги превратились в обугленные звериные лапы. Тело, руки и грудь были покрыты кровоточащими ожогами и глубокими рубцами. Пальцы рук скрючились и стали похожи на лапы пти-

цы с длинными острыми когтями, такими же, как у сидящих неподалеку от него кровожадных тварей. Но страшней всего была большая круглая голова, покрытая перьями и наростами, похожими на рога. Вместо носа загнутый крючком птичий клюв. Только глаза по-прежнему были серыми и человеческими, все, что осталось от прежнего Зорана.

Зоран отпрянул от зеркала. Крик боли и ужаса рвался из его груди, но изо рта-клюва вырывался только птичий клекот. Зоран обхватил голову когтистыми лапами и пошел прочь от замка.

—Живи! Теперь твоя жизнь будет длиться вечно!— прозвучал ему вслед насмешливый голос колдуньи. Рамина обвела взглядом свою страшную кровожадную армию, боязливо жмушущуюся к земле под грозным взглядом своей госпожи.

—Ни одна из вас, глупых тварей не смеет близко подойти к существу, которое я сделала бессмертным. Если кто-то ослушается моего приказа и посмеет не то, что напасть на него, а даже приблизится к нему, погибнет тотчас же самой страшной смертью. Вам понятно?!— голос колдуньи снова превратился в рев. Твари задрожали и попытались и вовсе вжаться в каменные плиты у себя под ногами. Рамина взмахом руки велела им убираться, и чудовища бросились прочь от замка, толкая друг друга, торопясь как можно быстрее и дальше скрыться от страшной повелительницы.

Зоран шел, не разбирая дороги. Он чувствовал невыно-

симую боль в израненном и обожженном теле. И не менее невыносимую боль в душе. Он шел, сам не зная куда, пока не закончились силы. Он даже не стал искать какого-нибудь укрытия или более-менее удобного места для отдыха. Просто опустился на камни и провалился в глубокий сон.

Он не знал, сколько проспал. Судя по серому сумрачному небу был день. Но был ли это следующий день после его встречи с колдунами или он спал на этих камнях много дней, он не знал. Как только сознание вернулось к нему, вернулась и боль. Зоран застонал, но его стон был беззвучным. Он вспомнил, что теперь, у него нет способности, говорить, и даже произносить какие-нибудь звуки, кроме птичьего клекота. Зоран хотел подняться, но страшная невыносимая боль пронзила все его тело. Он вновь опустился на камни и лежал глядя в небо, чувствуя огромное желание заплакать. Но даже этого умения он теперь был лишен. Колдунья забрала у него все, подарив взамен свой страшный подарок – бессмертие.

Раны заживали долго и мучительно. Все тело воспалилось и бывало, что Зоран не мог даже пошевелиться по несколько дней. Пару раз он замечал пробегающих в серых сумерках тварей. Зоран собирался с силами и начинал подползать поближе к ним, размахивая руками и издавая свой жалкий клекот. Но твари, завидев его, бросались прочь. Зоран понял, что надежды на то, что они набросятся на него и убьют, нет. Колдунья позаботилась, чтобы ее слуги, не причинили вреда, приговоренному ею, к бессмертию. Два месяца затягива-

лись раны, и заживала обожженная кожа. За это время Зоран испытал страшные муки, но, наконец, все прошло. Он не мог умереть и поэтому выздоровел, хотя ни один другой человек не выжил бы после таких ранений, без лечения и ухода.

Первое время Рамина подолгу наблюдала в волшебное зеркало за мучениями и страданиями пришельца из-за гор. Она радовалась, видя какие муки он испытывает.

Постепенно ей надоело следить за странным существом в которое она превратила смертного. От нечего делать Рамина решила почитать магическую книгу, которую так любил Вариус. Она не увлекала ее так же как ее сына, но Рамина решила, что возможно, она все же найдет в ней, еще какой-то способ освобождения. Какое-то решение, ее безнадежной ситуации. Она часами сидела над книгой, медленно переворачивая страницы. Но большую часть из этого времени он просто размышляла. Книга по-прежнему не увлекала ее. Рамина скорбела по сыну. Она равнодушно перенесла смерть мужа и брата, но сына она любила. Даже Черным колдуньям не чужд инстинкт материнства. Даже в их холодных, лишенных чувств сердцах, есть маленький уголок для собственных детей. Вариус сам виноват. Так же как и его отец, и дядя, и еще много Черных колдунов. Он стал жертвой своего тщеславия, своей гордости, самолюбия и упрямства. Но сознание того, что сын сам сделал шаг навстречу своей гибели, не уменьшало для Рамины боль от потери. Глупый мальчишка, еще

ничего не повидавший в жизни. Не успевший, покорить ни одной планеты. Так и не увидевший, своей родины, и родины своих предков. Он мог повелевать половиной вселенной. Он мог добиться того, что ни одному из Черных магов не было дано. А он погиб, на какой-то жалкой, негодной планетке, будучи ее узником и ни чего не достигнув. Рамине были невыносимы эти мысли, и она заставляла себя листать и листать, как ей казалось, бесполезную книгу дальше. Ради Вариуса. И ради себя. А вдруг...

По ту сторону гор. Терла.

«...На шестую ночь после ухода Зорана в Сумрачную страну разразилась гроза. Молнии полыхали во все небо. Сильный ветер гнул деревья, как тонкие травинки и они стонали и трещали, под его натиском. Турлонги испуганно металась по лагерю, дергая большими ушами и всхрапывая, тревожно вглядываясь в ночную тьму печальными глазами, как будто видели в ней, что-то недоступное взорам людей. Пол ночи небо вспыхивало и все вокруг становилось белым. Гремел гром и бесновался ветер, но дождь не начинался. Это было необычно. На Терле грозы всегда сопровождались ливнями. Каждый из тех кто находился в лагере думал об одном и том же. Может быть Зорану удалось дойти. Может быть он нашел колдуна и эта гроза, свидетельство того, что их встреча состоялась. Только какой исход у этой встречи? Каждый задавал себе этот вопрос и каж-

дый боялся на него ответить. Если сын вождя погиб, то это конец. Конец не только для них всех, а для всей планеты. К утру молнии перестали сверкать. Гром затих. И пошел дождь. Ливень, каких давно уже не было. Казалось, что с неба обрушиваются целые водопады. К середине дня, когда дождь закончился, обитатели лагеря, смогли, наконец, выехать за его пределы и по размокшей дороге направились к скалистым горам.

В ста метрах от дороги лежала кучка черных камней. Горящие знаки колдунов исчезли. Это были просто камни, вокруг которых, метров на двести, все было, как будто перекопано. Ни травы, ни деревьев, ни дороги. Голая, как будто вспаханная земля.

Заклятие потеряло свое действие. На месте разросшихся каменных плит остались только проплешины голой земли с кучкой камней посередине, расположенные через каждый километр, вдоль границы с горами...»

Люди недоверчиво переглянулись. На напряженных суровых лицах начали появляться улыбки. Неужели это все? Неужели все кончено и они спасены?

—Ура!!!— раздался сначала один голос, потом несколько, а потом все присутствующие начали кричать, смеяться, прыгать и скакать по раскисшей земле, обнимая друг друга. Бывалые воины смеялись и плакали, не стеснялись своих слез. Никто даже не пытался их скрывать. Они были спасены, все. Жены, дети, братья и сестры. Отцы и матери. Все жители

страны. Эти деревья, птицы, порхающие среди них. Все живое.

Грязные и счастливые члены отряда вернулись в лагерь. У всех в голове крутился один и тот же вопрос. Что случилось с Зораном? Но, никто не произносил его вслух. Ответа они не знали, а предположения лучше было оставить при себе. Пока есть надежда, нельзя пускаться в пустые обсуждения и догадки. Каждый надеялся, что отважный герой вернется. Их великий герой, в одиночку преодолевший трудный путь и победивший в бою того, кого почти невозможно было победить. Герой спасший всю страну. Каждый из них будет с гордостью рассказывать детям и внукам, что был знаком с великим и отважным Зораном.

«...Прошло десять дней. Зорана не было. Надежда еще была, жители страны не позволяли себе переставать надеяться. Возможно, он ранен, или сбился с пути. Он вернется. Должен вернуться. Все надеялись на это. А на одиннадцатый день, ночью снова началось, то от чего страна только-только начала оправляться и отвыкать. Твари вернулись. Голодные, страшные. Казалось, еще более злобные и кровожадные чем раньше. Жители страны расслабились. Человек быстро привыкает к хорошему и забывает даже самое страшное. Было много убитых, и среди мирных жителей и среди воинов, несмотря на свой многолетний опыт, они тоже не ожидали нападения. Все поверили, что все беды позади. Ошибка дорого обошлась Терлианам. Та ночь за-

помнилась всем надолго.

Все пошло, как и прежде. На ночь дома превращались в крепости. Отряды объезжали деревни, сражаясь с тварями. Зоран не возвращался и спустя несколько месяцев, последняя надежда, на то, что отважный сын вождя жив, угасла. Хотя никто, по-прежнему, не говорил об этом вслух...»

ВЕЛИКИЙ ПОХОД.

Первый из дней.

(двадцать второй день четвертого месяца 3521 года терлианского летоисчисления /5409 межгалактический год.)

-Рудо, посмотри, что это там?— Прикрывая рукой глаза от яркого света, жена с интересом всматривалась в сторону роицы, расположившейся за деревней.

«Ох, женичины! Как она думает, я могу куда-то посмотреть с этой штукой в руках?»— Усмехнулся, Рудо, сгибаясь под тяжестью нового ткацкого станка, который он тащил из мастерской в сторону дома. Он, наконец-то, закончил его, и жена, конечно же, сразу попросила принести его, взамен старого, давно годного только на дрова. Станок был тяжеленный, да еще и громоздкий. Больно бил при каждом шаге по ногам и Рудо уже клял себя, что не попросил кого-нибудь из соседей помочь. Жена, конечно, пыталась ухватиться с другой стороны, но Рудо не позволил, в ее поло-

жениши только тяжелое поднимать не хватало. Живот, вон уже как мельничный жернов, через месяц он станет отцом. Это будет их первенец.

-Рудо!— Крикнула жена, она смотрела в ту же сторону, что и раньше, только теперь выражение ее лица изменилось, в ее расширившихся глазах Рудо увидел недоумение смешанное с испугом. Позвав мужа женщина так и застыла с поднятой рукой и открытым ртом. Увидев лицо жены Рудо бросил станок и оглянулся. «Этого не может быть!»— По-неслось в голове. От рожи к деревне неслись твари. Они были непохожи на остальных, которые время от времени забредали в деревню по ночам, но, несомненно, это были твари. Просто, почему-то, другие. И они пришли днем. Первый раз.

-Беги в дом!— Проорал Рудо. Лицо жены жалобно сморщилось, она умоляюще посмотрела на мужа. Понимая, что нет времени на уговоры, осталось всего несколько секунд, до того как твари настигнут их и тогда конец, Рудо с силой толкнул жену в сторону дома. Он никогда бы не сделал этого. Не обидел бы ее и не тронул бы и пальцем. Но сейчас ему нужно было спасти ее и их, еще не рожденного малыша. Поэтому, если бы понадобилось, он не только толкнул, но и ударил бы ее, лишь бы она побежала к спасительным дверям.

-Рудо!— Жалобно всхлинула она, отступая назад.

- В дом!— Прорывал он, выхватывая воткнутый, в стоявшее рядом с ним полено, топор.

-Твари!!!– Заорал Рудо во всю силу легких. Может кому-то удастся спастись. Люди не ждут нападения днем. Это безопасное время, все к этому привыкли. Но вдруг его предупреждение все же поможет. Жаль только он не увидит своего малыша. Рудо взглянул на сияющий диск Зериса и занес топор высоко над головой, готовясь нанести удар. Через секунду омерзительное уродливое создание приземлилось рядом с ним, скаля громадную зубастую пасть. Рудо услышал, как захлопнулась дверь дома, загремел засов. «Слава Зерису!»– подумал он опуская свое оружие на голову чудовища.

Через несколько секунд твари вихрем помчались дальше, здесь больше нечего было делать. На голубой траве, рядом с новеньким ткацким станком лежал молодой мужчина. Безжизненная рука продолжала крепко сжимать окровавленный топор. Рядом с человеком, в предсмертной агонии, скребло когтистыми лапами по земле отвратительное существо.

Дакарэй.

(седьмой месяц 3727 года терлианского летоисчисления /5616 межгалактический год.)

Перебрасываясь с товарищами шутками, Дакарэй лениво оглядывал улицу веселыми дерзкими глазами. День был очень жаркий, и они с приятелями устроились в тени деревьев с кружечкой красного вина. Сегодня их отряд был сво-

боден от службы, и воины просто сидели и болтали, наслаждаясь отдыхом, после недели ночных объездов Маасдары.

Ничего интересного не происходило. Вот пожилая полная жена пекаря прошла вниз по улице с большой корзиной полной выпечки. Наверное, понесла на базар пироги. На другой стороне улицы, недалеко от отдыхающих воинов, играют на дороге мальчишки, сбивают небольшим тяжелым мячом деревянные чурбачки. Незатейливая игра вызывает у маленьких сорванцов восторг. Визг и хохот стоит такой, что слышно, наверное, на соседней улице. Дакарэй, хотел было уже вновь повернуться к товарищам, смеющимся над очередной шуткой, но тут заметил, как с одной из боковых улочек вышла девушка. Из-под длинной красивой накидки виднелась рукоять меча. Воительница. Ничего удивительного в этом не было. В нынешние времена не только мужчины сражаются. Во многих отрядах есть женщины воительницы. Но эта привлекла Дакарэя стройной фигурой и уверенной и в то же время необыкновенно легкой походкой. Голова высоко гордо вскинута. Темные длинные, ниже пояса волосы развеивает легкий ветерок. Лица Дакарэй не видел, но почему-то был уверен, что девушка хороша собой. Прищуриль темные глаза, и улыбаясь во весь рот, он крикнул:

—Эй, красавица! Куда ты идешь? Не хочешь посидеть с нами и пропустить кружечку холодного красного вина?

Девушка остановилась и повернулась, к уже спешащему, ей на встречу Дакарэю. Он не ошибся. Она была удивительно

хороша. Нежная кожа. Темные прекрасные глаза, в которых плясали веселые искорки и читалась явная насмешка. Яркие красиво очерченные губы.

Девушка окинула молодого воина оценивающим взглядом. Хорош собой. Смел и дерзок. Наверняка, хороший воин. Только нет в нем серьезности, видимо очень любит увиваться за молоденькими красотками. Наверняка считает себя неотразимым. И наверняка находится немало дураков, которые тоже так считают, а потом страдают сидя у окна в ожидании, когда красивый воин вернется и подарит им свое кольцо, а он уж и думать про них забыл. Уже очаровывает других таких же доверчивых.

Дакарэй восхищенно смотрел на девушку. Таких красавиц он еще не встречал. И дело не только в красоте. В воительнице была какая-то особая манера держаться. Гордо и с достоинством. Чувствовалось, что она привыкла повелевать. Хотя на вид ей было не больше двадцати. До чего хороша! А меч у нее совсем не женский. Настоящий мужской. Очень большой и тяжелый. Неужели она с таким управляется? На вид вся такая тоненькая и хрупкая.

Девушка, как будто прочитала его мысли и насмешливо улыбнулась.

—Хочешь проверить воин, как я управляюсь с мечом?

Дакарэй улыбнулся в ответ. Она все больше ему нравилась. Дерзкая и прекрасная. Может эта та, кому он, наконец, захочет подарить кольцо. Конечно, ему и так неплохо. Но по-

чему нет? Если жениться, то на такой.

–Почему бы и нет, воительница. Если не боишься, можем попробовать кто из нас искуснее во владении оружием.– Сказал он.

Они встали друг напротив друга. Дакарэй был уверен, что быстро одержит победу и в качестве награды потребует, что бы она посидела с ними и выпила вина. А там, глядишь, и, познакомившись поближе, можно будет, например, назначить свидание. Он размышлял и едва успел увернуться он несущегося на него клинка. А она действительно ловко управляется со своим мечом. Держит его так, как будто это маленький коротенький меч, с которым теперь ходят все женщины и дети, не столько для защиты, сколько для собственного успокоения, что, мол, у меня оружие. «Сейчас я покажу ей, как сражаются настоящие мужчины»– раззадорился Дакарэй и сделал резкий выпад вперед. Девушка ловко отбила удар, да еще с такой силой, что молодой воин с трудом удержал в руке свой меч. «Вот это девчонка! Кажется, я влюбился»– подумал Дакарэй и в следующий миг почувствовал, что острие клинка воительницы упирается ему в горло.

–Сдавайся воин!– засмеялась она.– Я не стала валить тебя на дорогу на глазах у твоих товарищей.

Она подмигнула ему и Дакарэй, хотя и находился в невыгодном положении, рассмеялся в ответ.

–Ты ловка, не спору. Но повалить на дорогу взрослого,

и без лишней скромности скажу, сильного мужчину, такая былиночка как ты не сможет.

– Вот как? – хмыкнула она, презрительно оглядывая «сильного мужчину».

Девушка сделала быстрое движение изящной ногой, и Дакарэй почувствовал, болезненный удар под колени, а затем его сильно дернуло, и последовало не менее болезненное приземление на дорогу вымощенную камнями. В горло ему, по прежнему, упиралось острие меча девчонки. Сзади слышались смешки его товарищей.

– Ну, что Дакарэй, не смог справиться с девчонкой? Или это ты теперь так ухаживаешь, новая тактика? А может ты присел отдохнуть? А как красиво ты плюхнулся на задницу! Такая грация и плавность движений. – Каждый из приятелей, наблюдавших, сидя в тенечке, за поединком, счел своим долгом прокомментировать проигрыш товарища. На другой стороне улицы хихикали мальчишки, забывшие на время свою игру и во все глаза смотревшие за коротким, но зрелищным поединком.

– Вставай, Дакарэй! Не ушибся? – девушка, улыбаясь, протянула руку.

Дакарэй, поднялся.

– Ты отлично управляешься с мечом. – Сказал он, широко улыбнувшись в ответ. Он не выглядел сильно расстроенным. Может чуточку смущенным. – И ты совершенно свела меня с ума. Я готов хоть сейчас отдать тебе свое кольцо, красавица,

и привести оленя к порогу твоего дома, если ты согласна.

Дакарэй с восхищением смотрел на девушку. Она засмеялась.

—Хоть замуж я и не собираюсь, но ты можешь привести оленя к порогу моего дома. Мы не откажемся от вкусного нежного мяса. И конечно угостим тебя как дорогого гостя.

Какая девушка! Дакарэй был окончательно сражен. Прекрасная и дерзкая. Мечта!

—Скажи, красавица как тебя зовут, и где ты живешь, и в ближайшие дни олень будет бить копытом под твоими окнами. И кто знает, может быть, ты еще передумаешь и согласишься взять мое кольцо. Я не буду терять надежду.

—Мое имя Юнис. А живу я в конце следующей улицы, во дворце вождя.

Дакарэй присвистнул.

—Ты, должно быть, недавно в Маасдаре. Я ни разу не видел тебя во дворце. Уж такую красавицу я бы точно заметил. Ты, наверное, гостя, в доме вождя приехавшая по важному делу? Угадал?

Она насмешливо улыбнулась.

—Я действительно недавно в Маасдаре. И приехала по важному делу – повидать отца.— Юнис отряхнула плащ, запылившийся во время боя.— Так я передам отцу, что скоро мы полакомимся олениной? До встречи Дакарэй.

Она помахала рукой и пошла прочь от стоящего, с открытым ртом, воина.

–Закрой рот, жука проглотишь!– закричали товарищи.– Ну, что когда свадьба, Дакарэй? Дочь вождя просто красавица и с мечом ловко управляется. Будешь у нее как шелковый. На других девчонок и не взглянешь.– разошлись вовсю развеселившиеся товарищи.

Юнис выглянула во двор. Напротив главных ворот стоял Дакарэй. Рядом с ним, с завязанной на шее и перекинутой через морду, на манер уздечки, веревкой, переступал длинными тонкими ногами красавец олень. Большие рога широко раскинулись в стороны от его головы.

–Молодец. Слово сдержал.– улыбнулась Юнис.– Позволь предложить тебе Дакарэй быть дорогим гостем в доме моего отца и разделить с нами скромную трапезу.

Дакарэй поклонился, не переставая дерзко улыбаться и поглядывать на юную красавицу.

Мясо таяло во рту. Молодой воин оказался не только ловким охотником, ни и искусным поваром. Вождь похвалил Дакарэя и поблагодарил за доставленное удовольствие.

«...По случаю неожиданного подарка во дворце устроили праздник. Все веселились. Лица собравшихся, были радостными, светились улыбками. Было приятно ненадолго забыть о невзгодах и опасностях подстерегающих на каждом шагу. Всем хотелось просто развлечься, провести вечер

весело и беззаботно. Достаточно и того, что у всех присутствующих за спиной из-под плащей и накидок были видны рукояти мечей. Пусть хоть мысли будут о чем-то хорошем, не связанном со смертью...»

Они сидели на скамье в саду позади дворца. Дакарэй любовался красотой сада вождя и не забывал, время от времени любоваться красотой его дочери. Вечер удался на славу. Дакарэй, конечно уже понял, что стать зятем вождя ему не светит, но ничего. Красавица Юнис нравилась ему и в качестве друга. Хороший друг это тоже не мало, между прочим.

–Через два дня я возвращаюсь со своим отрядом в западную часть страны.– Сказала Юнис. Дакарэй уважительно посмотрел на девушку. Значит ее отряд объезжает границы. Опасно везде, но там опаснее всего. Отважная маленькая Юнис каждый день рискует своей жизнью. Намного сильнее, чем рискует, например, он, Дакарэй. В столице нападения бывают нечасто, хотя конечно и случаются. Но эта девушка, наверняка, участвует в сражениях каждый день. Дакарэю стало грустно. Почему они живут в таком мире, где даже женщины вынуждены брать в руки оружие и сражаться. Ведь их предназначение быть женами, матерями. Дарить любовь и ласку. Заниматься домом. Отцы благословляют своих дочерей и смотрят, как они уходят, возможно, навстречу своей гибели. А сердца отцов разрываются от боли и они украдкой смахивают слезы. Дакарэй почувствовал приступ

ярости. Как покончить с этим? Как сделать так, что бы никто больше не умирал. Чтобы отцы не плакали, украдкой от всех, а матери не старели раньше времени от горя?

–Дакарэй, хочешь поехать со мной?– спросила юная воительница.– Ты хороший воин. Я буду рада, если ты пойдешь ко мне в отряд.

Дакарэй замер, не веря своим ушам. Да он готов бегом бежать на своих двоих за отрядом, который охраняет границы. Юнис хитро улыбнулась.

–Конечно, там не будет тенистых улиц, по которым ходят красотки, за которыми можно наблюдать попивая вино, лежа на травке. И сражаемся мы там, иногда по два раза за один день. Но ты же не из пугливых? Да и мечом владеть я тебя научу.– Она подмигнула молодому воину и звонко рассмеялась.

–Хоть командовать будет девчонка, возомнившая о себе слишком много, но так и быть, согласен. А мечом я и сам тебя научу владеть. Если тебе один раз повезло, нечего задаваться.– Улыбнулся Дакарэй.

Филина.

Яркие лучи света вспыхивали в рыжих волосах женщины идущей по узенькой тропинке из леса. Воины приветственно помахали, и, улыбнувшись, женщина помахала в ответ. Рыжий цвет волос на Терле редкость. Воины с интересом рассматривали молодую женщину с примечательными волоса-

ми, к тому же необычайно красивую.

—Доброго пути отважные воины. Пусть лучи Зериса освещают ваш путь долгие годы.— Крикнула рыжеволосая красавица.

—Здравствуй, красавица! Меня зовут Дакарэй. Как твое имя? И почему ты бродишь по лесу одна, разве ты не знаешь, что это опасно?— расправив плечи и ослепительно улыбаясь незнакомке, крикнул главный покоритель женских сердец.

—Меня зовут Филина, а насчет опасности, воин, так и рядом с домом не менее опасно, чем в лесу. К тому же у меня есть оружие.— Улыбнулась Дакарэю рыжеволосая красавица.

Дакарэй только сейчас заметил, что за шапкой огненно-рыжих волос виднеется рукоять меча, и ни какого-нибудь, а боевого. Почти такого же тяжелого как у Юнис. Помня урок, который преподала ему дочь вождя, Дакарэй предпочел оставить мысли о размерах меча и умении незнакомки с ним обращаться при себе. Направив своего турлонка в сторону рыжеволосой Дакарэй широко улыбаясь и весело сверкая дерзкими глазами сказал:

—Филина, значит судьба. Может быть ты моя судьба, красавица?

Члены отряда начали пересмеиваться. Дакарэй оставался верен себе. Даже на глухой лесной дороге, пытается очаровывать случайно встреченную красавицу. Филина тоже рассмеялась, окинув молодого воина насмешливым взглядом больших янтарных глаз она сказала:

–Все может быть Дакарэй. Свою судьбу никто не может предугадать.

–Так, значит ты не отрицаешь, что у меня есть шанс прекрасная Филина? И может статься, что ты ответишь мне взаимностью, и не дашь моему несчастному сердцу разбиться от неразделенной любви?

Юнис поняла, что Дакарэй может продолжать флиртовать с рыжеволосой красавицей еще долго, поэтому решила положить конец этому нескончаемому потоку слов, льющемся из любвеобильного Дакарэя.

–Далеко ли до деревни, Филина?– Обратилась Юнис к молодой женщине.

–Через пару километров лес закончится, и вы выедете к реке. Справа будет мост. А там останется совсем чуть-чуть, дорога приведет вас прямо к деревне. Жители нашей деревни будут рады гостям, а тем более славным воинам.– Поклонилась Филина.

–Я могу подвезти тебя красавица.– Предложил Дакарэй.– Мой турлонг силен и вынослив, а твоим прекрасным маленьким ножкам, наверняка, нужен отдых.

Рыжая засмеялась.

–Спасибо, Дакарэй. Но я иду не в деревню. Твоему турлонгу повезло.

Юнис поблагодарила Филину, и отряд двинулся дальше.

– Я вернусь, Филина.– Крикнул Дакарэй.– Я обещаю!

Рыжая прикрывая рукой глаза от яркого света, со смехом,

крикнула:

– Не давай пустых обещаний, Дакарэй! Обещания должны выполняться, иначе можно накликать на себя беду.

– Я вернусь, увидишь! Между прочим, Дакарэй означает – возвращающийся. – Снова прокричал молодой воин и, прищпорив турлонга, поскакал догонять отряд.

Юнис насмешливо посмотрела на поравнявшегося с ней приятеля.

– Ты, наверное, до глубокой старости будешь всем девушкам подмигивать, да пытаться головы кружить.

Дакарэй рассмеялся:

– Не ревнуй, дочь вождя. У тебя был шанс, сама его упустила.

– Да, уж, выпустила из рук свое счастье! – улыбнулась Юнис.

– Ты, смотри, а то своим мечом всех женихов распугаешь. – Припугнул ее Дакарэй. – Думаешь, кто-то захочет иметь жену, которой слова не скажи, сразу на обе лопатки уложит? Да, впрочем, я знаю, в чем дело. Помнится, ты говорила, что в день когда ты родилась, случилось затмение. Так, наверное, Зерис в темноте перепутал детские люльки и отправил в твое тело мужскую душу. Так, что где-то какой-то бедолага, которому досталась женская душа, мается и страдает. Весь такой нежный и скромный, и всего боится. А чуть, что краснеет и смущается. – Дакарэй расхохотался.

—Ага, а когда ты родился, Зерис, наверное, был в веселом настроении. Дай-ка думает, я этому мальчишке дам длинный-предлинный язык и коротенький-прикоротенький умишко. И посмотрю, что из этого выйдет.

Ехавшие рядом воины рассмеялись.

На ночлег остановились в красивом месте, на берегу озера. Возле костра собрались все, кроме дозорных, охранявших лагерь. Ночь была чудесной. На бархатном темном небе ни облачка. Звезды казались совсем близкими, хоть руку протягивай и собирай светящиеся огоньки. Юнис оглядела своих товарищей. Молодые, красивые лица. Улыбаются, смеются радостно и беззаботно. А ведь каждый из них знает, что завтра может погибнуть. И даже сегодня. Как было бы хорошо, что бы все это закончилось. Что бы можно было вернуться домой и спрятать подальше свои мечи, потому что в них больше нет надобности. И каждый занялся бы тем, что ему по душе. Вон Айко, строгаёт ножом деревяшку. Он прекрасный резчик. На каждом привале вырезает красивые фигурки и потом дарит их деревенским ребятишкам, а они прыгают вокруг него от радости и Айко радуется не меньше чем они. А вон Бинай. Он всегда с тоской глядит на поля, мимо которых проезжает их отряд. Он любит землю. Бинай стал бы землепашцем, выращивал хлеб, собирал спелые колосья. А когда возвращался бы с поля домой, наработавшийся и усталый, его встречала жена, и детишки выбегали навстречу от-

цу и все они были бы счастливы. А Дамар поет так, что можно заслушаться. И от его песен то хочется плакать, а то переполняет радость и невозможно не начать улыбаться. Он мог бы ходить по стране и радовать своими песнями людей. Петь на праздниках, на свадьбах, даря людям радость и удовольствие. Все сидящие здесь могли бы быть очень счастливыми и жить совсем другой жизнью. Юнис грустно вздохнула. А она сама, что бы она стала делать, если наконец наступил бы мир и покой пришел на их земли? Она не знала. Ей казалось, что она ничего особенного не умеет, кроме как сражаться. И вдруг она очень отчетливо увидела бегущих к ней мальчика и девочку, и они, радостно улыбаясь, кричали ей: «Мама! Мама!» А следом шел мужчина, только она не видела его лица, но ей казалось, что она его знает...

–Ты о чем задумалась?

Юнис тряхнула головой, услышав вопрос заданный Дакарэем. Оказывается, она задремала, пригревшись и размечтавшись у костра.

–Как всегда о тебе Дакарэй. О чем еще может думать девушка, когда ты рядом? Сам подумай своим коротеньким умишком.– Дакарэй рассмеялся.

Через несколько минут Юнис посмотрела на приятеля:

–Дакарэй, а если бы все это закончилось. Я имею ввиду, если бы не нужно было больше сражаться, если бы наступила мирная, спокойная жизнь, чем бы ты занялся?

Дакарэй улыбнулся.

– Не смейся, моя прекрасная воительница, я стал бы поваром. Устроил бы харчевню, где-нибудь возле дороги, идущей от здешних мест в Маасдарму и кормил бы путников. Если бы опасности больше не существовало, то много людей ездило бы из своих деревень в столицу. А усталым путникам хочется вкусно поесть и отдохнуть. Так, что я занялся бы этим – давал еду и кров.

Юнис рассмеялась.

– Ты шутишь! Не бывает мужчин поваров. Поварихи истряпухи всегда женщины, а вы мужчины считаете это занятие ниже своего достоинства.

– Ну, ты же размахиваешь мужским мечом, и тебе никто не говорит, что это не женское занятие, хотя так и есть. Просто наша жизнь такова, что даже женщинам приходится воевать. И, кстати, не ты ли всегда говоришь, что мои похлебки и жаркое самые вкусные и, что никто из отряда не готовит, так как я? А?

– Ладно, сдаюсь! Ты действительно хорошо готовишь. Просто я не думала, что ты видишь свое предназначение в этом. Но это даже здорово.

Дакарэй, став непривычно для него серьезным, взглянул на Юнис.

– Только боюсь, воительница, что наши мечты так и останутся мечтами. Что-то не видно ни конца ни края той войне, которую мы ведем.

Догорал костер. Двое друзей сидели бок о бок, вглядыва-

ясь в ночное небо. Мысли их были как никогда схожи. Глядя на яркие звезды, они оба думали о том, как было бы прекрасно, если самое их привычное занятие больше никогда не понадобилось.

Отчаяние и ненависть.

Отчаяние и ненависть. Эти два чувства были единственным, что осталось в жизни Черной колдуньи. Все ее могущество и сила не могли помочь ей преодолеть проклятую границу проведенную Белым магом. Она, уничтожившая сотни планет, оставляя после себя лишь безжизненные пустые земли, потемневшие от крови и заваленные мертвыми телами их обитателей, не имела возможности разделаться с горсткой жалких существ находящихся по ту сторону гор, потому, что не могла вырваться из своей темницы уже более трех сотен лет. И как несправедливо, что заклятия Черных колдунов теряли свою силу сразу после их гибели. А заклятие проклятого мага, оставалось нерушимым и после его смерти. И только потому, что оно, в сущности, не было настоящим заклятием. Белые маги управляли временем и пространством, изменяя их направление, течение и скорость, они не применяли колдовство. Изменению времени и пространства, могли отменить или изменить только они сами. Проклятый род, непонятно для чего вообще созданный вселенной. Мерзкие самовлюбленные существа по какой-то непонятной причине наделенные огромным могуществом. При мыслях о Белых

магах Рамину каждый раз захлестывал приступы ярости и ненависти. Даже то, что их больше нет не радовало ее. Что толку. Один из них успел разрушить ее жизнь. От того, что самого его давно уже нет ей совсем не легче.

Рамине хотелось кричать, крушить. Ей хотелось убивать! Она чувствовала голод, жажду. Отчаяние и ненависть...

Первое время, после гибели Вариуса, Рамина находила некоторое удовольствие наблюдать за одинокой бесцельно скитающейся между скал фигуркой странного существа, в которое она превратила воина, убившего ее сына. Но постепенно, глядя на его страдания и одиночество она стала ощущать, что и она сама ничем от него не отличается. Она такая же точно пленница в этой стране. Глядя в волшебное зеркало на свою жертву она чувствовала, что видит себя и тогда она еле сдерживалась, что бы не швырнуть зеркало о стену, разбить волшебное стекло, такое же бесполезное, как и все остальное.

Рамина почти не покидала замок. Ей нечего было делать за его пределами. Ей нужно было только одно, единственное чего она не могла получить – свобода. Она ненавидела всех. Мужа и брата за то, что из-за их глупости она оказалась здесь узницей. Жителей планеты, жалких никчемных существ, которые не желали сдаваться, боролись яростно и отчаянно. Она ненавидела даже Вариуса. Еще один глупец, погубивший себя, а заодно и ее ради своего тщеславия и са-

молюбия. Ее сын. Он бы мог повелевать вселенной, стоило только немного подождать. Когда они, наконец стали бы свободны, к его ногам падали бы миры и целые галактики. Он мог бы стать самым могущественным из Черных колдунов. Вариус! Ее Вариус. Глупая смерть. А она одна и не осталось надежды. Лишь вечное заточение.

Рамина даже начала жалеть, что Черные колдуны не владели способностями насылать болезни. Существа, которые скитались по вселенной насылая мор на жителей планет считались самыми презренными. Их ненавидели все. Черные колдуны считали их жалкими падальщиками, которые только портят планеты. Они мешали колдунам, часто приходили на планеты, которые наметили для себя колдуны. Остальные Высшие считали этих разносчиков заразы мерзкими вредителями, паразитами вселенной. Их по возможности истребляли, но они ухитрялись появляться вновь и вновь. Необычайно живучие создания. Сейчас Рамина не побрезговала бы и этим средством. Лишь бы извести все живое на этой планете. Лишь бы вырваться. Она могла попытаться уничтожить саму планету, но тогда она и сама бы погибла, так как находится на ней. Черные колдуны иногда уничтожали планету целиком, но предварительно покидали ее пределы.

Что же ей делать? Невыносимо, ужасно ходить взад вперед и думать, думать, думать об одном и том же.

Рамине попала на глаза магическая книга. Чертова книга! Одна из любимых игрушек Вариуса. Такая же бесполез-

ная, как все остальное. В приступе ярости колдунья швырнула книгу на пол. Этого нельзя было делать. Ни один Черный колдун не должен был так обращаться с магической книгой, за это могло последовать суровое наказание. Ну и пусть. Рамине было плевать. Пусть ее накажут, пусть попробуют. Интересно, что еще с ней можно сделать, как еще покарать? Она и так уже лишилась всего. У нее ничего больше не осталось. Книга раскрылась где-то на середине и Рамине бросились в глаза слова «не боящиеся света дня...» Она склонилась над книгой и начала читать. Ну конечно! Как она раньше не догадалась? Столько времени потеряно впустую. Может быть, даже она могла бы быть уже свободна. Колдунья бережно подняла книгу, дав себе слово, впредь чтить законы Черных колдунов и не обращаться так с книгой таинств и заклинаний великого рода.

Ничего не потеряно. Может быть, это и не даст ей ключ к свободе, этот жалкий народ слишком живуч. Но она, наконец, превратит их жизнь в ад. Она сделает так, что ненавистные ей существа не будут знать ни одной минуты покоя. А у нее самой появится больше пищи, что тоже важно, потому, что она начинала испытывать голод, а если она будет долго голодать, то ее силы начнут ослабевать.

Твари были даже отвратительнее тех, что она создала еще в самом начале пребывания здесь. Эти были не только страшны и уродливы, но их, довольно маленькие глаза при-

крывала полупрозрачная пленка, что делало их морды совершенно омерзительными.

Колдунья отдала приказ. Твари сорвались с места и понеслись в сторону гор. Добежав до подножия, они притормозили, немного покрутили безобразными, почти слепыми головами, принюхиваясь и прислушиваясь, и помчались вверх по склонам.

Твари созданные Раминой раньше, боялись яркого дневного света. Он ослеплял их, принося страшные мучения. Это было так просто!

Нынешние существа ничего не боялись. Они были почти слепы. Реагировали на звук и запах. Их незрячесть несколько им не мешала. Обоняние и слух были настолько чуткими, что вполне возмещали этот недостаток. Ничто живое не могло проскользнуть мимо них не замеченным. Убедившись, что ее новые создания благополучно перешли границу и теперь уже, должно быть, несутся по землям смертных, Рамина поставила перед собой волшебное зеркало. Зрелище, открывшееся ей, было самым лучшим и самым приятным из того, что она видела за последние три столетия.

Рамина видела, как страну за горами накрыла волна ужаса. Они были совершенно не готовы. Они привыкли, что создания приходят только ночью. Они были беззащитны и гибли десятками, сотнями. Целые деревни, сметались с лица земли за считанные минуты. Рамина почувствовала идущую оттуда, волну страха, паники. Страдания и смерть. С каждой

минутой мучивший ее голод становился, все менее ошутим. Наступало насыщение. Лучший день на этой чертовой планете.

Священная клятва.

«...С тех пор как твари начали нападать не только ночью, но и среди бела дня, жизнь на Терле превратилась в настоящее выживание. Никто не чувствовал себя в безопасности. Нигде и никогда. Только за стенами домов, за толстыми, запертыми на прочные замки и засовы дверями можно было расслабиться по-настоящему. Вне дома каждый мог подвергнуться нападению в любую минуту. Никто не выходил из дома не вооруженным. Даже за водой шли с мечом за спиной. Пастухи теперь пасли скот большими отрядами. Строительство домов вели вооружившись. Дрова заготавливали тоже по несколько хорошо вооруженных мужчин. Дети играли во дворах с маленькими легкими мечами за спиной, под присмотром двух, трех, вооруженных, взрослых. Без надобности на улицу лишний раз старались не входить и держались поближе к домам, что бы в случае опасности, можно было укрыться в них. Перед тем как выйти из дома сначала осматривали улицу через маленькие окошки, которые делали такого размера, что бы через них не могли пробраться твари. Во всех деревнях установили дозорные вышки, на которых дежурили по очереди, что бы заранее предупредить людей о надвигающейся опасности.

Твари теперь нападали большими стаями по десять, по двадцать, а иногда и по тридцать. Страна стонала, народ выбивался из сил, ведя непрерывную нескончаемую борьбу. Но никто не опускал рук. Каждый жил с надеждой, что рано или поздно эта война закончится и наступит нормальная, спокойная жизнь.

За три столетия жители страны, не знавшие до начала этой напасти другого оружия кроме ножей и охотничьих луков, превратились в воинов, с первых своих шагов осваивавших умение владеть мечом и другими видами оружия.

Дети вождя, сын Медин и его младшая сестра Юнис, начали познавать воинское искусство с тех пор, как сделали свои первые шаги. И Юнис, и Медин стали искуснейшими воинами. Отец гордился ими. Хотя для дочери, предпочел бы долю жены и матери, нежели воительницы, которая находится большую часть времени в походах, совершенно не собираясь менять свою жизнь, больше подходящую мужчине. Все же женщина должна быть женщиной. Воевать удел мужчин. Но у Терлиан не принято указывать, кому и чем заниматься. Родители не навязывают свою волю, полагаясь на выбор своих детей. И все переживания держат при себе. Сложившиеся суровые обстоятельства жизни в стране, стерли грань между мужскими и женскими занятиями. Противостоять великой напасти женщинам приходилось наравне с мужчинами. К тому же, нельзя было не признать, что Юнис превосходила в воинских умениях большин-

ство мужчин. На мечях ее мало кто мог одолеть, и из лука, дочь вождя стреляла так метко, что можно было биться об заклад, что уж если пущенная ей стрела начала свой полет, то неминуемо достигнет цель и промашки не будет...»

Брат с сестрой всегда были очень дружны. Медин и отец, были для Юнис самыми близкими, самыми любимыми людьми. Рано лишившись матери, Юнис и Медин все детство были неразлучны. Старший брат никогда не гнал сестренку, желающую участвовать во всех его играх и затеях. Всегда находил для нее время. Мастерил для Юнис забавные игрушки, рассказывал сказки и истории, вычитанные им в старинных рукописях. Юнис обожала брата. Старалась во всем походить на него. Когда Медин упражнялся с мечом, Юнис хватала свой маленький деревянный меч и скакала рядом с братом, повторяя его движения. И даже копировала выражение его лица, чем смешила всех, находившихся рядом и наблюдавших, как маленькая девчушка скачет рядом с братом, размахивая игрушечным мечом.

Дети вождя выросли и разлетелись в разные уголки страны, для защиты ее земель от ненавистных тварей. Юнис и Медин редко виделись. И, хотя Юнис и была воительницей, и не стремилась обзавестись семьей, жить в собственном доме и заниматься хозяйством, но сердце у нее все равно было женское. Она сильно страдала и переживала от разлуки с отцом и братом. Скучала и душой, и мыслями рвалась к ним.

Вождь, понимал, что война со страшными чудовищами,

длится уже столетия и навряд-ли скоро закончится, так как тварей не убывает, сколько бы их не истребили. Их, казалось, только прибавляется. И что бы хоть изредка видеть детей, раз в год, полтора, отправлял в отряды Юнис и Медина, приказания явиться в Маасдару. Дети понимали, что это уловка любящего и истосковавшегося родителя. Но они и сами были, на несколько дней вернутся под отчий кров, повидаться друг с другом.

Гонец прискакал в лагерь Медина после полудня и привез донесение от вождя. Медин прочитал послание и улыбнулся. Вождь официально приказывал сыну приехать во дворец в следующем месяце. Медин не был дома почти полтора года. Юнис, наверное, столько же и отец не выдержал. Ну, вот и хорошо. Через три недели он увидит отца и сестру. Сердце радостно забило в груди.

–Эй, Чиро!– Крикнул Медин лучшему другу и своему ближайшему помощнику.– Приказ вождя. Через две недели едем в столицу.

Лицо Чиро расплылось в довольной улыбке. В столицу! Хорошо на время, хоть на несколько дней, отправиться в родной город. Побывать дома, увидеть мать и бабушку. И, возможно, ту о ком Чиро в тайне мечтал и вздыхал. Новость была отличная!

Отряд проезжал через рощу цветущих крупными сильно пахнущими цветами деревьев. Турлонги, не любившие сильные, насыщенные запахи, недовольно дергали длинными но-

сами и фыркали. Чиро сорвал один цветок и то и дело подносил его к лицу, вдыхая аромат, исходящий от нежных ярких лепестков. Вид у него был задумчивый, на губах играла мечтательная улыбка.

–Посмотрите, наш Чиро о чем-то размышлялся. Едет, цветочки нюхает. Никак думает о какой-нибудь красавице. Давай, Чиро, открой имя той, что покорила твое сердце.– Поддразнивали товарищи. Медин посмотрел на приятеля и тоже улыбнулся.

–Неужели ты и впрямь скрываешь от товарища, что есть та, которая живет в мечтах отважного Чиро?– посмеиваясь, сказал сын вождя. Чиро, как показалось Медину, слегка смутился и даже покраснел.

Через некоторое время Чиро, видимо решившись, наконец, спросил:

–Медин, скажи, если я открою свои чувства и предложу кольцо твоей сестре, это не будет слишком большой дерзостью с моей стороны?

Медин взглянул на него почти с жалостью.

– Дерзостью, нет, не будет. Это будет очень большой глупостью, друг мой. Моя сестра не из тех девушек, которые ждут, не дождутся, когда красивый отважный воин предложит им кольцо. Лучше выбрось это из головы. Я слишком дорожу нашей дружбой, что бы позволить Юнис преподавать тебе урок, который она преподает, каждому кто пытается к ней посвататься. Все претенденты так и остаются при своем

кольце, а самые настойчивые еще и лежа на дороге, вдоволь наглотавшись пыли.

Чиро выбросил цветок и упрямо посмотрел на брата своей возлюбленной. Медин понял, что он не отступится и все равно рискнет. Ну, что ж, Медин сделал все, что мог, предупредил товарища, а дальше у него своя голова на плечах есть. Вот пусть и думает.

«...Впереди показались крыши домов. Большая деревня. Воины пустили турлонгов легкой трусцой, всем хотелось передохнуть, да и перекусить заодно. До деревни оставалось совсем чуть-чуть. До всадников донесся крик дозорного с башни и звон железной пластины, используемой для подачи сигнала тревоги, что бы звук можно было услышать на большом расстоянии. Раздались крики. Крики боли и ужаса, слишком хорошо знакомые воинам. Уже не жалея животных всадники прищипорили их что есть силы и помчались вперед...»

Твари уже успели убить несколько обитателей деревни, не успевших укрыться в домах, и теперь носились по улицам в поисках новой добычи. Спрыгивая на землю воины, выхватывали мечи, и бежали навстречу кровожадным убийцам.

Одна из тварей задела длинными когтями руку Чиро. Из глубоких порезов обильно полилась кровь. Перевязывать рану было некогда. Чиро заметил, что сбоку к нему подбегает еще одна, уже готовясь совершить свой прыжок. Ру-

ка, державшая меч болела от полученной раны, и кровь шла сильно, и не переставая. Чиро решил, что проще попытаться убить тварь, выстрелив из лука. Страшное существо оттолкнулось от земли. Воин молниеносно вскинул лук и пустил стрелу, метясь в незащищенный во время прыжка живот чудовища. Тяжелая мертвая туша, пролетев, по инерции еще немного, рухнула возле ног молодого воина.

–Отличный выстрел!– Крикнул Медин, почти одновременно с Чиро, прикончивший, одну из тварей. Он засмеялся и подмигнул другу.– Может сестренка на этот раз будет более снисходительной. Обещаю замолвить за тебя словечко. Расскажу, какой ты меткий стрелок. Правда, рискую и сам наглотаться дорожной пыли. Юнис девушка серьезная.

Бой был закончен. Десятка полтора мерзких созданий лежало в разных концах улицы неподвижными темными тушами. Медин перевязал другу руку, не переставая подшучивать над ним.

–Повязку не снимай. Приедешь в Маасдару, сразу будет видно, вот настоящий герой. Юнис не посмеет поднять руку на раненого. Это непочтение и неуважение. Дочь вождя, как никто должна чтить законы.

–Смотрите!– Указывая рукой в сторону леса позади деревни, крикнул один из воинов.

Улыбающиеся воины, радующиеся благополучному исходу битвы, повернули головы. Улыбки исчезли. Все застыли

на месте. К отряду передвигаясь гигантскими скачками, бежали твари. Стая, была необычайно многочисленная. Их было не меньше сотни. Двадцать два воина переглянулись. В их взгляде было сожаление, грусть, понимание. Шедшие бок обок изо дня в день, товарищи, прикрывавшие друг друга, делившие все невзгоды и редкие радости, они прощались друг с другом. Каждый из них воевал не день и не два, чтобы не понимать, что эта битва будет последней для них всех. С таким количеством кровожадных убийц им не справиться. Каждый понимал и каждый собирался забрать с собой как можно больше ненавистных существ.

– Не поедем, мы видно, в Маасдару, Медин. – Чиро кивнул товарищу. Медин грустно улыбнулся.

– Да, брат. Видно не судьба. Прощай, Чиро, мой верный друг..

– Прощай, Медин. Покажем этим гадинам, как приходиться на наши земли!

– Покажем!

Медленно оседала, в пронизанном ярким голубым светом воздухе, пыль, поднятая ногами людей и лапами нападающих на них существ. Все закончилось, наступила полная тишина. Все вокруг как будто замерло. Женщины и дети выходили на улицу и с воем садились на дорогу, глядя на молодые, мертвые лица павших, в этой битве. Все вокруг было залито кровью. Растерзанные тела людей, турлонгов и убитых тварей, перемешались в одно страшное месиво. Каждый из

воинов стоял до последнего. Израненные, умирающие, еле держащиеся на ногах, они продолжали сражаться, стараясь продержаться как можно дольше, убить или ранить еще хоть одну тварь. Когда, последний, из сражавшихся упал, глядя в небо уже неживыми, застывшими глазами, из сотни напавших на деревню существ в живых оставалось не больше двадцати. Немного поискав и убедившись, что ничего живого, до чего можно добраться не осталось, оставшиеся твари помчались обратно, в сторону гор.

«...Пламя погребального костра разгоралось все ярче. На поляне Прощания собрались все жители Маасдармы. Пришли обитатели соседних деревень. Почтить героев. Проводить их тела в последний путь. Души их уже находились возле Зериса. Женщины надели траур. Воины погибали постоянно, но что бы целый отряд, такое случилось только во времена Черных колдунов.

Стоя прямо, с непроницаемым лицом, вождь смотрел сквозь пламя костра невидящим взглядом. Рядом с отцом стояла Юнис. Она не плакала, не кричала. Она была воительницей и ее боль жила внутри нее. Вместо веселой встречи и праздника, который собирались устроить по случаю приезда сына и дочери вождя, белый дворец погрузился в печаль, его просторные красивые залы наполнились болью и горем...»

Юнис в последний раз взглянула на любимое лицо, каж-

дую черточку которого она знала и помнила. Рядом с братом лежал Чиро. Друг и товарищ по детским играм и проказам. Юнис дотронулась до шнура висящего на шее. На нем были два кольца. Медина и Чиро. Знак того, что они уже никому не подарят их. И того, что она будет хранить о них память до последнего вздоха. В какой-то мере мечта Чиро исполнилась. Его кольцо было у той, которую он любил, которой хотел подарить его.

«...Когда очертания лиц скрылись в языках пламени, Юнис шагнула к костру и достала из-за пояса нож. Вытянув руку к огню, она разрешила острым лезвием ладонь и обильно полила пламя костра кровью. Пока пламя с шипением принимало ее жертву, Юнис прошептала слова клятвы. Клятва, данная над телом погибшего и скрепленная кровью, считалась священной и нерушимой. Такая клятва должна быть исполнена даже ценой собственной жизни. И никто не смел, пытаться отговорить от ее исполнения. Потому, что даже тот, кто сам принес ее, уже не мог передумать и отказаться от своих слов. Это был закон, и никто не смел, нарушить его...»

Вождь подавил тяжкий вздох и рыдания, рвавшиеся из груди. Он потерял любимого сына, а теперь, скорее всего и дочь. Потому, что, наверняка клятва Юнис была страшной и трудновыполнимой, если вообще выполнимой.

«...Ранним утром, ровно через две недели после того как

Юнис окропила погребальный костер своей кровью и принесла клятву, возле дворца снова собрались жители Маасдары, на этот раз проводить дочь вождя и небольшой отряд храбрецов в далекий, трудный и опасный поход. Желаящих отправиться с Юнис хватало, но дочь вождя решила не брать с собой много воинов. Зачем губить лишние жизни, когда неизвестно, что их ждет. Отряд Юнис отправлялся в Сумрачную страну. Юнис поклялась покончить со страшными тварями и с тем, кто их посылает или погибнуть самой. Возможно, они все погибнут, едва перейдя границу, отделяющую Сумрачную страну от их земель. Терлиане имели очень слабое представление о том, что творится по ту сторону гор. Юнис тщательно изучила старинную рукопись, касающуюся единственного похода за Скалистые горы. Также она прочитала, все, что смог для нее найти Хранитель истории и законов о Черных колдунах...»

Она несколько не жалела о принесенной клятве. После гибели брата она не смогла бы жить спокойно, зная, что какая-то злая сила находится по ту сторону гор и терзает ее страну, отнимая самое дорогое и любимое, а она не предпринимает никаких попыток прекратить это. Но она прекрасно осознавала, что исполнить задуманное будет крайне трудно, если вообще возможно. Примером и надеждой на удачу, был для нее Великий герой Зоран, несколько столетий назад совершивший свой подвиг и спасший страну. Он отправился в Сумрачную страну в одиночку и победил колдуна или кол-

дунов. И хотя сам он и не вернулся, но он спас свой народ. И теперь о Великом герое прошлого, слагают песни и былины, и каждый мальчишка в стране мечтает, когда вырастет стать похожим на Зорана.

Провожающих было много, каждый счел своим долгом проводить отважных героев. Собравшиеся, стояли плотной стеной. Воины в последний раз проверяли, все ли уложено в дорожные сумки, хорошо ли они закреплены на спинах турлонгов. Прощались с родными.

Толпа провожающих расступилась, пропуская кого-то вперед. Люди кланялись, пожелавшему пробиться поближе к небольшому отряду. Наконец, осторожно продвигаясь, сквозь собравшихся, и кланяясь в ответ, навстречу отряду Юнис вышел молодой, высокий мужчина. Длинное темно-синее одеяние, несколько отрешенный взгляд и тяжелый, очень простой меч, без каких либо украшений, говорили о том, что это служитель Зериса. Члены отряда низко поклонились служителю.

«...С незапамятных времен, Служители Зериса ходили по стране из деревни в деревню. Они считали своим предназначением оказывать помощь всем нуждающимся в ней. Придя в деревню Служитель узнавал, чем он может помочь ее жителям. Если шло строительство дома, служитель помогал таскать тяжелые камни и бревна. Возводит стены. Если нужно было расчистить поле от пней, отправлялся с пахарями и помогал корчевать тяжелые пни. Если реку завали-

ло упавшее дерево, помогал оттащить его или разрубить. В любом месте служители брались помогать в самой тяжелой и самой нужной на этот момент работе. Приход служителя всегда был большой радостью. А принять его в своем доме, на то время пока он оставался в деревне, считалось честью и удачей. Потому, что люди были убеждены, что служители приносят счастье. Если в деревне, в которую забрел служитель был новорожденный или играли свадьбу, его просили благословить новую жизнь или новую семью от имени Светлого Зериса.

Служители нигде по-долгу не задерживались. Как только работа, за которую они взялись, заканчивалась, они шли дальше. На поиски тех, кому нужна помощь. Тот, кто решил стать служителем Зериса, а это были только мужчины, снимал свое кольцо и, надев его на шнурок, вешал на шею. В знак того, что ради своего служения он навсегда отказывается от обычной жизни, от возможности иметь семью, дом и теперь все его существование будет посвящено только служению и помощи другим. У служителей не было своих домов, так как они все время проводили в скитаниях. Они всегда передвигались пешком. Исключением могло быть только предложение кого-то из встреченных, на дороге, подвезти служителя до ближайшей деревни. Служители всегда были спокойны, не вступали в споры. Те, кому хотелось поделиться с кем-нибудь своими секретами, излить душу, часто обращались с этим к служителям, зная, что

все сказанное останется в тайне.

Когда начались нападения чудовищ, многие служители присоединились к воинским отрядам, считая, что теперь их помощь больше всего нужна здесь. Служители осваивали воинское искусство с упорством и самозабвением, как и все остальные дела, за которые они брались. И, в скором времени, мало кто, даже из бывалых воинов, мог сравниться с ними в мастерстве и ловкости. Они сражались отчаянно и бесстрашно. Владели мечом и стреляли из луков на зависть молодым членам отрядов, только-только начинавшим свой воинский путь. Если молодые просили научить их сражаться также хорошо, служитель терпеливо и подолгу объяснял и отрабатывал различные приемы, с пожелавшим улучшить свое мастерство воином. И хотя сами служители не считали себя ни учителями, ни наставниками, но именно они преподавали первые уроки мастерства многим воинам, ставшим впоследствии прославленными и известными каждому жителю страны. И каждый из них с благодарностью вспоминал потом своего учителя, посвятившего себя служению другим...»

Служитель поклонился Юнис и ее людям.

– Да пребудет свет Великого Зериса с тобой, дочь вождя, и с вами, отважные воины. Мое имя Эннайя. Я хочу выразить свое восхищение вашей смелостью и крепостью духа.

– Благословите служитель Эннайя.– Вновь поклонилась Юнис.– Что бы путь наш был легок и удачен.

Эннайя поднял вверх руку с открытой ладонью.

–Великий Зерис освети своим светом и согрей теплом путь отважных воинов отправляющихся во имя добра и справедливости в свой опасный поход. Подари им удачу и дай им свою силу пройти предназначенный им путь и исполнить задуманное.

Все члены отряда преклонили колени, и Эннайя по очереди положил ладонь на голову каждому из них, как бы одаря их силой и удачей.

–Если дочь вождя позволит, то я, скромный служитель Зериса, с радостью присоединился бы к вашему отряду и отправился в поход во имя добра и света и торжества справедливости.– Эннайя склонил голову перед Юнис.

Юнис оценила слова сказанные служителем. Он предоставил ей выбор. Он мог просто сказать, что отправляется с ними и ей бы ничего не оставалось, как взять его с собой. Служителю нельзя отказывать. Но Эннайя проявил такт и скромность. Юнис он нравился. Да плюс ко всему служители отличные воины, почему бы и нет? Может быть его обращения к Зерису помогут им. А им не помешает любая помощь.

–Это большая честь для всех нас служитель Эннайя. Добро пожаловать в отряд.– Улыбнулась Юнис. Служитель улыбнулся в ответ. «Интересно, почему служителями всегда становятся самые красивые мужчины?»– некстати подумалось Юнис, и она едва не рассмеялась собственным мыслям. Вот бы сейчас все удивились, знай, какая чепуха лезет ей в

голову перед отправлением в самый важный и самый опасный поход в ее жизни.

Девять отважных. Путь в неизвестность.

Последние объятия. Последние слова прощаний. Женщины, которым повезло, что они могут не скрывать своих чувств, плачут. Мужчины вынуждены вести себя сдержанно, не показывая, что сердце разрывается от тоски и страдания, от того, что самые близкие и любимые отправляются в неизвестность, почти наверняка навстречу гибели. Вождь, благословляет дочь, прижимает к груди свою маленькую красавицу Юнис, и еле сдерживает желание не разжимать объятий, никуда не отпускать отчаянную девчонку.

Вот провожающие остались далеко позади, а Сумрачная страна, хотя еще и очень далека от путников, но с каждым шагом становится ближе.

«...Маленький отряд двигался по дороге, ведущей от Мадармы, к границе страны, в сторону Скалистых гор. Турлонги резво переставляли ноги. В виде исключения верхом ехал даже слугитель Эннайя. Хотя он и привык, за время своих странствий, без усталости ходить на большие расстояния, но за всадниками, пешему, каким бы хорошим ходоком он не был, не угнаться. А когда отряд достигнет границы, спешиться придется всем. Через горы, на турлонгах, не перебраться. Так, что пока была самая легкая и приятная часть пути. Верхом, под теплыми яркими лучами Зериса,

по красивейшим землям. А впереди холод и мрак. Неизвестности и смертельная опасность на каждом шагу...»

Члены отряда продвигались вперед. Нежные лучи Зериса и легкий ветерок, казалось, хотели, напоследок, одарить их своей лаской и заботой. Дать им вобрать в себя «про запас» тепло и прелесть родной земли, ее свет и красоту. Что бы воспоминания согревали их сердца в чужой неприютной стране, где вместо радости торжества жизни, лишь холод и мрак, и злобные существа несущие смерть.

В глазах каждого члена отряда, читалась решимость и упорство. Ни капли сомнения или желания повернуть назад или хотя бы остановиться и подумать. Только вперед. Каждый знал, на что идет и *Макдармса, именуемого у нас Странником, пришедшим со звезд.* был готов.

Их было восемь. Восемь отважных, ненавидящих силы зла, мучающие и терзающие родную страну и ее народ. Восемь готовых погибнуть, но не отступить, сделать все, что бы положить конец этим нескончаемым несчастьям и страданиям, обрушивающимся наголову их соплеменникам и им самим каждый день и час.

Гачи.

-Гачи.— Прошептала Эринэ. Молодой воин повернул лицо к широко открытым, смотрящим на него с любовью и нежностью, девичьим глазам.— Как бы я хотела никогда не расставаться с тобой. Ведь когда мы поженимся, ты все рав-

но будешь отправляться в походы. Ах, Гачи!

Девушка грустно вздохнула и положила голову на плечо любимому. Гачи, чувствовал, как комок встает в горле. Он должен ей сказать. Нельзя больше откладывать разговор, так прошло уже два дня.

-Эринэ!— Голос его звучал немного хрипло, слова давались с трудом. Эринэ с тревогой посмотрела на жениха.

-Да, Гачи?

-Я должен тебе кое, что сказать.— Гачи опустил взгляд, не в силах посмотреть ей в глаза, когда будет произносить то, что собирается сказать. Но она уже сама догадалась. Любящее сердце подсказало ей. Глаза Эринэ наполнились слезами, и она приложила руку к губам, сдерживая рыдания.

-О, нет, Гачи!— Она все же не удержалась и несколько раз всхлипнула. Гачи притянул ее к себе и крепко обнял.

-Я люблю тебя. Не плачь моя хорошая. Прошу! Я воин, Эринэ. Я должен. Ради тебя, ради наших детей, если судьбе будет угодно их нам послать. Ради всех. Эринэ, посмотри, сколько вокруг боли и горя. Люди живут в постоянном страхе, зная, что в любой момент могут погибнуть или потерять родных и друзей. Так не должно быть, Эринэ. Мы идем, что бы попытаться положить этому конец.

Гачи заглянул в прекрасные грустные глаза и слегка улыбнулся. На сердце у него было тяжело. Тяжело от того, что причиняет боль той, которую любит больше всего на свете. Той, с которой вынужден расстаться, возможно, что

навсегда.

-Гачи, я люблю тебя и горжусь тобой. Просто мне невыносима мысль о том, что может случиться.

Гачи поцеловал теплые нежные губы.

-То о чем ты говоришь, может случиться и здесь, ты прекрасно знаешь это, Эринэ.

-Знаю.— Тихо сказала девушка.— Просто, здесь большие надежды, что все обойдется. А там вы будете совсем одни. Никто не сможет помочь.

Они сидели в тени раскидистого дерева. Гачи нежно обнимал хрупкие плечи девушки. Эринэ грустно смотрела на него. Какой он красивый и сильный. Добрый, нежный, самый замечательный. Как ей найти силы расстаться, отпустить его?

-Когда вы отправляетесь?

-Через восемь дней, Эринэ.

-Гачи, я не хочу никакой свадьбы. Давай завтра пойдем к Хранителю истории и законов, и пусть он объявит нас мужем и женой.— Эринэ умоляюще посмотрела на возлюбленного.— Я хочу хотя бы оставшиеся восемь дней быть твоей женой.

-Хорошо.— Прошептал Гачи, осыпая поцелуями лицо и волосы любимой.

Урош и Отино.

Отино.

-Привет тебе воин. – Поздоровался Отино с воином огромного роста и необъятной ширины, идущего ему на встречу. В руках здоровяк нес большущее седло. «Нелегко же приходится его турлонгу» – усмехнулся про себя Отино. – Мое имя Отино. Не подскажешь, как найти прославленного Илитая?

-Добро пожаловать, Отино. Я, Урош. – Легко перекинув седло с одной руки на другую, представился богатырь, добродушно улыбаясь новому знакомому. – Прославленный Илитай, отбыл в Маасдарму. Воздь поручил ему возглавить войско охраняющее столицу и ее окрестности. А нашим отрядом теперь командует воительница Юнис, дочь воздья.

Отино с интересом посмотрел на собеседника. Про дочь воздья он был наслышан. Не смотря на молодость, она уже успела прославиться своим воинским искусством и множеством побед в самых страшных схватках. А еще Отино слышал, что она красавица, каких мало.

-Пойдем, Отино. Я провожу тебя. – Предложил Урош.

Отино спрыгнул на землю и оказался чуть не в два раза ниже своего собеседника. Но добродушный Урош, как будто, и не заметил этой разницы. К облегчению Отино он и не подумал отпустить какой-нибудь привычной шуточки, которыми обычно встречали Отино, не знакомые с ним воины. «Птичка-невеличка», «Как же ты с мечом-то управляешься?» и еще что-нибудь подобное. Обычно задиристый Отино сразу затевал с обидчиками ссору, но Урош ему нравился, и ссориться с ним Отино не хотелось.

-Пойдем, отведем твоего турлонга, а я, наконец, отделаюсь от этой штуки. — Улыбнулся Урош, помахав седлом, как будто оно было легким как пушинка. — А потом пойдем, найдем Юнис.

Воительница сидела возле костра и отчитывала молодого воина, который вероятно, что-то натворил или ослушался приказа.

«Хороша!» — Сверкнув дерзкими глазами на темноволосую красавицу, восхищенно подумал Отино. Засмотревшись на воительницу, он не заметил идущего навстречу воина и врезался в него.

-Эй, ты, чего не смотришь куда идешь? — Крикнул Отино. Воин, на которого он налетел, недоуменно посмотрел на коротышку, который сам же и налетел на него, а теперь еще и возмущался. Нужно сказать, что если воительница была красавицей, то воин, стоящий напротив Отино был самым настоящим красавцем. Уж на, что Отино было наплевать на мужскую внешность, но не заметить, что парень необычайно красив было просто невозможно.

-Чего хлопаешь глазами красавчик! — Наскочил на него Отино. Послышались смешки свидетелей ссоры. Отино был явно не прав, но он постоянно задирался и спорил, признавать себя не правым было не в его привычке.

Красивому воину, видно надоел маленький наглец и он, толкнув забияку ладонью в грудь, сердито посмотрел на него, сдвинув красиво очерченные темные брови.

-Ты чего задираешься коротышка?

Отино выпятил грудь вперед и тоже толкнул своего обидчика в грудь. Причем сил у него явно хватало. Красавчик пошатнулся и даже сделал шаг назад.

-Ты меня не толкай! А то сейчас я твоей красивой физиономией каждую травинку на поляне пересчитаю!— Подскакивая к воину, крикнул Отино. Тот, к разочарованию забияки, плюнул в траву, и пошел дальше, благоразумно решив, что с крикливым и задиристым коротышкой связываться не стоит, а то и до драки дойдет. А Юнис за это по головке не погладит.

Отино направился к девушке, закончившей отчитывать подчиненного. Расплывшись в улыбке, он обратился к красавице с приветственной речью:

-Славная воительница Юнис, позволь представиться тебе. Мое имя Отино. Я семь лет служил в отряде прославленного Рогрея, охраняя среднюю часть страны и побережье. Конечно, там нападения не так часты, как здесь, но поверь, что кое чему и там можно научиться. Можешь испытать меня и убедиться, что я хороший воин, и пригожусь тебе в возглавляемом тобой отряде.

Юнис сдвинула брови, так же как перед этим красавчик. Темные глаза дочери вождя внимательно смотрели, на стоявшего перед ней, Отино.

-И для чего же ты можешь пригодиться мне и моему отряду Отино?— строго спросила она.— Может быть для то-

го, что бы затевать ссоры и драки. Или задирать хороших воинов, каждый день рискующих своей жизнью.

Отино опустил голову и даже слегка покраснел, что случилось с ним крайне редко. Воительница права, ссора была глупой, и теперь остыв, он сам это признавал, как и то, что зачинщиком был он, а красавчик вообще ни при чем. Но с Отино всегда было так. Он начинал распаляться из-за ерунды и уже не мог остановиться. И потом часто жалел, но уже после ссоры, когда были сказаны обидные слова и иногда, даже кулаки шли в ход.

-Прости, воительница. Я такой. Вспыльчивый характер. Но я хороший воин.

-Вспыльчивый характер. – передразнила Юнис насмешливо. -Ты говоришь, что ты хороший воин. А тебе известно, что хороший воин это не только тот, кто хорошо бьется своим мечом и метко стреляет из лука. И даже не тот, кто бесстрашен и готов погибнуть на поле боя, не задумываясь. И не тот, кто силен и ловок. Хороший воин это, прежде всего, хороший товарищ. Тот, кто прикроет спину своего собрата по оружию. Тот, кто не подведет и не предаст и на кого можно положиться как на себя самого.

Отино, решил, что терять ему уже нечего. Если и есть у него шанс остаться в отряде Юнис, то только признав собственную неправоту. И он был готов. Тем более сам-то он осознавал ее, просто другим признаться в этом было крайне трудно и, чего уж скрывать, неприятно и даже стыдно.

-Воительница. Все это мне известно. И не было случая, что бы я подводил в бою товарища, или оставлял его без помощи, или рисковал меньше чем все остальные. И уверяю тебя воительница, что случись завтра или даже сегодня нападение тварей, я встану плечом к плечу с красавчиком. Имени его я узнать не успел, не очень у нас заладилось знакомство, и если ему будет грозить опасность, а я смогу его выручить, то, не задумываясь, отдам свою жизнь, что бы спасти его. И любого война или мирного жителя.

Глаза Отино горели. Он даже казался выше ростом, так страстно и горячо звучала его речь.

-Хорошо Отино. Добро пожаловать в отряд. Вижу без проверок, что ты хороший воин.— Улыбнулась Юнис.— Только давай сразу договоримся, Отино! Все здесь любят пошутить и порой даже понасмешничать, над товарищами. Но не более. Никаких драк я не потерплю. Первая драка и можешь отправляться в другой отряд.

Отино поклонился воительнице. Она слегка поклонилась своему новому воину в ответ.

-Красавчика зовут Дарко.— Она лукаво посмотрела на Отино. — Уверена, вы станете добрыми друзьями.

-Добро пожаловать в отряд.— Урош протянул Отино здоровенную лапищу. Отино охотно пожал руку нового товарища. Здоровяк ему приглянулся. Да и красавчик Дарко тоже молодец. Не стал раздувать ссору, а просто ушел.

Это заслуживает уважения, у Отино так не получается, но он будет стараться. Нужно будет помириться с красавчиком.

-Друзище, Урош, не проводишь меня к Дарко.— Заметив вопросительный взгляд Уроша, Отино улыбнулся.— Хочу извиниться. Может мы, правда подружимся, он вроде хороший парень, не смотря на то, что красавчик.

Урош расхохотался и хлопнул приятеля по плечу. Маленький Отино едва устоял на ногах после дружеского хлопка, что не помешало ему самому расхохотаться в ответ.

Урош.

Даже среди воинов Юнис, большинство из которых были высокими и широкоплечими, Урош казался гигантом. Выше всех остальных почти на голову и шире других раза в два. Он обладал невероятной силой. Однажды, на спор он, обхватив своими огромными ручищами турлонга, оторвал его от земли и пронес, ошалевшее от страха, брыкающееся животное десять шагов. После этого, товарищи часто шутили, проезжая переправу или труднопроходимое место, где турлонг не мог пройти со всадником на спине: «Эй, Урош, может, перенесешь меня с турлонгом?».

По характеру Урош был добродушен и не особо разговорчив. Со стороны, иногда, даже могло показаться, что он медлительный, неуклюжий увалень. Но это впечатление было обманчивым. Во время сражений он передвигался легко

и стремительно. Сражался яростно и шел на тварей, даже, не стараясь увернуться от зубов и когтей. Его решительность и отвага, граничившая порой с безрассудством, вознаграждались тем, что сражаясь почти всю свою жизнь, Урош ни разу не получил в бою ни единой царапины. «Заговоренный», называли его воины.

Однажды во время схватки меч Уроша переломился пополам. Тварь уже готовилась вцепиться в безоружного воина. Выстрелить из лука он не успевал, да и тварь была слишком близко, на расстоянии вытянутой руки. Урош сжал громадный кулак и ударил по большой квадратной голове с такой силой, что страшное существо упало на землю, оглушенное ударом, где его добились, подоспевшие на выручку воины.

Уроша все любили. Товарищи часто подшучивали над ним, но добродушно и он сам хохотал над шутками громче всех, никогда не обижаясь и не начиная задираться в ответ.

Вся семья Уроша погибла когда он был совсем мальчишкой. Как-то мать отправила его с пастухами, идущими в соседнюю деревню, к своей сестре. Тетка Уроша приболела и мать дала ему какие-то мази и гостинцы для захворавшей родственницы. Урош пробыл в гостях два дня. На обратном пути пастухи забрали мальчика с собой и отвели домой.

Вся деревня была залита кровью. Повсюду лежали растерзанные тела погибших. Тут были и все родные Уроша. Вся семья. Мальчик стоял и смотрел на страшную картину, не произнося ни слова, не плача. С того дня он перестал

разговаривать. Пастухи отвели его обратно к тетке. Урош все время молчал. Подолгу сидел на одном месте, глядя перед собой пустым взглядом. Боялись даже, что от пережитого мальчишка повредился в уме. Спустя два месяца через деревню, в которой жила тетка Уроша проезжал воинский отряд. Мальчик подошел к одному из воинов и к удивлению жителей деревни произнес свои первые слова за два месяца: «Я хочу убивать тварей. Возьмите меня с собой». С тех пор Урош сражался, уже почти двадцать лет. Срок не малый, особенно для такого молодого воина. Ему самому не было еще и тридцати.

После стычки с Дарко в первый день своего пребывания в отряде, Отино несколько умерил свой задиристый нрав. Вскоре он уже отлично ладил со всеми воинами. Конечно, себя не переделаешь и он, то и дело вступал в споры и начинал задирааться, но все проходило довольно мирно и дальше криков и пары-тройки насмешливых замечаний в адрес друг друга, дело не заходило. Отино прижился в отряде.

Их хорошие отношения с Урошем, спустя совсем короткое время переросли в крепкую дружбу. Товарищи стали не разлей вода. Куда один туда и другой. И не смотря на абсолютную несхожесть характеров, темперамента, даже внешности, их дружба была крепкой и неразрывной. Они как будто дополняли один другого. Если Урош был огромен, немного медлителен и неразговорчив, Отино, был пол-

ной его противоположностью. Маленький, юркий, задиристый и ужасно любивший поболтать. Отино не отличался особой силой, но ловкостью и проворством превосходил любого из членов отряда.

Дарко.

Отряд въезжал в большую деревню. Улыбающиеся жители встречали воинов. Молоденькие девушки бросали героям цветы, и они ловко ловя их на лету, с улыбками подносили к губам, прижимали к сердцу. Дерзкие смеющиеся глаза воинов посылали призывные взгляды улыбающимся красавицам, и под этими взглядами щеки девушек вспыхивали румянцем, а на лицах появлялось мечтательное выражение. Некоторые скромницы прятали пылающие личики в ладошках, потихоньку поглядывая сквозь пальцы на красивых молодых всадников, и девичьи сердца начинали биться громче и чаще.

Воины махали жителям деревни руками, кланялись, улыбались. Один единственный член отряда ехал с не вполне искренней, а скорее вымученной улыбкой. И не от того, что он не рад был радушному приему или ему не нравились люди, встречавшие их отряд. Вовсе нет. Просто ему тоже хотелось стыдливо спрятать лицо в свои большие сильные ладони и так и проехать через толпу встречающих, ни на кого не глядя, а главное, чтобы не глядели на него. Чтобы не бросали восхищенные и влюбленные взгляды все молодые де-

ревенские красавицы. Воин этот был Дарко. Красавец Дарко, для которого каждая такая встреча, сопровождавшаяся восхищением и обожанием молоденьких девушек, была мучительной пыткой. Красавец из красавцев Дарко был болезненно стеснителен и робок с женщинами. И не со всеми, а только с молоденькими и незамужними. То есть с теми, которым могла прийти в голову мысль, а вдруг молодой прекрасный воин обратит на меня свой взгляд и подарит мне свою любовь. А может быть даже предложит свое кольцо.

Дарко чего только не делал, что бы избавиться от своей робости. Он уговаривал себя, что он мужчина, воин. Что он должен уметь держать себя в руках. Что он же совершенно спокойно общается с молодыми, но замужними женщинами. Ничего не помогало. Как только он ловил на себе сияющий, полный восторга, девичий взгляд, его мозг как будто отключался, тело деревенело, и в голове оставалась единственная мысль и желание – бежать!

Как-то он даже отважился поговорить о своей проблеме с Юнис. Она была единственной девушкой, которая не приводила его в смущение и полное оупение. Но она и не смотрела на него влюбленно и с надеждой, что он подарит ей улыбку или хотя бы взгляд.

-Юнис, я не знаю, что мне делать. Сколько я не пытаюсь, не могу побороть свой глупый страх и не вести себя как болван или трусливо дрожащий птенец.

Юнис улыбнулась. Она не понимала проблему Дарко. Любой другой прыгал бы от радости и пользовался данной ему красотой направо и налево. Вон Дакарэй, конечно тоже, хорош собой, но до Дарко ему далеко. А ведь ни одной девушки не пропустит, чтобы не подмигнуть, не улыбнуться, да не наговорить красивых слов.

— Я не знаю, что и сказать, Дарко. — Развела она руками. — Но уж если мужчина так хорош, он должен быть готов, что все девушки будут смотреть на него и улыбаться. Ты же бесстрашный воин, чего же тут бояться. Девушки тебя не укусят. Меня же ты не боишься. Или боишься? — засмеялась Юнис.

Дарко улыбнулся.

— Тебя нет. Но ты другое дело. Мы вместе сражаемся. Мы товарищи, одна семья. — Он сокрушенно покачал головой. — Ох, Юнис, наверное, напрасно я затеял этот разговор с тобой. Только голову тебе морочу. Ты, верно, думаешь, что я не в себе.

Она погладила его по руке.

— Да, нет, конечно. Просто не могу понять причину твоего страха. Извини.

— Конечно не в себе! Тут и думать нечего. — Нахально вторгся в беседу Дакарэй, уже некоторое время самым бессовестным образом подслушивавший разговор между Юнис и Дарко. Да будь у меня такая физиономия, я бы каждый день возносил слова благодарности светлому Зерису. —

Дакарэй мечтательно закатил глаза, видимо представляя, как прекрасна была бы его жизнь с таким лицом как у Дарко. — А коротышка, и вовсе душу бы продал за такую внешность. Да, Отино? — Посмеиваясь, крикнул Дакарэй маленькому воину, тоже славившемуся своей любовью к молодым красавицам.

— Заткнись, безмозглый болтун, пока не лишился своего длинного языка. — Огрызнулся Отино.

— Вот видишь. — Развел руками Дакарэй, посчитав ответ Отина как подтверждение своих слов.

Дарко сердито смотрел на Дакарэя. Вечно он дурачится. Даже серьезный, и личный, между прочим, разговор с Юнис превратил в незнамо, что. Но Дакарэя недружелюбный настрой Дарко не смутил и он, обняв товарища за плечи, доверительно сказал:

— У тебя же есть сестры Дарко?

— Две сестры. — Настороженно ответил красавец, боящийся женицин. Он пытался разгадать, не скрыт ли в вопросе Дакарэя подвох. Но Дакарэй, как видно, всерьез решил помочь приятелю победить его страхи. Он хлопнул Дарко по плечу.

— Так попробуй представлять их лица вместо лиц, восхищенно смотрящих на тебя девушек.

Дарко с сомнением посмотрел на него.

— Думаешь, поможет?

— Не знаю. — Честно признался Дакарэй, пожимая плеча-

ми.— Могу предложить еще один способ. Перед каждой древней мажь лицо грязью, садись на турлонга задом наперед и мычи. А мы будем объяснять, что ты дурачок, прибившийся к отряду. И мы тебя из жалости держим при себе, потому, что ты привязался к нам и уходить не хочешь. Как тебе?

Дакарэй расхохотался.

—Знаешь ли, два дурачка на один отряд это уже слишком.— Смеясь, сказала Юнис.— Один у нас уже есть. Дакарэем звать.

—Ох, дочь вождя, почему дав тебе красоту, Зерис пожалел хотя бы капельку доброты?— Утирая выступившие от смеха слезы, сказал Дакарэй.

Шамрай.

В кузнице было невыносимо жарко. Сильные, обнаженные по пояс тела кузнеца Шамрая и его помощника были мокрыми от пота. Молоты взлетали и опускались с непрерывным звонким стуком. Шамрай опустил готовый клинок в воду, что бы охладить.

—Юши, пойдём, перекусим. Пора передохнуть.— Сказал Шамрай.

Юши положил молот и с удовольствием потянулся, давая отдых натруженным мышцам. Работа кузнеца хороша, но очень уж тяжела. Иногда к вечеру ни рук, ни ног не чувствуешь. А спина отваливается, хоть караул кричи. Шамрай го-

ворит, пройдет, несколько лет поработать в кузнице и все тело станет само как из железа. Судя по Шамраю правда. Он целый день машет молотом в два раза тяжелее, чем у Юши, а вечером не кричит, не стонет, а идет, как и не работал вовсе. Юши потер поясницу.

-Ничего, Юши.— похлопал по плечу паренька Шамрай. Ты молодец. Я в твои годы тоже волком был. Бывало, из кузницы сбегал. И думал, что ни за, что больше не вернусь. А потом возвращался и ничего. И привык, и теперь мне другого дела не нужно. Наша работа Юши, хоть и тяжелая, но подумай, сколько она пользы приносит людям. Ведь, все, что мы делаем нужно, а значит и дело наше самое замечательное, потому, что пользу приносит.

Они вышли на улицу. Ветерок подарил приятную прохладу разгоряченным телам. Шамрай взял ведро воды и вылил на себя, смывая пот и грязь. Юши последовал его примеру. Шамрай подошел к лежащему у входа в кузницу бревну, на котором они обедали и отдыхали во время редких перерывов во время работы. На бревне стояла корзинка. Шамрай улыбнулся. Кто-то из деревни принес им обед, чтобы не жевали сухомятку. Шамрай развернул белоснежный платок, которым была накрыта вкусно пахнущая еда. Корзина была полна всякой вкуснятины, но взгляд Шамрая был прикован не к еде, а к вышивке на платке. Он точно знал, кто принес обед. Такая же вышивка была на платье той, чьи заботливые руки приготовили для кузнецов все эти яства.

-Юши, ты тут обедай, а мне в деревню нужно сходить. – Сказал Шамрай, надевая чистую рубаху.

Юши удивленно посмотрел на своего наставника. Что за спешка такая?

-Ты тут поглядывай, Юши. Осторожно. – Напомнил кузнец, о возможной опасности. Хотя мальчика не дурак, да и постоять за себя умеет.

Шамрай быстро зашагал по тропинке, ведущей к деревне. Она шла по улице далеко впереди него, видно принесла обед совсем недавно. Даже до дома не успела дойти. Сердце Шамрая ухало, не хуже чем его молот по наковальне. Каждый раз глядя на нее оно начинало то замирать, то ухать. А он сам все никак не решался заговорить. Даже когда она улыбалась ему, Шамрай как язык проглатывал. Никогда робостью не отличался, а с ней не мог пары слов сказать. Стоял дурак дураком. Да, нет, нормально – и весь разговор. Шамрай прибавил шагу. Сегодня он почему-то чувствовал, что ему хватит смелости поговорить с ней.

-Науса! – Крикнул запыхавшийся от быстрой ходьбы кузнец.

Девушка обернулась и улыбнулась, идущему, ей на встречу, Шамраю.

-Здравствуй, Шамрай. – Голос у нее был нежный и певучий. Молот в груди Шамрая прекратил ухать и замер от звука этого голоса.

-Спасибо за обед! – Выпалил он. Науса засмеялась.

-На здоровье. Неужели, ты меня догонял от самой кухни, что бы спасибо сказать? Потом мог бы поблагодарить. Хоть вкусно было?

-Я не успел поестъ. – Смущенно сказал он. – Но уверен, что вкусно.

Наиса смотрела на большого сильного мужчину нежно и в то же время немного насмешливо. Что ж он не может решиться поговорить с ней? Ведь не укусит она его.

-Наиса.

-Да, Шамрай.

-Я хотел... Хотел сказать... Я...

Она улыбнулась и шагнула к нему.

-Можешь ничего не говорить Шамрай. – Она погладила его по щеке. – Ты можешь просто отдать мне кольцо.

Он чуть не задохнулся от неожиданности и от счастья и ото всех переполнявших его в это мгновение чувств.

Шамрай снял с пальца кольцо и протянул его Наисе, не в силах оторвать от нее глаз. Она протянула маленькую ладошку, и большая сильная рука вложила в нее кольцо.

-Я буду любить тебя всегда. – Прошептала она.

-И я тебя. – Ответил Шамрай. Он больше не испытывал страха и не был безъязыким дурачком.

Шамрай закончил постройку нового дома. Их дома с Наисой. Конечно, как водится, помогала вся деревня. Дом вышел славный. В нем хорошо будет и спокойно. Жизнь казалась Шамраю прекрасной. Он занимается любимым делом.

Он любит и он любим. И его любимая самая лучшая, самая прекрасная женщина на свете. И совсем скоро он перенесет ее через порог их общего дома.

До назначенного дня свадьбы оставалось две недели. Шамрай поручил кузницу Юши и отправился в большую деревню Хаасдаре, которая находилась в двух днях пути от его родной деревни. В Хаасдаре ремесленники свозили свои изделия из всех окрестных селений. Воины приезжали сюда пополнить запасы оружия. Жители всех соседних деревень приезжали за домашней утварью, за тканями и за всем необходимым. Шамрай привез с собой целую повозку мечей, палиц, секир, наконечников для стрел. Его оружие славилось по всей стране. Некоторые воины специально приезжали к Шамраю заказать меч, копьё или секиру. Передав все привезенное на оружейный склад, он отправился выбирать свадебный подарок для невесты. Старик, привезший в Хаасдаре изготовленные им украшения, посоветовал Шамраю красивое ожерелье из синих камней.

По дороге домой Шамрай предавался мечтам, как хорошо они заживут с Наисой. Как будут любить друг друга. Как она будет улыбаться ему, когда он будет по вечерам возвращаться из кузницы. А потом у них родятся дети, и дом наполнится веселыми детскими голосами и смехом.

Подъехав к деревне, Шамрай, первым делом, решил заглянуть к любимой. Он соскучился и хотел увидеть ее лицо, услышать голос. Почувствовать мягкие, нежные губы на

своих губах.

В деревне, что-то случилось. Люди бегали от дома к дому. Кто-то плакал. Кто-то стоял в оцепенении, глядя в пространство невидящим взглядом. Шамрай уже догадался, что на деревню напали твари. Они забредали сюда не часто. Но случилось. Сердце сдавило нехорошее предчувствие. Шамрай прыгнул с повозки, которая тащилась слишком медленно и побежал.

Наиса лежала посреди двора. Платье на боку было порвано, и весь бок потемнел от крови. Неподалеку лежал ее младший брат, сжимавший в руках маленький бесполезный меч. Возле дороги лежал отец Наисы. Рядом с ним валялась убитая тварь, из головы которой торчала мотыга.

Всего в деревне в тот день погибло десять человек.

Когда догорел погребальный костер Шамрай пошел в свою кузницу. Синее ожерелье, привезенное из Хаасдаре, он повесил на гвоздик на двери. Шамрай оглядел кузницу, в которой стучал молотом по наковальне еще его прапрапрадед. Поклонившись духу предков, он взял свой тяжелый молот и отправился по дороге в сторону ведущую прочь от деревни.

Шамрай исходил множество дорог. Если по пути попадалась деревня, он заходил в нее и отправлялся к местным кузнецам. Несколько дней он помогал в кузнице, а потом шел дальше. Когда случалось повстречаться с тварями, Шамрай наносил удары своим тяжеленным молотом и обычно после первого же удара, тварь уже не поднималась. Ша-

мрай совершенно не задумывался, что может тоже погибнуть. Ему казалось, что он уже погиб. В тот самый день, когда вернулся домой с синим ожерельем. Поэтому, теперь смерть совершенно не пугала его. Чего ее бояться, если он уже мертв? Так он бродил почти три года. Он не то, что бы избегал людей, просто особенного желания общаться у него не было. Наверное, поэтому он не задумывался о том, что бы вступить в воинский отряд. Слишком много народа. Слишком много голосов, звуков, лиц. Шамраю хотелось тишины.

Время притупляет боль. Делает ее не такой непереносимой как в самом начале. Со временем разрывающая сердце тоска превращается в ноющую незаживающую рану. Она болит и напоминает о себе, но уже можно дышать. И даже можно иногда забыть об этой боли ненадолго, пока, что-нибудь снова о ней не напомнит.

Однажды дорога привела Шамрая к большой деревне. Уже подходя к ней он увидел, на дороге позади себя воинский отряд. Во главе отряда ехала девушка.

-Доброй дороги тебе путник.— Поприветствовала воительница Шамрая, поравнявшись с ним.

-И тебе и твоим людям, воительница, доброго пути.— Поклонился Шамрай красавице.

И воины, и кузнец, решили заночевать возле деревни. Ве-

чером, вернувшись с праздника, устроенного жителями деревни, в честь гостей, один из воинов, сидевших возле общего костра, обратился к Шамраю:

-Ты ходишь по дорогам один, скажи, как же ты управляешься с тварями, если они нападают, ведь при тебе даже нет меча? За годы странствий, тебе, наверняка, не раз пришлось сталкиваться с ними.

Смешливый Отино тут же крикнул:

-Может Шамрай, так же как Урош, ударит тварь кулаком по башке, она и лапы кверху.

Все рассмеялись. Шамрай усмехнулся в светлые усы:

-Нет, как Урош я, пожалуй, кулаком тварь бы не свалил. Хоть силой меня светлый Зерис и мать Терла и не обидели, но до Уроша мне далеко. А меча при мне нет потому, что я сражаюсь другим оружием.— Шамрай похлопал по рукояти кузнечного молота.

Любитель поспорить и подразниться, Отино, недоверчиво рассмеялся.

-Ты, верно, шутишь, Шамрай. Как можно сразиться молотом. Да после третьего удара, уже рука отвалится, и ты не сможешь отбиваться с нужной быстротой, тут тебя и разорвут на части.

Шамрай пожал плечами, мол, думай, как знаешь. Он не был сторонником споров, в отличие от Отино. Тот, напротив, был, как всегда, намерен доказать свою правоту. Он подошел к кузнецу, и, приподняв тяжеленный молот, с со-

мнением покачал головой.

-Нет, таким оружием много не навоюешь. Уверен, даже Урош не смог бы сразиться этой штукой. Вот скажи, сколько тварей ты им побил? Может Зерис тебя хранит и тебе всего-то пару раз повстречались одна-две.

-Да, я специально не считал.— Улыбнулся Шамрай.— Но, думаю, сотни две, может чуть больше этих гадин я прикончил.

Отино вытаращил глаза. Спорить было глупо, да ему и не хотелось. Шамрай не шутил, и Отино смотрел теперь на кузнеца с нескрываемым уважением.

-Силен ты, дружище, должен тебе сказать.

Юнис внимательно слушала весь этот разговор, и когда члены отряда начали расходиться от костра, обратилась к кузнецу:

-Не хочешь ли ты присоединиться к моему отряду, Шамрай. Мы всегда рады новым воинам, тем более владеющим искусством обращаться с необычным, но очень даже достойным оружием?

Шамрай задумчиво посмотрел на воительницу. В его планы не входило вступить в отряд. Его вполне устраивала его жизнь. Он странствовал из деревни в деревню. Помогал делать оружие. И убивал ненавистных существ, забравших у него любимую. Но, с другой стороны, почему нет. Он также сможет, во время стоянок помогать деревенским кузнецам. Так же будет сражаться. Да и люди воительницы Шамраю

понравились. Так почему не присоединиться? Ведь они занимаются именно тем, что он сделал своей наиглавнейшей задачей, после потери любимой, они истребляют тех, кто ее у него отнял.

-Для меня будет большой честью воительница Юнис присоединиться к твоему отряду. – Шамрай низко поклонился. Улыбнувшись, девушка поклонилась ему в ответ.

-Добро пожаловать, Шамрай. Мне давно знакомо твое имя. Твое мастерство превозносят все воины, которым повезло владеть, сделанным тобой оружием. Не окажешь ли ты мне честь выковать меч для меня?

Шамрай улыбнулся.

-Конечно, дочь вождя. Почему-то мне кажется, что ты захочешь, что бы это был тяжелый мужской меч.

-Угадал кузнец. – Засмеялась Юнис.

Почти пять лет кузнец Шамрай и дочь вождя сражались рядом, плечом к плечу. И ни разу ни тот, ни другой пожалели о принятом возле общего костра решении. А за плечами Юнис почти пять лет находится в своих ножнах верный боевой меч, выкованный кузнецом Шамраем. Тяжелая толстая рукоять меча, сразу говорит всякому понимающему толк в оружии, что меч этот большой и тяжелый, предназначенный, скорее, для крупного мужчины воина, чем для маленькой хрупкой девушки. Но хозяйка меча очень довольна, и не забывает хвалить искусного мастера умеющего превра-

щать бесформенные куски железа в чудесные вещи, в каждой из которых, как твердо верит Юнис, есть душа.

Рагиб.

Небольшой отряд преодолел уже больше половины пути до скалистых гор. Еще пара дней, и они достигнут границы между их родной страной и царством холода и мрака.

Все три дня, что отряд уже был в пути, Дакарэй сгорал от любопытства. Вопрос, который мучал его, вертелся у него на языке с самого отъезда из Маасдары. Дакарэй терпел, крепился, как мог. Но, в конце концов, не выдержал.

—Скажи мне, несравненная, Юнис!— обратился он к воительнице с как можно более незаинтересованным видом. Юнис, видевшая, приятеля насквозь, усмехнулась.

—После такого обращения, друг мой, как я могу отказать тебе. И так, что же тебя интересует, мой славный Дакарэй. Что не дает тебе покоя всю дорогу, что ты постоянно ерзаешь и вертишься на своем турлонге, как будто в седло тебе воткнули десяток иголок.

Дакарэй недовольно покосился на Юнис. Он был уверен, что держит себя как обычно, спокойно и сдержанно, и одолевающее его любопытство, со стороны не заметно. Ну да ладно. Все равно уже начал, так, что теперь идти на попятную.

—Ты говорила, что в Сумрачную страну нас отправится восемь человек.— Дакарэй вопросительно посмотрел на дочь вождя.

—Так нас и есть восемь, мой друг. Посчитай сам.— В глазах Юнис плясали озорные огоньки. Дакарей улыбнулся и погрозил девушке пальцем.

—Юнис, ты конечно, прославленная воительница, и в уме тебе не откажешь. И ты полна достоинств, заметь, я говорю совершенно искренне, от чистого сердца. Но, душа моя, не станешь же ты утверждать, что ты заранее предвидела, что слугитель Эннайя присоединится к нам в последний момент. Ты же дочь вождя, тебе не пристало выдумывать всякую ерунду.

Юнис расхохоталась.

—Бедный мой, Дакарэй. Так вот, что мучает тебя все это время. Конечно, дочери вождя не престало выдумывать всякую ерунду. А воину не пристало проявлять любопытство и нетерпение. Оба эти чувства могут оказаться губительны в трудной ситуации.

—Ну так может все же откроешь секрет, где же еще один участник похода. А я обещаю, впредь не проявлять любопытства. Обещаю! Слышишь?

—Последний участник ждет нас на границе. Он отправился туда заранее, для того, что бы кое-что подготовить.

—А его имя? Я его знаю?— Не отставал Дакарэй. Юнис покачала головой.

—Не думаю, что тебе знакомо его имя.

—Как же так, абы кого ты бы не взяла в этот поход. А значит он прославленный воин и его имя мне точно известно.

Ну, Юнис, ну не будь жестокой.

–Дакарэй, всему свое время.– Отрезала Юнис и поскакала вперед, давая понять, что разговор окончен.

Дакарэй, все еще слегка обиженный на Юнис, с интересом рассматривал воинов встречавших их отряд у въезда в маленькую деревушку, находящуюся почти на самой границе страны.

Кто же из них, пытался угадать Дакарэй, вглядываясь в лица. На его взгляд среди собравшихся, был только один достойный кандидат. Высокий широкоплечий воин, с красивым суровым лицом и пронзительным взглядом. Рукоять, совершенно точно, тяжелого и могучего меча, выглядывавшая из-за широкого плеча, свидетельствовала о том, что он действительно отличный воин.

Дакарэй улыбнулся Юнис. Дальше дуться было глупо, да к тому же ему надоело молчать. Кивнув в сторону высокого воина Дакарэй спросил:

–Это он?

Юнис покачала головой.

–Командир отряда Верад, отличный воин, но нет.

Дакарэй, уже начинал раздражаться, что за дурацкая вредность проснулась в Юнис, ведь через десять минут все будет известно, так почему нельзя просто сказать по-дружески кто из них прямо сейчас?

Он снова обвел взглядом воинов. Все были по виду и

опытны и умелы. Но, ведь в избраннике Юнис должно быть, что-то особенное, раз она остановилась именно на нем. Что-то чего нет в других. Кто же, кто? Дакарэй понимал, что ведет себя глупо, но он с чисто детским упорством хотел догадаться сам, до того как вредная Юнис представит им нового и последнего члена отряда.

«Может тот справа? У него отличный и очень тяжелый лук. Наверняка он необычайно меткий стрелок. А может тот, что вертит в руках нож. Ловко перебрасывает его через пальцы, ничего не скажешь». Дакарэй продолжал делать предположения. Из двух десятков стоящих в отдалении людей он с уверенностью отмел только одного. Маленький, невзрачный. Рукоять почти игрушечного меча, торчавшая из-за плеча, говорила о том, что, вероятнее всего он вообще не особенно имеет представление как с ним обращаться. Как большинство женщин. Меч, вроде есть, и это немного успокаивает и вселяет уверенность, что какое-никакое, а оружие. Но если дойдет до дела, то, скорее всего, он будет бесполезен.

Юнис, насмешливо наблюдавшая, за тем как Дакарэй перебегает горящим возбуждением и почти азартом, взглядом с одного воина на другого, хлопнула приятеля по плечу.

–Вон он, Дакарэй.– Она указала рукой вперед. «Добрая Юнис! Там двадцать человек. Или она думает, что я высматриваю нового товарища под кустами, которые мы проезжаем?».

–Спасибо воительница!– Язвительно сказал Дакарэй.

—Да ладно, Дакарэй, не дуйся. Самый оличающийся от всех остальных, помимо приглянувшегося тебе Верада, это он и есть.

—Помимо славного Верада, все эти уверен, не менее славные воины, похожи как грибы в лесу. Единственный, кто бросается в глаза, это тот маленький, тщедушный человечек. Какой-нибудь посланник или мастер, но явно не воин.

Юнис расплылась в улыбке.

—Это он и есть. Последний участник.

Дакарэй недоверчиво посмотрел на девушку. Да нет, не насмешничает. Дочь вождя лишилась ума. Дакарэй был в этом абсолютно уверен. Ни какого другого объяснения, что она решила взять с собой этакого сморчка, он не находил. Вместо того, что бы плечом к плечу бороться с опасностями помогать товарищам, такой попутчик сможет быть только обузой. Его самого нужно будет спасать на каждом шагу. Может у Юнис после гибели брата, от горя, в голове помутилось? Хотя до этого Дакарэй никаких странностей за ней не замечал.

—Юнис.— Очень мягко, почти нежно, сказал воин.— Скажи, что он умеет сокрушать взглядом скалы или растапливать ледники. А возможно взмахом руки он превращает тварей в порхающих бабочек. Потому, что если он ничего из этого не умеет, убей меня, но я не понимаю, почему ты выбрала его. У него игрушечный меч, Юнис! Может быть, ты не заметила? Так взгляни внимательно. Ни твой, ни мой, уве-

рен, он даже не поднимет. Юнис! Ты, что?! Скажи, что ты меня разыграла, я даже не буду обижаться.

Не обращая внимания на причитания Дакарэя, Юнис сказала:

– Его зовут Рагиб. И его сила, друг мой, не в умении махать мечом. Его сила там, где ты бываешь слабоват.– Она хитро посмотрела на Дакарэя.– В его превосходной премудрой голове.

–Понятно. Ученый звездочет или исследователь редких камней нам очень пригодится, как я не подумал.– Обреченно сказал Дакарэй. Вот такая бессильная беспомощная малявка, сделает их смертельно опасный поход еще опаснее и труднее. Дакарэй живо представил, как огромный Урош, тащит на себе премудрого Рагиба, вместе с его превосходной головой, через какой-нибудь ледник, или по крутой горной тропе. Но картинка, возникшая в его голове, не позабавила Дакарэя, а привела в уныние и еще большее раздражение.

Обитатели дворца встречали гостя, как и положено обычаем, у ворот, все вместе. Гость был ожидаемый. Приглашенный вождем. И все собравшиеся пребывали в некотором нетерпении, снедаемые желанием поскорее увидеть «великого и необычайного человека», как назвал его вождь. Семилетняя Юнис вертелась по двору, не в силах справиться с переполнявшим ее волнением и любопытством. Уж если отец так отозвался о том, кто должен посетить их дворец,

то он действительно должен быть необыкновенным и ни на кого не похожим. Великий – это слово рисовало в воображении маленькой дочери вождя отважного прославленного воина. Героя, из тех о ком знает вся страна. Таких, на Терле было немало. Юнис с замиранием сердца вглядывалась в дорогу, ведущую к городу. Дворец был построен на небольшом возвышении, по сравнению с остальной частью столицы и большой кусок дороги хорошо просматривался от его ворот, от густого леса, начинавшегося километрах в двух от города и почти до самых первых домов Маасдармы. Вот, наконец, со стороны леса показались два всадника. До них было далеко, но Юнис смогла разглядеть, что один из них воин, вероятно, тот самый «великий и необычайный», а второй одет как простой путешественник, и судя по тому, что он явно намного ниже своего спутника, это, вероятно подросток.

-Едет, едет!– Крикнула девочка своим звонким голосом, запрыгав от радости и нетерпения на месте, как мячик. Сердце Юнис взволнованно билось в груди. Ничто так не интересовало и не привлекало маленькую хорошенькую дочь вождя, как возможность увидеть своими глазами великого воина. Услышать его рассказы. Может быть, даже он покажет ей некоторые особые приемы владения мечом.

Оба путника, замеченные Юнис, подъехали ко дворцу. Присутствующие склонились в приветственном поклоне. Вождь, широко улыбаясь, шагнул навстречу дорогим го-

стям. Обменявшись, горячим рукопожатием и обнявшись с седобородым воином, он повернулся навстречу его спутнику, маленькому неприметному человечку, довольно молодому, но уж точно не подростку, как решила Юнис из-за его малого роста.

-Приветствую тебя друг мой!– Радостно сказал вождь, обнимая гостя.

-Здравствуй вождь! Да пошлет светлый Зерис тепло и счастье тебе и твоим близким.– Ответил странный человек.

Юнис испытала смутное беспокойство. Она была еще мала, но соображала всегда прекрасно, совсем не по возрасту. По всему получалось, что «великим и необычайным» был маленький смешной коротышка, а не славный воин, скромно стоявший рядом. Девочка, почти разочарованно смотрела на приехавших.

-Познакомьтесь друзья мои.– Сказал Вождь подводя гостей к своим домашним, с любопытством наблюдавшим за сценой приветствия.

-Сайшена,– обращаясь к жене, сказал вождь,– это прославленный Ренитай и премудрый Рагиб, о котором я тебе рассказывал.

Мать Юнис склонилась в поклоне перед гостями. Одарив их улыбкой, она горячо пожала руки обоим мужчинам, с восхищением глядевшим на ее прекрасное лицо, небывалой красоты.

– Муж просто не переставая рассказывал мне о ваших великих открытиях и исследованиях премудрый Рагиб. И я уже сгораю от нетерпения послушать ваши рассказы и, возможно, если вы осчастливите нас, посмотреть на проводимые вами опыты.

Покрасневший от смущения, премудрый Рагиб, низко склонил голову перед женой вождя.

– Я сочту за величайшую честь рассказать вам и вашим домочадцам, прекраснейшая Сайшена, о своих скромных исследованиях и продемонстрировать, кое-что из того, чего мне удалось добиться в результате их проведения.

– А прославленный воин и отважный герой Ренитай знаком мне еще с детства. – Улыбнулась седоусому воину Сайшена. – Его отряд спас нашу деревню от огромной стаи тварей. Воины отважно сражались, а я, тогда еще маленькая девочка, как Юнис, смотрела во все глаза в маленькое окошко погреба, в котором мы укрылись, и замирала от страха и восхищения. Мужество и отвага воинов командира Ренитай поразили меня. А он сам, стал величайшим героем моих детских мечтаний на долгие годы. – Смеясь, сказала молодая женщина.

Ренитай, покраснев и засмутившись от слов сказанных красавицей, еще сильнее, чем перед этим премудрый Рагиб, приложив к сердцу большую ручищу, низко склонился перед женой вождя.

– Я только могу воздать хвалу светлому Зерису и мате-

ри Терле, что я и мои воины смогли оказать помощь твоей деревне и ее жителям, прекраснейшая из прекрасных.

-Юнис, подойди скорее.— Позвал вождь маленькую дочку.— Познакомься с нашими гостями.

Улыбаясь он легонько подтолкнул вперед девочку, которая выглядела немного обиженной и разочарованной.

-Здравствуй маленькая Юнис. Ты такая же красавица как твоя мама.— Улябнулся Ренитай, осторожно пожимая маленькую ладошку своей большой рукой. Девочка с интересом смотрела на рукоять меча, выглядывавшую из-за его плеча.

- Прославленный Ренитай, вы покажете мне после какие-нибудь приемы?— Спросила она. Воин рассмеялся.

- Я полагал, что маленьким девочкам, вроде тебя, интереснее играть в какие-нибудь игрушки.

-Нет. Я не люблю игрушки. Это глупые, бесполезные забавы.— Сверкнув темными глазами, сказала Юнис.— Я буду воительницей.

Ренитай с улыбкой смотрел на девочку. В малышке уже чувствовался характер и внутренняя сила. Дстойная дочь своего отца. А красотой она пошла в мать. Уже сейчас ясно, что когда она вырастет, станет настоящей красавицей.

-Ну, что ж Юнис, если тебе больше по душе воинское искусство, я с удовольствием покажу тебе некоторые приемы, не раз спасавшие жизнь мне и моим людям.

Лицо девочки засияло счастливой улыбкой. Отец мягко подтолкнул ее ко второму гостю. Юнис поклонилась, правда без особой охоты.

-Приветствую Вас премудрый Рагиб.

Маленький человечек смотрел на Юнис с интересом, а в глазах его плясали веселые огоньки. Он ясно прочел на лице девочки разочарование и недовольство. Вот так гость, вероятно, думала она. Она, скорее всего, ожидала героя, покрытого славой и шрамами, вроде Ренитая, а тут невзрачный, неприметный человечек, занимающийся какой-то ерундой, а не сражающийся день и ночь со страшными чудовищами.

-Здравствуй Юнис! Надеюсь, мы сумеем подружиться.— Улыбнулся премудрый.— Хотя я и не воин, но может быть, тоже сумею заинтересовать тебя некоторыми любопытными опытами.

Юнис пожала плечами. Не говорить же гостю, что ей абсолютно не интересны все его опыты и исследования и, что он разочаровал и не оправдал ее ожидания.

-Возможно, премудрый.— Довольно равнодушно сказала Юнис.

После чудесного обеда, устроенного в честь гостей, вождь увлек Ренитая в свою половину дворца, что бы обсудить с ним как обстоят дела в западной части страны, которую отряд великого воина охранял уже многие годы.

Рагиб подошел к Юнис и попросил проводить его в сад

дворца, который славился на всю страну красотой и многообразием растений. Юнис без особой охоты повела гостя осматривать сад. Отказать она не могла. Гость в доме самый важный человек. Его пожелания должны исполняться хозяевами. Гость должен остаться доволен и иметь желание вернуться в радушный гостеприимный дом.

– Как здесь красиво. Недаром говорят, что ваш сад прекрасен. – Восхитился Рагиб.

– Да, мы с братом любили играть здесь в прятки и в отважных воинов. – Сказала Юнис.

– А где сейчас твой брат Медин? – Поинтересовался Рагиб.

– В конце второго месяца этого года ему исполнилось двенадцать, и он отправился в отряд прославленного Арая. – С гордостью и некоторой ноткой зависти в голосе сообщила Юнис. А потом, вздохнув, добавила. – А мне еще целых пять лет ждать, пока я смогу отправиться в отряд и начать сражаться.

Рагиб еле удержался, чтобы не расхохотаться. Мальши-ка говорила так серьезно и с такой непритворной грустью и сожалением. Славная девчушка нравилась молодому ученому. И видя, что она не особо расположена к нему и считает его собственное занятие глупым и бессмысленным, решил попробовать переубедить ее. Ему хотелось, что бы маленькая дочь вождя понимала, что не только воинское искусство важно в этой жизни. Есть множество других не менее важных и полезных занятий. Просто, к сожалению, они

жили в таком мире, где без умения владеть оружием никуда не денешься. Но девочка должна увидеть, что жизнь состоит не только из сражений. Мир вокруг не только жесток и опасен. Но он еще и прекрасен и наполнен всевозможными тайнами и интересными вещами, которые так любопытно и захватывающе открывать и изучать.

-Юнис, я понимаю, что в твоих глазах я, возможно чудак, занимающийся странным и бесполезным делом. – Улыбнулся ученый. Юнис слегка опустила глаза и снова пожала плечами. Она не боялась сказать, что гость прав, но он гость. И нужно вести себя уважительно и почтительно.

-Иди сюда. Я сейчас покажу тебе одну штуку. – Позвал девочку Рагиб. Присев на корточки, он соорудил из мягкой земли небольшой холмик. – Принеси мне, пожалуйста, какую-нибудь палку ил ветку, Юнис. – Попросил премудрый. Девочка побежала на поиски палки. Она уже даже начала испытывать некоторый интерес, что это такое задумал показать ей гость. Не домики и крепости же они будут с ним строить. Это для совсем маленьких детей.

-Вот, премудрый. – Юнис протянула Рагибу толстую ветку, найденную ею под одним из деревьев.

Рагиб проделал в земляном холмике, принесенной Юнис веткой, отверстие и достав из кармана небольшую склянку с прозрачной жидкостью, вытащил пробку и опустил склянку в получившееся отверстие. Затем он извлек из того же кармана небольшой кожаный мешочек и взяв из него

щепотку сероватого порошка посыпал им сверху, в проделанное отверстие. Над холмиком поднялся пар, послышалось шипение и из отверстия с бульканьем начала выплескиваться пенящаяся жидкость. Слянка, которую опустил ученый, была крошечная, а пена из отверстия выплескивалась и выплескивалась, как будто внутри холмика был подземный источник с пенящейся водой. Юнис во все глаза смотрела на чудо, происходившее у нее на глазах. Рагиб улыбнулся и достал небольшую металлическую пластинку. Положив пластинку на траву, он насыпал на нее горсть серого порошка, а затем извлек еще один мешочек и протянул его девочке.

-Насыпь немного порошка из этого мешочка сверху. – Сказал он. – И не бойся.

Юнис взяла щепотку белого, похожего на соль порошка и посыпала им уже имевшийся на пластинке серый порошок. Вспыхнуло зеленоватое пламя и из него начали вылетать в разные стороны серебристые искорки. Юнис зачарованно смотрела на необычное пламя и пляшущие над ним искры, похожие на звездочки. Когда огонь погас, девочка посмотрела на улыбающееся лицо мужчины сидящего рядом с ней. Он больше не казался ей маленьким и смешным, занимающимся никчемным и бесполезным делом. Он казался ей Великим и Необычайным. Отец был прав.

-Вы волшебник, премудрый Рагиб? – прошептала она глядя на ученого с благоговением. Рагиб рассмеялся.

-Нет, Юнис. Я не волшебник. Просто я изучаю свойства и состав различных веществ, и то как они взаимодействуют друг с другом. Я исследователь. – Он взял девочку за руку и повел обратно к замку.

-О, премудрый! – Сказала Юнис, заливаясь краской стыда. – Простите меня, за то, что считала, будто вы занимаетесь какой-то чепухой. Это просто чудо, то, что вы мне показали.

Ее глаза, устремленные на ученого, были полны восторгом и обожанием. Рагиб рассмеялся наивному и искреннему восхищению маленькой девочки.

-Надеюсь, когда-нибудь мои исследования окажутся полезными. И если я смогу оказать тебе какую-то помощь, моя дорогая Юнис, то я с радостью сделаю это. Я рад, что мы с тобой теперь друзья, маленькая воительница.

Все члены отряда, за исключением служителя Эннайи, поглядывали на маленького странного избранника Юнис с удивлением и даже некоторой насмешкой. Вот так воин, вот так герой! Какая может быть от него польза в трудном и опасном походе? Он скорее может стать лишь помехой. Все равно, что ребенка с собой взять. Вслух, естественно, никто не высказывал своих сомнений и недоумения по поводу принятого Юнис решения. Она возглавляла отряд. А решение командира не подвергали ни сомнению ни обсуждению. Все присутствующие знали Юнис и доверяли ей. Значит у нее была причина взять с собой не еще одного могучего воина, а

этого странного, совершенно не похожего на остальных чудаковатого Рагиба.

–Тебе удалось сделать то о чем ты говорил мне в Маасдарме?– Спросила Юнис у своего ученого друга. Рагиб расплылся в улыбке.

–Да, воительница. Удалось. Я несколько раз проверил и думаю, это поможет нам. По крайней мере, увеличит шанс дойти до нужного места.

–Хорошо. Подготовь все, что нужно. Завтра утром мы выступаем.– Объявила Юнис, обращаясь сразу ко всем участникам похода.

–Рагиб, а не многовато вещичек ты с собой берешь? Мы не на прогулку отправляемся, надеюсь, Юнис тебя предупредила.– Не удержался, чтобы не съязвить, Дакарэй, вышедший на рассвете из шатра, в котором провел ночь, и застав маленького-ученого за укладкой целой кучи странных и совершенно бесполезных, на его взгляд, вещей.

–Все это нам очень пригодится, друг мой.– Улыбнулся Рагиб.– Возможно даже, не раз, спасет наши жизни.

Дакарэй скептически посмотрел на пожитки ученого. Да уж! Вон теми палками можно отбиваться от тварей. Может они их увидят в руках воинов и умрут от смеха. Вот оно новое оружие. А теми мешочками, в которых, похоже, то ли песок, то ли земля, можно забрасывать бездонные пропасти. Накидал мешков и переходи спокойно. И ведь всю эту го-

ру барахла, придется разделить на всех и тащить через горы и ледники лишний груз. Рагиб явно не дотащит свое добро сам. Хорошо, если премудрый себя-то самого дотащит. Что-то подсказывает Дакарэю, что Юнис не скажет Рагибу оставить свой бесполезный хлам здесь, а прикажет распределить его между участниками похода. Дакарэй обреченно подошел к своему новому странному и необычному товарищу.

– Рагиб, ты тут много всего набрал, я сейчас буду паковать свой мешок, давай мне, что-нибудь, положу к себе. Обещаю обращаться осторожно. Не переживай.– Все равно придется взять часть этих сокровищ, так чего тянуть, рассудил Дакарэй.

Рагиб улыбнулся.

– Ты, Дакарэй, верно удивляешься, почему воительница взяла меня с собой, ведь я не воин. И все эти вещи кажутся тебе бесполезным хламом.

– Ну, в общем, да, примерно так я и думаю.– Честно признал Дакарэй. По крайней мере, в догадливости, маленькому ученому не откажешь. Прямо в точку попал.

– Не волнуйся, друг, это действительно полезные вещи, а не хлам. И я не буду вам в тягость, постараюсь не быть. Уверю тебя, польза от меня будет. Вот видишь эти палки? Я долго проводил опыты с различными веществами, которые я находил в разных уголках нашей страны. Некоторые вещества я получал сам, путем выпаривания, вымачивания и обработки огнем. Не буду утомлять тебя подробностями, тебе

это не интересно. Так вот в результате долгих и многочисленных опытов, я получил вещество, которым можно пропитать ветку дерева или ткань и она будет гореть ярким белым светом, похожим на дневной свет, и будет гореть также долго, как обычный факел.

Дакарэй с интересом посмотрел на премудрого Рагиб. А может Юнис все же права и маленький смешной человечек не так уж бесполезен?

—А, что это?— Дакарэй указал на маленькие мешочки, которыми перед этим собирался заваливать пропасти и трещины. Рагиб радостно закивал головой и только, что не захлопал в ладоши, что ему попался такой любознательный собеседник.

—А это вещество, друг мой, обладает огромной силой. Если небольшое количество насыпать на землю или даже на камень и поджечь, то вещество загорится, раздастся сильный хлопок и в земле образуется большая яма, а камень разлетится на куски.

Дакарэй зачарованно смотрел на ученого. То, что говорил Рагиб казалось ему нереальным и настолько удивительным, что если бы на Терле не отсутствовало такое понятие как неправда и ложь в принципе, то он бы просто не поверил ни единому слову и решил, что Рагиб нагло врёт и насмехается над ним.

—Клянусь светом Зериса, то, что ты рассказываешь удивительно. Я прошу прощения, Рагиб, что сомневался в тебе.—

Дакарэй приложил руку к сердцу, в знак раскаяния, а затем протянул ее Рагибу. Мужчины пожали руки и улынулись друг другу. Их дружба была скреплена рукопожатием, и теперь они должны были идти в огонь и в воду друг за друга.

Во время завтрака ученый рассказал участникам похода о предназначении и способах использования удивительных вещей, приготовленных им для предстоящего путешествия. И даже показал кое-что наглядно. Вчерашнее сомнение и непонимание во взглядах членов отряда, сменилось восхищением и уважением. Каждый теперь считал выбор Юнис мудрым. То, что раздал Рагиб своим товарищам, стоило десятка тяжелых мечей и луков. Удивительные вещи действительно могли очень пригодиться. Может против колдовства и магии изобретения Рагиба были бессильны, но справиться с тварями и преодолеть трудный путь они точно могут помочь.

Верад со своими воинами проводил отряд Юнис до подножия гор.

–Прощай мой верный дружок.– Обнимая своего турлонга, прошептала Юнис.– Будь умницей.

Девушка потрепала жесткую холку животного. Турлонг ткнулся длинным влажным носом в шею хозяйки. Верад протянул руку к поводьям, что бы отвести животное в сторону. Турлонг злобно ощерился крупными зубами и даже попытался цапнуть воина за руку, давая понять, что не намерен

идти ни с кем другим кроме хозяйки. Он был предан Юнис и не признавал больше никого, особенно чужаков.

Верад рассмеялся.

–Какой норовистый! Ну, ничего, мы с тобой подружимся, приятель.

–Норовистый, как хозяйка.– Рассмеялся Даккарэй.– Какова хозяйка, таков и турлонг. Она тоже, чуть, что зубы показывает и может, как и он, руку запросто отхватить.

Юнис улыбнулась.

–Пойдем, длинноязыкий болтун, по ошибке получивший имя Дакарэй.

–Пойдем, Юнис, которую родители постеснялись назвать Злобным турлонгом.

Верада и его люди не отрываясь смотрели на становившиеся все меньше и меньше фигурки взбирающиеся по горной тропе. Жалобно попискивали ткрлонги, беспокойно переступая толстыми сильными лапами. Умные животные чувствовали, что это расставание будет долгим. Турлонг Юнис перестал брыкаться и скалить зубы. Он стоял рядом с Верадой, печально глядя вслед уходящей хозяйке, и время от времени тяжело вздыхал. Воин с грустной улыбкой поглаживал вздрагивавшую спину животного.

–Ничего, ничего, дружок. Будем надеяться, что твоя маленькая отважная хозяйка вернется. Вот ты обрадуешься, правда?

Турлонг повернул голову и печально посмотрел на стоявшего рядом с ним воина. Вераду показалось, что в больших темных глазах стояли слезы. Это конечно было полной ерундой, турлонги не умели плакать. Но Верад вполне понимал животное, ему и самому было очень грустно, как и всем остальным кто провожал отряд отважных путешественников. Каждый из провожавших немного завидовал членам отряда дочери вождя. Любой из оставшихся у подножия гор воинов, не раздумывая, присоединился бы к маленькому отряду бесстрашных героев. И в то же время, каждый из оставшихся воинов понимал, что навряд-ли снова увидит тех, кто ушел сегодня по горной тропе навстречу неизвестности. И даже если произойдет чудо, и кто-то из них вернется, то точно не все. Слишком труден будет их путь, слишком много опасностей придется им повстречать и преодолеть.

Сумрачная страна. Сила зла.

«...Холодная, неудобная, безжизненная земля встретила путников полным безмолвием и серым, создающим тягостную атмосферу сумраком. Мрачные горы, а за ними следующие, почти неразличимые в серой мгле. Каждый шаг, каждое движение в полной тишине царившей вокруг казалось производили такой шум, что его было слышно во всей Сумрачной стране. Сердца ступивших на неудобные, негостеприимные земли сдавила глухая тоска по родной земле полной жизни и света. И если бы не важная и великая цель,

приведшая их сюда, то каждый участник отряда, ни минуты не раздумывая, тут же развернулся бы и отправился обратно, не задерживаясь в неприятном жутком месте ни на одно лишнее мгновение. Но они не могли повернуть назад. Они пришли сюда попытаться вернуть своему народу нормальную спокойную жизнь и теперь могут идти только вперед, не думая о страхе и тоске наполняющей их сердца. Только вперед, как всегда поступали гордые и отважные терриане...»

—Ну, что вперед, мои верные друзья.— Улыбнулась юная воительница.

—Вперед.— Ответили восемь членов маленького отряда. И, несмотря на нерасполагающую к веселью и радости тягостную атмосферу, царившую вокруг, лица всех расплылись в широких улыбках. Они были вместе. В самом начале пути. Но они не были одинокими путниками, заброшенными в страшный безжизненный край. Они были единым целым и они были сильны своей дружбой, своей преданностью и своей верой в победу. Маленький отряд двинулся вперед.

Игра.

За прошедшие столетия Рамину все чаще и чаще посещала мысль, что вероятнее всего она так и останется на этой планете навсегда. Эта мысль была горькой и тягостной. Но колдунья была слишком умна, чтобы не понимать, что шансов вырваться у нее нет. Магическая книга лежала

давно заброшенная. Рамина изучала ее долгое время. Ответа как обойти заклятие Белого мага она не нашла. Она не нашла ничего полезного в ней. Все, что она могла сделать, все страшные и могущественные заклятия, которые были в книге, предусматривали всего одно условие – свободу, единственное чего, как раз, у нее и не было.

Когда Рамина почувствовала присутствие живых существ на своих землях, она испытала несвойственное ей в прежние времена волнение. И радость. Радость, что хоть, что-то произошло, хоть какая-то перемена. Рассмотрев в зеркале бредущих по ее землям смертных, Рамина решила не убивать их сразу. Она не любила игры, всегда презирала их. Но тоска, однообразие и чувство безысходности сделали ее существование настолько невыносимым, что против своих же собственных убеждений и правил, она решила поиграть с этими глупыми смертными существами, решившимися отправиться в столь опасное, заранее обреченное на провал путешествие.

Рамина решила не отдавать, на этот раз, приказа тварям не трогать путников. Если им повезет, и они не будут убиты слугами колдуньи, то так тому и быть. А если нет, то значит такая у них судьба. Она не станет вмешиваться. Рамина подолгу наблюдала за бредущими в серой мгле человечками. Они были жалкими и глупыми, но это было единственное ее развлечение, и она решила не трогать их до последнего. Конечно она не собиралась давать им шанс как ее неразумный

сын. В конце концов, она конечно же их прикончит. Быстро и всех разом. Они храбры, раз пришли сюда, а значит, пользы от них не будет. Но пока они развлекали ее. Даже девчонка отважилась прийти с ними и более того, она, кажется, у них главная. В чем-то смертные даже не так уж глупы. По крайней мере, они не считают, что женщина, не может решать или отдавать приказы. Женщины намного рассудительнее и гораздо разумнее мужчин, подверженных страстям и эмоциям.

Девчонка была на удивление красива. Она даже немного походила на Черных колдунов. Те же идеальные черты лица, черные волосы, темные глаза. Только слишком много жизни и красок в лице. И слишком эмоциональна и постоянно улыбается. Жаль, что заклятием можно изменить только внешнее обличие, а не характер и сознание. Если бы можно было убрать глупые черты присущие смертным, Рамина, пожалуй оставила бы девчонку себе. Обучила ее магии, а потом она помогла бы ей вырваться отсюда, и они вместе путешествовали бы по вселенной, находя все новые и новые планеты. Она сделала бы девчонку бессмертной. Были бы только они вдвоем и никаких мужчин. Тщеславных, глупых и самоуверенных. Рамина чувствовала в этой черноволосой небывалую силу духа и твердую решимость. Если бы только можно было склонить ее на свою сторону, превратить, в холодную, бездушную, пусть не Черную колдунью, но верную помощницу и союзницу. Даже жаль, что ее придется убить, как и

всех остальных. Еще одно разочарование. Желание, которому не суждено осуществиться. Вся жизнь Черной колдуньи теперь состояла из разочарований.

День второй. Схватка.

«...Отряд Юнис продвигался вглубь Сумрачной страны. Первый день прошел спокойно. Путники постоянно настороженно прислушивались и привычно оглядывали местность вокруг себя, в любую минуту ожидая нападения. Вероятно, им просто повезло, но твари так и не появились. Ночь тоже прошла спокойно. Члены отряда нашли небольшую пещеру и завалив вход большими камнями проспали под ее прикрытием до того момента, когда ночная чернота сменилась серым сумрачным утром.

Пройдя полдня, тоже без приключений, отряд достиг огромного ледника, простиравшегося во все стороны, насколько хватало глаз...»

—Что будем делать?— Обратилась Юнис к своим спутникам.— Пойдем через ледник или попробуем обойти?

—Кто знает, насколько далеко он простирается. В этом проклятом сером полумраке ничего не видно. Тут вообще трудно разобрать, что где и определить точное расстояние.— Ответил за всех Дарко.

—А если мы застрянем на леднике на несколько дней, мы просто замерзнем все, об этом ты не подумал, красавчик?— Вступил в разговор Отино.— Может попробовать обойти?

—А если ледник проходит через всю страну, до океана? Об этом ты не подумал, неженка, боящийся холода?— огрызнулся Дарко. В его словах о размерах ледника была логика и Отино, великодушно простив неженку, даже не стал спорить. Он как и все остальные, привык к теплу и даже жаре, и жестоко страдал от холода в стране камней и ледников. И даже задираться Отино уже не хотелось, видимо вся энергия, вырабатываемая организмом, уходила на борьбу с холодом.

Рагиб достал из своего мешка несколько веревок и велел всем обвязаться ими и соединить концы своей веревки с концами веревки соседа.

—Это, чтобы, если кто-то свалится в трещину, мы смогли его вытащить.— Объяснил он.

—Да уж поняли, умник. Думаешь мы настолько глупы, что совсем уж ничего понять не можем?— Проворчал Дакарэй, которого тоже донимал холод и он непрерывно брюзжал и был всем недоволен.

Идти по льду было трудно, ноги скользили. То один, то другой из членов отряда, поскользнувшись, вскидывал руки вверх, пытаься сохранить равновесие. Сначала это даже сместило остальных, над поскользнувшимся начинали подшучивать, но когда прошло несколько часов и путешественники перебрались уже через несколько пропастей, а впереди, все также простирался только лед, все немного приуныли. Скоро начнет темнеть. Все устали, видимо, действительно придется ночевать на льду. И эта ночь запомнится им на-

долго, потому, что если идти холодно, то, каково сидеть, а тем более лежать на таком холоде. Уже начали появляться первые звезды. Юнис понимала, что еще немного, и хочешь, не хочешь, а придется остановиться. Люди выбились из сил.

Смотрите!— крикнул Гачи.— Скалы, впереди скалы!

Действительно, далеко впереди виднелись неровные темные пики скал, уходящие в ночное небо. И хотя все страшно устали и замерзли, но когда есть цель, силы сами собой берутся, помогая в ее достижении. Путники прибавили шаг, потому, что появившиеся впереди скалы были свидетельством того, что ледник, наконец-то, заканчивается.

—Вот уж не думал, что так обрадуюсь эти огромным уродливым камням.— Широко улыбаясь, сказал Дакарэй и в следующий миг исчез, нырнув вниз. Натянувшаяся веревка резко дернула идущих, в связке с Дакарэем, Шамарая и Юнис. Воительница от сильного неожиданного рывка едва устояла на ногах.

—Дакарэй, ты как? Живой?— Подползая к краю, и заглядывая вниз, крикнула Юнис.

Дакарэй закричал. Веревка задергалась.

—Воительница, ты чего не могла держать меня за руку? Раззява.— Нахально улыбнулся девушке, болтающийся над пропастью Дакарэй.

—А ты не мог зацепиться своим длинным языком, чтобы не упасть?— Улыбнулась Юнис, радуясь, что он не расшибся.— Я испугалась, что ты разбился. Вечно из-за своей

болтовни попадаешь во всякие истории. Лучше бы под ноги смотрел, а не болтал.

Шамарай вбил в лед толстое копьё, которое, помимо меча и тяжелого лука, взял с собой в Сумрачную страну служитель Эннайя, и привязав к нему конец веревки, начал подползать к краю.

—Я держу тебя.— Сказал Урош, ухватив, для верности, кузнеца за ноги.

—Дайте веревку. Я не дотягиваюсь до Дакарэйя.— Просипел Шамрай, вися чуть ли не вниз головой.

—А может привязать веревку к копыю, а другой конец бросить Даккарэю, что бы он им обвязался? Повисит тут пока. А на обратном пути мы его заберем. Если не забудем, конечно.— Усмехнулся Дарко, подавая кузнецу веревку.

Твердые шершавые камни под ногами, показались путникам небывалым чудом и настоящей благодатью. Отряд прошел еще пару километров, уходя подальше от веявшего смертельным холодом ледника.

—Давайте останавливаться. — Скомандовала Юнис.— Тут подходящее место. Что дальше неизвестно. А мы все валимся с ног. Нужно отдохнуть.

—Неприятное местечко.— Проворчал Дакарэй.

—Не нравится, можешь вернуться на ледник. Тебе же там понравилось, уходить не хотел.— Предложил Отино, мечтавший только о том, что бы разжечь скорее огонь и хоть ка-

пельку согреться.

–Я подумаю, коротышка. Хоть подальше от тебя буду и то радость.– Огрызнулся Дакарэй.

Укрывшись под нависающим каменным козырьком уступа скалы, путники разожгли костер. В Сумрачной стране не было деревьев, так, что найти дрова было негде, но маленький ученый, как добрый волшебник, обеспечил путешественников другим видом топлива. Он изготовил небольшие кирпичики из торфа и каких-то, известных ему одному веществ, с мудреными непроизносимыми названиями. Один такой кирпичик мог гореть довольно долго. Особого тепла такой костер не давал, но это было лучше, чем ничего. И напоминало дом. Ночные посиделки у костра. Достали съестные припасы: сушеное мясо, несколько оставшихся лепешек, сушеные ягоды и твердый жирный чимар, изготавливаемый из молока миус, очень питательный и сытный.

–Я и Гачи дежури́м первую половину ночи, а затем мы разбудим вас, Отино и Урош, смените нас.– Закончив ужин, распорядилась Юнис. Члены отряда, с видимым удовольствием начали расстилать походные подстилки и укладываться. Даккарэй сладко потянулся и опустился на свою «постель», готовый уснуть сразу же. Отино ерзал на своей подстилке, пытаясь устроиться поудобнее. Ему все казалось, что то камушек мешается, то он лежит на месте, где уклон каменной плиты слишком сильный.

–Хватит возиться, коротышка.– Сквозь наваливающуюся

дрему, прикрикнул Даккарэй. Отино уже раскрыл рот, что бы осадить нахального товарища, но в этот момент, Дарко поднял вверх руку, давая знак всем замолчать. Пару секунд он прилсушивался.

–Твари!– Сказал Дарко.

Через мгновение все девять человек были на ногах, готовые к схватке.

Какое-то время ничего не происходило. Но вот из темноты высветилась пара десятков глаз. Стая, причем не маленькая десять-пятнадцать тварей. Бесшумные тени полетели к догорающему костру навстречу людям, стоящим возле него. Восемь клинков, почти одновременно, со свистом рассекли воздух. Взлетал вверх и вниз молот кузнеца Шамарая и почти каждый раз, когда он опускался вниз, слышался тошнотворный хруст ломающихся костей. Рагиб зажег «светящуюся» палку. Яркое сияние отпугнуло тварей, черные тени шарахнулись в сторону. Снова просвистели клинки. Кто-то вскрикнул. Это означало, что один из членов отряда ранен. Снова хрустнула голова или перебитый хребет чудовища под тяжелым молотом Шамрая.

Бой был недолгим. Тринадцать напавших на лагерь существ лежали бездыханными вокруг догоревшего к этому моменту костра.

–Ну и как тут теперь спать?– Дакарэй брезгливо пнул одну из тварей ногой. – Прямо на мою подстилку упала, гадина.

–Ты становишься ворчуном мой друг.– Улыбаясь сказала

Юнис, затягивая повязку на руке Рагиба. Это его задела одна из тварей во время боя. Ученый стойко перенес боль и потрясение. Лишь кожа его лица была мертвенно бледной.— Рагиб, я командую этим отрядом и поэтому могу отдать приказ, и каждый из вас обязан его выполнить. Так вот, Я приказываю тебе, во время схваток держаться за нами. Ты не воин. Твоя голова и знания, которые хранятся в ней, для нас гораздо более полезны, чем, уж извини, твой игрушечный меч, который ты и использовать особо не умеешь. Я не хочу тебя обидеть. Но что толку будет если ты погибнешь совершенно бессмысленно и глупо. Каждый из них,— Юнис указала рукой на всех остальных,— учился сражаться не день и не два, а долгие годы. Пообещай мне, что исполнишь мой приказ. Освещай нам поле битвы. Взрывай свой чудодейственный порошок, но не лезь к тварям. Договорились?

Рагиб, нехотя кивнул. Он понимал, что воительница права, но хотя он и не был воином, он был мужчиной. И ему казалось унижительным отсиживаться за спинами товарищей. Дакарэй хлопнул ученого по спине.

—Если ты считаешь это обидным, то я могу сидеть вместе с тобой.— Рассмеялся он.— А можем сидеть с Рагибом по очереди, чтобы никому не было обидно. А когда ты насмотришься как нужно управляться с мечом, да еще потренируешься, мы сами будем сидеть в сторонке, а ты будешь биться. Вот красота-то будет. Нам останется только подсказывать «Правее Рагиб, правее. А теперь чуть назад и левее».

Даккарэй расхохотался представив маленького ученого сражающегося с тварями, пока все они сидят где-нибудь на камушке и наблюдают как их товарищ повергает противников одного за другим своим крошечным мечом.

День третий. Пещеры.

«...За столетия прошедшие с того времени когда отважный Зоран совершал свой поход по землям сумрачной страны в поисках замка колдунов, многие горные тропы, которыми он шел стали не проходимы. Камнепады и обвалы, сделали невозможным продвижение тем же путем, что проделал Великий воин. Отряд Юнис пробирался наугад, так же как и Зоран, не зная куда и в каком направлении нужно идти. Члены отряда просто шли вперед, в надежде, в конце концов, добраться до намеченной цели. На третий день пути отряд, преодолев несколько более менее проходимых перевалов, вышел к скалам, стеной преграждавшим им дорогу. Путники начали оглядываться, в поисках хоть какого-нибудь места, возможного для прохода. Темные камни нависали над их головами отвесной стеной. О том, что бы взобраться на них не могло быть и речи. Казалось, что это тупик и придется возвращаться назад и искать другую дорогу...»

-Там, похоже, пещера.— Махнул рукой в сторону скал Гачи.— Может быть, можно пройти через нее?

Путники переглянулись. Идти через пещеру было еще

опаснее, чем по открытой поверхности. Если твари нападут в каком-нибудь узком проходе среди камней, воины не смогут даже обороняться.

– Можно пойти посмотреть.– Приняла, наконец, решение Юнис.– Если пещера достаточно широкая, можно попробовать. Если нет, будем возвращаться.

Подойдя к темному провалу в камнях, участники отряда зажгли «светящиеся» палки. Белое сияние разорвало непроглядный мрак и путники увидели темные своды большой пещеры. Воины осторожно двинулись вглубь, уходя все дальше и дальше в неуютную черноту каменных залов и коридоров. Они шли уже пару часов. Через каждую сотню шагов Рагиб делал на каменных стенах пометку, что бы в случае чего, можно было легко найти дорогу назад. Пещера могла не иметь другого выхода и тогда, волей неволей им пришлось бы возвращаться. Каждый шаг гулко отдавался от каменных стен. В одном месте, Шамрай, шедший чуть впереди остальных, остановился и поднял вверх руку, призывая спутников не двигаться и не шуметь. Все замерли.

– Там.– Тихо сказал Шамрай. Кивком головы, показывая вглубь пещеры. Белый свет, ярко освещавший дорогу, все же не мог достаточно осветить все огромное пространство каменного зала. Стены и потолок были скрыты во мраке. Но там, куда свет все же доставал, путники увидели неясные тени, жавшиеся подальше от белого свечения. Твари. Их было много. Очень много. Сотни две, наверное. Их пока отпуги-

вал свет. Видимо это были те твари, которые приходили по ночам. Но светящиеся палки, это все же не лучи дневного света. Через пару-тройку минут твари решатся. «Вот и все. Поход окончен.»— промелькнула у каждого в голове одна и та же мысль. С таким количеством им не справится. Их слишком мало. И порошок Рагиба, разрывающий камень и землю не поможет. От взрыва каменные своды обрушатся на них самих, и гибель будет все равно неминуемой. Самым неприятным было погибнуть здесь, под землей, среди камней. Даже серый полумрак был лучше, чем эта каменная темная могила.

Юнис, Эннайя, а затем и все остальные шагнули вперед поближе к Шамраю. Они были готовы принять бой. Свой последний бой. Жаль только, что их поход оказался бессмысленным. Они так и не добрались до цели своего путешествия. Но каждый из них с самого начала знал, что так может случиться и был готов к этому. Восемь пар ног сделали шаг вперед и вдруг земля под ногами путников заходила ходуном, и они почувствовали, как начинают вместе с ней проваливаться куда-то вниз.

Придя в себя, они осмотрелись вокруг. Некоторые потеряли свои «факелы» во время падения. Света оставшихся было маловато, но можно было рассмотреть, что пещера в которую они провалились намного ниже и уже той что была наверху. Прямо над их головами виднелась большая черная дыра. Далеко в глубине пещеры тьма как будто расступалась,

превращаясь из непроглядной черноты в сероватый мрак, но все же не такой темный и непроглядный, как здесь. Впереди был выход.

Все посмотрели друг на друга. Их было восемь. Шамрай, стоявший дальше от остальных, не провалился вместе с ними, он остался в верхней пещере.

– Шамрай!– Крикнула Юнис.– Прыгай сюда. Здесь не очень высоко. Тут другая пещера и впереди есть выход.

– Ты же знаешь, дочь вождя, что я не могу.– Послышался сверху голос кузнеца.– Твари прыгнут вслед за мной. Они уже начали приближаться. Им не нравится свет, но очень скоро они решаться.

–Мы будем сражаться Шамрай. Прыгай, это приказ.– Крикнула Юнис, зная, что на этот раз ее приказ не будет исполнен. На глаза навернулись слезы.

– Ты прекрасно знаешь, воительница, что мы все погибнем. Нам не одолеть две сотни тварей, а может их тут и больше. Видимо тут их логово. Прости, воительница, но на этот раз я послушаюсь твоего приказа. Вы должны уходить. Сейчас я подожгу порошок премудрого, и тут все взлетит на воздух. Так, что бегите друзья мои к выходу и как можно быстрее. Прощайте. Для меня было честью узнать каждого из вас и пройти часть этого пути. Не печалься обо мне прекрасная Юнис. Бегите! – Крикнул Шамрай.

Юнис не в силах была сдвинуться с места. Она никогда не оставляла на поле боя ни одного из товарищей. Никто из них

не оставлял. Сильная рука подхватывает девушку и в следующий миг пляшущие тени, отбрасываемые их факелами, заплясали перед глазами Юнис и полетели вперед. Мужчины бежали к выходу, работая ногами изо всех сил, так быстро как только могли.

Все вокруг задрожало и раздался звук взрыва. Грохот осыпающихся каменных стен. Сверху на головы бегущим посыпались камни. Кто-то вскрикнул, падающий камень задел одного из бегущих. Юнис почувствовала как волна холодного воздуха ударила в лицо. Они, наконец, покинули своды пещеры. Вокруг были скалы и серый сумрак. Люди остановились тяжело дыша.

–Прости, воительница.– Осторожно ставя Юнис на землю, сказал Урош. Юнис ничего не ответила. Отвернувшись от товарищей, она пыталась взять себя в руки и подавить подступавшие к горлу рыдания.

Они остановились на ночь на небольшой каменной площадке у подножия скал. Место было не очень удобное, но зато защищенное каменными стенами с трех сторон. В случае нападения это могло быть плюсом, впрочем, как и минусом. Место для боя было маловато.

Когда разожгли костер служитель Эннайя обратился к Зерису, прося его, позаботиться о душе Великого героя и верного друга Шамрая. Эннайя просил Зерис дать ему поскорее встретиться с его любимой невестой, что бы они, наконец обрели свое счастье, которого были лишены в земной жизни.

Юнис сидела отвернувшись от костра. По ее щекам катились слезы. Она плакала о погибшем товарище, о своем горячо любимом брате, которого так и не оплакала, обо всех кого она потеряла за годы сражений. Слезы текли по щекам девушки непрерывным потоком. За долгие годы их накопилось очень много. Вся боль находившаяся в душе и не имевшая выхода, выплескивалась сейчас наружу. Юнис плакала долго. Никто ей не мешал. Наконец она почувствовала легкость и какую-то пустоту внутри себя. Слезы закончились. Мыслей в голове тоже не было. Юнис не заметила как закрылись глаза и она, привалившись к широкому плечу Даккарэя, уснула, время от времени всхлипывая во сне как наплаканный ребенок.

Было тихо. Никто не заводил никаких разговоров. Каждый ощущал горечь и печаль. Терять близких всегда тяжело. К этому нельзя привыкнуть. Каждая потеря это боль, оставляющая еще один шрам в душе. Никогда раньше никто из присутствующих не покидал своего товарища. Если случалось, что смерть подступала совсем близко, то ее встречали плечом к плечу. Или погибали вместе или выживали, тоже только вместе. Иначе ни как. Каждый понимал, что их бегство было не трусливой попыткой спастись, необходимостью. Кто-то из них должен дойти, а иначе, зачем весь этот путь? Если погибнут все, то все, что они уже преодолели, будет напрасным.. Но на душе все равно было тяжело. Остатком, всегда тяжело. Преодолеть страх смерти легче, чем

боль от потери. Лица мужчин были хмурыми и суровыми. А впереди, возможно, еще не одно такое испытание.

Когда костер догорел, и все уже собирались укладываться спать, Гачи спросил служителя:

– Служитель Эннайя, а душа Шамрая сможет попасть к светлomu Зерису? Он погиб глубоко под землей, за толстым слоем камня. Вдруг его душа не сможет найти выход?

Эннайя улыбнулся и положил руку на плечо молодому воину.

–Сможет, Гачи, не волнуйся.– Мягко сказал он. Даже если бы сын или дочь Терлы оказались где-то там,– он указал рукой на горящие в ночном небе звезды,– их душа все равно смогла бы найти дорогу к Зерису. Потому, что мы его дети. Душа Шамрая уже там, возле Светлого Зериса. И он уже встретился с той кого любил и теперь счастлив.

–Хорошо.– Улыбнулся Гачи. Он очень переживал, встретится ли Шамрай со своей невестой. Значит встретится, уже встретился. Гачи улыбнулся. Любящие, обязательно должны быть вместе. Он подумал о жене и сердце сжалось от тоски и нежности. Эринэ, увижу ли я тебя снова? Или нам суждено встретиться только у Светлого Зериса, когда закончится наш путь здесь? Гачи вздохнул. Не нужно думать сейчас об этом. Им предстоит еще много испытаний и нужно быть сильным. Гачи лег на жесткую подстилку и закрыл глаза. Перед ним возникло лицо Эринэ. Она нежно улыбалась ему. Гачи улыбнулся в ответ. Служитель Эннайя аккуратно прикрыл теп-

лым плащом моментально уснувшего, почти мальчишку. Он посмотрел на черное усыпанное звездами небо. Если и ему суждено остаться в этом краю навсегда, единственное чего ему немного жаль, что он не увидит перед самым концом света Зериса.

Путники спали. Сон их был крепок, но тревожен. Они были на чужой земле. Недоброй и неживой. И она была наполнена множеством опасностей.

Энная и Дарко, дежурившие в эту ночь, тихонько переговаривались, непрерывно, осматривая все подступы к лагерю. Впереди путников ждал новый день с новыми испытаниями.

Зоран. Путь вечности.

С каждым днем, с каждым часом проведенным в блужданиях по Сумрачной стране Зоран все сильнее и сильнее осознавал какое страшное наказание придумала для него колдунья. Он бродил неприкаянный, одинокий и безмолвный по безжизненным землям, населенным лишь мерзкими тварями, уже несколько столетий. Сознание того, что это никогда не закончится, что впереди даже не столетия, а вечность, было невыносимо для бесстрашного воина, превращенного Черной колдуньей в уродливое отвратительное создание. Тоска по человеческому голосу, по свету дня, по родной стране, становилась все более непереносимой. Зоран уже давно понял, что ему не вырваться из Сумрачной страны. И даже умереть, вступив в схватку с чудовищами ему было не дано.

Колдунья позаботилась, что бы ее пленник испытывал мучения день за днем, год за годом, столетие за столетием.

Первое время, после того как зажили страшные раны, Зоран просто бесцельно ходил среди скал и ледников. Затем он решил, что хотя у него и нет оружия, а голыми руками убивать тварей ему не под силу, да и они убежали прочь, едва завидев его, боясь гнева колдуньи, но он может попробовать устраивать для них ловушки. Не имея инструментов и обладая теперь вместо рук, скрюченными птичьими лапами, Зоран мог уничтожать обитателей страны сумрака только одним способом. Сбрасывая на них сверху большие тяжелые камни. Не сразу ему удалось научиться выбирать нужный момент, когда столкнуть камень. Твари были очень проворны и обладали удивительно чутким слухом. Лишь после нескольких десятков неудачных попыток Зорану удалось убить первую тварь таким способом.

Много тварей так не истребишь. Зоран понимал это. Но это было единственным, что он мог сделать. Пусть это капля в море. Но вдруг эта капля спасет хотя бы одну жизнь кого-то из его соотечественников. А это уже не мало. И Зоран упорно продолжал свою охоту. За долгие годы пребывания здесь, он так наловчился в изобретенном им способе истребления, что порой уничтожал по два, а иногда по три существа за день.

Рамина, время от времени наблюдавшая, как там ее плен-

ник, сначала пришла в ярость. Но потом решила, что особого вреда бывший воин не нанесет, а сделать она с ним все равно ничего не может. Она сама наложила на него заклятие, и изменить его она уже не в силах. Ни убить, ни заточить Зорана в своем замке или в одной из пещер она не могла. Она сама сделала его бессмертным, и отнять его жизнь не могла. И она сама обрекла его на вечные скитания по Сумрачной стране, а значит, лишить его свободы она тоже не может. Рамину в последнее время страшно злило, то количество ограничений, которое накладывает на колдуна его же собственное заклятие. Практически обладая безграничными силами, она не могла справиться со всякой ерундой, например такой как изменение условия наложенного заклятия.

Раньше, когда они путешествовали по вселенной в поисках планет, магия которую она и ее спутники применяли была направлена на покорение и уничтожение. Черным колдунам не нужны были всякие хитроумные заклинания, связанные с превращениями или созданием каких-нибудь существ. Они приходили, убивали и уходили. Они были всемогущи и никакие ограничения им не мешали. У них просто не возникало ситуаций, когда вступают в силу какие-то правила и ограничения. А сейчас она вынуждена заниматься дурацким колдовством, тратя на него свои силы, причем немалые, и не получая особой пользы взамен. Даже твари, которых она создала. Хотя это и было не слишком сложно, но

жители планеты постоянно уничтожали их и Рамине приходилось создавать новых. А они хоть и позволяли ей получать немного пищи, но это были жалкие крохи, почти не насыщавшие ее. Она чувствовала голод все сильнее.

А заклятие, наложенное на этого смертного, лишившего ее сына, это вообще была бесполезная трата ее магических сил. Просто она удовлетворила свою потребность мщения. Наказала его так, что бы он испытывал мучения бесконечно долго. Но это заклятие отняло у нее много сил. А пополнить их было негде и нечем. Это был просто замкнутый круг – она, всесильная Черная колдунья, практически совершенно бессильна, находясь в этой проклятой тюрьме.

Несколько раз Зоран приходил к золотому замку. Он не знал, что он может сделать, и может ли вообще причинить какой-то вред колдунье, но он решил хотя бы попытаться. Ворота каждый раз были закрыты, проникнуть внутрь ни какой возможности не было. Постепенно Зоран убедился в тщетности своих попыток. У него, тоже, был свой замкнутый круг.

Цельными днями он бесцельно бродил среди скал. Охотился на тварей. А по ночам сидел на вершине какой-нибудь скалы и смотрел на звезды. Это было единственным, что хоть как-то напоминало ему о доме. Звездное небо там было таким же, в отличие от всего остального.

Еще в самом начале своего пребывания здесь, в одну из

таких ночей, когда он смотрел на мерцающие в черном небе огоньки, чувство горечи переполнило сердце Зорана настолько, что он не знал, что делать. Его взгляд упал на кольцо, которое по-прежнему было на его пальце, превратившемся теперь в уродливый сморщенный птичий палец с загнутым когтем. Зоран в ярости сорвал кольцо и зашвырнул его как можно дальше в скалы. Теперь оно было просто лишним напоминанием о том, какой была его жизнь раньше и во что она превратилась. Жестокая насмешка над его несчастной участью. Просидев на вершине скалы почти до утра Зоран начал спускаться вниз. Ему вспомнились отец и сестры. Его товарищи. Ему вспомнились прекраснейшие и красивейшие места его родины. Необъятные луга, густые леса, озера и долины, окруженные холмами и невысокими горами, поросшими лесом. И ему вспомнилось лицо матери, ее улыбка, и тот день когда она дала маленькому Зорану кольцо, которое, как она надеялась он когда-нибудь вручит той которую полюбит. Зоран бросился вниз со скалы. Несколько дней он искал кольцо. Он уже думал, что не сможет его отыскать. Но он нашел. Он ужасно обрадовался. Зоран надел кольцо на палец. Оно было не насмешкой. Оно было единственным, что осталось от его прежней жизни. И он будет носить его. Так же как будет носить в своем сердце те воспоминания, которые у него есть.

Зоран взобрался повыше, что бы подыскать подходящее

место для своей охоты. В стороне от тропы, по которой он пришел, промелькнула тень. Затем еще одна и еще. Тварей было много. Несколько десятков и они куда-то спешили. Это было необычно. В основном они бродили здесь по одной, по две. Большую часть времени они проводили в норах или пещерах. В стаи они сбивались уже перед тем, как перейти через скалистые горы. Зоран не раз наблюдал как они собираются десятками, что бы отправится на свою кровавую охоту. Сердце его сжималось от боли, каждый раз, когда он наблюдал эту картину. Он прекрасно знал, что они несут обитателям его страны. Но все, что он мог сделать – истреблять их поодиночке.

Зоран проследил взглядом за бегущими тварями. Они неслись так, словно собирались охотиться. Но этого не могло быть. Здесь не на кого было охотиться. Мертвая земля. Если только они не решили, наконец, пожрать друг друга. Вот было бы здорово. Но это слишком хорошо, что бы быть правдой.

Зоран спустился вниз и побежал в том направлении, куда умчалась стая. Происходило, что-то необычное, а для того кто провел несколько столетий состоящих из дней ничем не отличимых один от другого, любое необычное явление, было событием. Зоран бежал так быстро, как только мог.

День четвертый. Спасение.

«...Отряд продолжал свой путь. Если бы путники знали, куда идти им было бы гораздо легче. Неизвестность давила, лишала уверенности. Члены отряда запрещали себе сомневаться, бодрились и говорили себе, что в любом случае нужно идти. Идти вперед и тогда, рано или поздно они, наконец достигнут того места куда направляются. Только никто не знал, куда именно они направляются, и что это за место.

На четвертый день путники подошли еще к одному леднику. К счастью его край виднелся примерно в километре от его начала. Идти целый день по морозу никому больше не хотелось. Обвязавшись веревками, члены отряда двинулись вперед. Они благополучно преодолели ледник, не преподнесший им никаких сюрпризов. На этот раз никто даже не успел замерзнуть...»

–Сегодня нам благоволит удача!– Радостно воскликнул Дакарэй, ступив со скользкого льда на камни.

–Закрой болтливый рот, пустоголовый брехун.– Огрызнулся Отино.– Ты своей болтовней притягиваешь беды.

–Ха! Не думал, что ты веришь в подобную ерунду, коротышка! Только деревенские старухи верят во всякой чепухе и суевериям.– Рассмеялся Дакарэй. Отино воинственно выставив грудь вперед, шагнул навстречу обидчику.

–Еще раз назовешь меня коротышкой и я отрежу твой длинный язык. Понял безмозглый болван.

–Ох, я сейчас умру от страха. Сам Отино грозит отрезать мне язык. Спасите-помогите.– Дакарэй с издевкой посмот-

рел на товарища сверху вниз.— Эй, ты, где там коротышка? Я тебя не вижу! Пищит, что-то рядом, а что не пойму.

Дакарэй расхохотался, а Отино бросился на него, и с силой толкнув в грудь, уже хотел заехать кулаком по смеющейся физиономии.

—Прекратите, вы.— Шикнул на двух задир Урош. Он никогда не вмешивался в ссоры, без особой надобности, поэтому, вцепившиеся друг в друга воины дружно повернули к нему головы.

Урош показывал пальцем вниз горного склона, на котором они находились.

Несколько десятком тварей, учуяв людей, мчались к своей добыче. Воины приготовили оружие. Тварей было много. Но не сотня и уж тем более не две. По крайней мере надежда выйти победителями у участников отряда была.

Вот первая тварь взлетела на каменную плиту, на которой стояли воины, а за ней, как звенья одной цепи, из-за края плиты появлялись все новые и новые. Последние существа еще продолжали свой подъем на склон, а те, что прибежали первыми уже, оттолкнувшись от камня, взмыли в воздух, несясь навстречу живым, которых они собирались убить.

Засверкали в воздухе острые клинки. Несколько стрел пущенных одна за другой служителем Эннайей попали без промаха, убив, каждая по твари. Затем служитель схватил копье начал разить наступавших чудовищ его страшным острием. Урош ударял направо и налево огромной секирой. Юнис, на-

носила удары мечом. Дарко и Гачи, стоя плечом к плечу отбивались сразу от десятка тварей, пытавшихся обойти людей сбоку и напасть сзади. Дакарэй и Отино стояли напротив друг друга и по очереди ловили острыми клинками все прибывавших и прибывавших существ.

–Бей сильнее, коротышка. А то тварь цапнет тебя перед тем как издохнуть, будешь знать.– Кричал Дакарэй.

–Заткнись, болтун! Смотри как бы тебя самого не цапнула какая-нибудь из них. А то откусит тебе, что-нибудь. Ладно если голову, не велика потеря. А вдруг что важное!– Отвечал Отино, нанося быстрые ловкие удары своим мечом.

Воины устали. Тварей было слишком много. Вот одна из них подкралась сбоку и прыгнула на Дарко. Заметив, летящее на него чудовище в последнюю секунду, он ударил мечом. Уже смертельно раненая тварь налетела на воина всем своим весом. Они оба упали, и уже умирающее кровожадное существо полоснуло лежавшего под ней Дарко когтистой лапой по лицу и по ребрам, а зубастую пасть сомкнула на его плече.

–Там еще.– Крикнул Урош. Оглядываться было некогда, но никто не сомневался в его словах.

–Сколько?– Крикнула Юнис, нанося очередной удар мечом.

–Несколько десятков.– Ответил Урош.

–Откуда они берутся?– прокричал Отино.– Может эта гора их из себя выплевывает? Какие-нибудь колдовские

штучки.

–И с той стороны.– Крикнул Эннайя, кувкой головы показывая на тварей приближающихся с другой стороны ущелья.

Рагиб, приделав к одному из мешочков со взрывающейся смесью фитиль, поджег его и метнул мешок в самую гущу взбирающихся на каменную плиту тварей. Прогремел взрыв. Сразу десяток тварей разлетелся в стороны бездыханными изуродованными тушами. Но на их место тут же явились новые.

–Эгей, премудрый! Хорошо, что разрывающие мешки ты кидаешь лучше, чем управляешься с мечом. А то уж я думал все, сейчас полетим навстречу Светлому Зерису!– Рубя мечом направо и налево весело крикнул Дакарэй. Увидев, что ученый поджигает фитиль еще у одного мешка, он снова закричал.– И надеюсь, что прошлый мешок так удачно попал, куда надо не случайно, и ты каждый раз кидаешь метко и в нужном направлении?

Рагиб широко улыбнулся и швырнул второй мешок. Этот взрыв убил и покалечил тоже около полутора десятков нападающих.

– Каждый раз Дакарэй, не волнуйся!-крикнул Рагиб.

Силы у всех были на исходе. Сколько они еще выстоят? Эта мысль посетила каждого из них, и каждый продолжал яростно сражаться. Уж если погибать, то только перебив столько сколько сможешь. Стоять до последнего, пока еще руки в состоянии удерживать меч.

Юнис пригнулась от летящей на нее твари и вонзила меч ей прямо в брюхо. Краем глаза она заметила, что Служитель Эннайя наносит точные сильные удары тяжелым мечом, который он держал теперь одной рукой, другой он зажимал глубокую рану в боку, из которой обильно текла кровь.

«На этот раз мы погибли»— пронеслось в голове у Юнис. Это была не паника, не страх. Просто она уже по себе чувствовала, что сил все меньше и меньше. Через несколько минут они просто не смогут сражаться и погибнут один за другим. Эннайя ранен. Дарко, то ли ранен, то ли убит. Это конец. Их осталось пятеро, премудрый Рагиб не в счет. Зря она вообще позвала его сюда. Он ученый, исследователь. Она просто обрекла его на бессмысленную смерть, решив, что он будет им полезен. Перед ним она виновата больше всех. Юнис заработала мечом еще яростнее. Пусть это конец, но твари могут не надеяться на легкую добычу. «Умрем вместе!»— мысленно пообещала Юнис отвратительным созданиям, подступающим все ближе и ближе и не сводящим злобных глаз со своей жертвы. Твари чувствовали, что люди устали, круг темных силуэтов с раскрытыми зубастыми пастьями смыкался.

Злобные существа все прибывали. Казалось, все обитатели Сумрачной страны бросились на запах еды. Воины все теснее и теснее придвигались друг к другу. Еще несколько минут и твари задавят их, бросятся на сбившихся в кучку людей все разом. Дакарэй запел песню о любви и свободе. О

жизни. О свете Зериса и прекрасной Терле. Сильный, красивый голос воина звучал торжественно и печально. Отино подхватил слова песни. А затем и остальные запели грустную и красивую прощальную песню воинов. Звуки голосов раздавались далеко за пределы того места, где происходила битва. Они отдавались эхом среди скал, наполняя собой ущелья и своды пещер. Казалось по всей Сумрачной стране разносится эта песня, погибающих, но не сдающихся воинов, смело смотрящих в лицо своей смерти и насмехающихся над ней.

Юнис почувствовала, что одна рука перестает ее слушаться. Она уже не чувствует как сжимает тяжелый меч. Мышцы свело, еще пара ударов и она просто больше не сможет его поднять.

Семеро стоящих уже вплотную друг к другу людей приготовились, что через несколько секунд окончится их земное существование. Мысленно они прощались с близкими любимыми, друг с другом.

Неожиданно и совершенно необъяснимо. Но произошло то, чего ни разу не бывало за все то время, что твари нападали на терлиан. Никогда не отступавшие кровожадные создания, бившиеся как и воины, до последнего, вдруг все разом развернулись и бросились прочь. Они мчались к краю каменной плиты и уже через несколько секунд, посреди залитых кровью камней, заваленных горами поверженных тварей, остались только, едва державшиеся на ногах люди. Они с недоумением смотрели друг на друга, из-за необычности

ситуации даже не сразу осознав, что совершенно непостижимым образом они избежали неминуемой гибели.

Урош, Отино и Дакарэй бросились к придавленному тяжелым телом мертвой твари, Дарко. Юнис и Рагиб занялись раной служителя Эннайи, который стоял с совершенно белым лицом, покачиваясь на едва державших его ногах. Юнис боялась, что сейчас он все же потеряет сознание и рухнет на камни.

Друзья вытащили израненного Дарко из под мерзкой твари. Он слабо стонал. Раны, нанесенные ему чудовищем, были тяжелыми. Но он был жив. И это было самым главным. Уж если их не разорвали, когда, казалось, нет ни единого шанса на спасение, и они все еще живы, то и у Дарко есть шанс.

– Я ни разу не слышал, что бы твари убегали, не убив все, что можно убить. Они или сами убивают или погибают. Но никогда не бегут. То, что произошло сегодня просто необъяснимое чудо. – Произнес, наверное, самую длинную речь за всю свою жизнь, молчун Урош.

– Нужно уходить отсюда. – Сказала Юнис. Она закончила промывать раны Дарко и Дакарэй с Рагибом принялись перевязывать его поврежденную ногу и разорванное плечо. Правая щека Дарко была изуродована острыми когтями, глубоко распоровшими кожу от виска до подбородка.

Урош хотел уже взвалить бесчувственное тело товарища на плечи, когда на краю каменной плиты появилось странное существо, не похожее внешне на привычных тварей, но не

менее отталкивающее и безобразное и, судя по виду явно не менее опасное.

Дающий надежду. Встреча.

Бежавший вслед за тварями Зоран сильно отстал. Они были слишком быстры, и ему было не угнаться за ними. Он продолжал бежать, подгоняемый любопытством, но чувствовал, что начинает выбиваться из сил. Он уже хотел остановиться и передохнуть, когда над ущельем зазвучали слова песни. Сначала один голос, потом его подхватил второй, а затем уже несколько голосов пело с детства знакомую Зорану старинную песню. Зоран замер. Это люди! Это его соотечественники! Здесь! Забыв об усталости, он бросился вперед с удвоенной скоростью. Его легкие разрывались от быстрого бега, ему казалось, что в его груди горит огонь. Сердце бешено стучало в груди, и он впервые обрадовался, что бессмертен, потому что иначе оно просто не выдержало бы и разорвалось от этой сумасшедшей гонки. Перед глазами мелькали круги, но Зоран ни на секунду не останавливался. Там, впереди были его соотечественники. Они пели прощальную песню воинов и если он опоздает они погибнут. Только он может их спасти. Зоран летел вперед как ветер, думая только о том, что он должен успеть.

Он почти добежал до небольшой возвышенности, и в это время твари начали спрыгивать вниз с каменного уступа. Они в ужасе шарахались от задыхающегося Зорана и скорее бежали прочь. Он вздохнул с облегчением. Он успел. Зоран

начал карабкаться по камням. Сил у него почти не осталось, но он заставлял себя двигаться вперед. Сейчас он увидит людей, пришедших из его страны. Он чувствовал себя необычайно счастливым. Люди, он увидит их! Он больше не один! Они вместе найдут способ одолеть проклятую ведьму. Зоран добрался, наконец, до края каменного выступа. Еще одно усилие и он уже на каменной плите всего в нескольких десятках шагов от своих соотечественников. Зоран шагнул навстречу воинам. Семь пар глаз, наполненных ненавистью, смотрели на него. Семь острых клинков были нацелены прямо ему в грудь. В этот миг Зоран понял всю горечь своего положения. Ведьма может торжествовать. Она, наконец, одержала над ним верх. Сейчас, в этот самый миг. Она лишила его не только всего, что было ему дорого, и обрекла на вечные скитания в ненавистной стране. Она лишила его даже надежды. Он с грустью посмотрел на тех, кто стоял напротив него. На их месте он бы поступил точно также. Убил бы еще одну мерзкую тварь, обитающую в этой проклятой стране. Зоран взглянул на суровые лица воинов. Среди них была девушка, очень красивая. Значит, ему не почудилось, что когда звучала песня, ему слышался женский голос. Девушка шагнула вперед. Тяжелый большой меч в ее руке, ясно говорил, что она настоящий воин. Зоран взглянул на прекрасное лицо. Темные глаза смотрели твердо и решительно. Она не дрогнет. Один взмах меча и все будет кончено. Пусть так, решил он. Лучше погибнуть от руки прекрасной вои-

тельницы, чем провести вечность в этой безжизненной, постылой стране. Зоран сделал шаг навстречу красавице. Пусть это прекрасное лицо будет последним, что он увидит. Не такой уж плохой конец. Многие воины позавидовали бы ему. Последнее, что они видели перед тем как их сердце переставало биться – отвратительную зубастую пасть твари. Ему повезло.

Воительница сделала замах мечом. Странное существо стояло неподвижно. Юнис посмотрела на страшную, уродливую голову, похожую на птичью. У стоящего напротив нее существа были необычные для твари глаза. Они не были похожи на светящиеся блюдца ночных тварей, наполненные злобой и жадной смерти. И на полуслепые, затянутые мутной пленкой глаза тех, что являлись днем они тоже не походили. Эти глаза были человеческими. В них не было кровавой злобы. Юнис казалось, что эти глаза смотрят на нее с печалью и... любовью. Юнис заколебалась. Убить чудовище, несущее смерть это одно. А убить того кто смиренно ожидает своей смерти не выказывая ни агрессии ни злобы, это совсем другое. Женское сердце боролось с разумом воина.

–Юнис!– Тихо окликнул ее Дакарэй, заметив нерешительность девушки. Он вышел вперед и занес свой меч.

–Нет!– Крикнула Юнис. Дакарэй удивленно покосился на нее, не выпуская из вида странное существо и готовясь прикончить его при малейшей попытке приблизиться.

–Посмотрите.– Служитель Энная, опираясь на копьё по-

дошел к Юнис и Дакарэю.— У него кольцо.

На сморщенной птичьей лапе существа было кольцо. Следав Дакарэю жест рукой, Юнис шагнула вперед. Дакарэй хотел удержать ее, но Эннайя покачал головой и положил на его плечо ладонь, не нужно. Юнис протянула руку, и существо положило на маленькую ладонь кольцо.

—Ну все. Дочь вождя, наконец, нашла своего суженого.— В полголоса пробормотал Дакарэй сердито. Он страшно боялся, что странное создание бросится на Юнис. Он злился. На нее, на служителя, на существо. Юнис была одним из самых дорогих ему людей, и ему не хотелось вот так потерять ее, из-за простой глупости или безрассудства.

Юнис посмотрела на внутреннюю сторону кольца, где писалось имя владельца. А потом к его имени добавлялось имя девушки, становившейся его женой.

Темные брови взметнулись вверх. Она во все глаза уставилась на уродливое странное создание.

—Зоран?!— Дрогнувшим голосом произнесла она имя, начертанное на обратной стороне кольца.

—Нет, ну это же надо. Нет, красавчик, ты слышал какая история? Ну, дела!— Уже, наверное, в сотый раз, за этот день повторил Отино.— Я до сих пор не могу поверить!

—Вот во, что я не могу поверить, так это в то, что ты заткнешься, наконец, коротышка.— Засмеялся Дакарэй.

—Сам заткнись.— Огрызнулся Отино и хлопнул Зорана по

плечу.— Он просто болтливый идиот, и не умеет себя вести. Вон, Гачи не даст соврать. Да, Гачи?

—Нет уж, Отино, в свои дружеские отношения с Дакарэем меня, пожалуйста, не впутывай. Сами разбирайтесь.— Улыбнулся, Гачи.

Пламя костра отбрасывало отсветы на счастливые радостные лица сидящих, вокруг неголюдей. Удивительный день. Они остались живы. Это совершенно невероятно, но остались. И они встретили величайшего героя за все время существования Терлы — Зорана, которого все считали давным-давно погибшим. Да и в любом случае, прошло не одно столетие, с тех пор как Великий герой отправился в Сумрачную страну.

В то время как все члены отряда не без удовольствия поглощали свой скромный ужин, Зоран старательно писал свою историю. Премудрый выдал ему чернила и бумагу. Держать перо когтистой птичьей лапой Зорану было не удобно. Выход придумала Юнис. Она взяла палец Зорана и окунула острый кончик длинного когтя в чернила.

—Чем тебе не перо?— Улыбнулась она. Зоран отвел глаза. Прекрасная Юнис даже не представляла, что творится в его душе при каждом взгляде на нее. Никогда раньше, будучи еще обычным человеком с нормальным человеческим обликом, он не испытывал ничего такого по отношению ни к одной девушке. Воительница забрала его сердце раз и навсегда, в тот момент, когда его кольцо легло на ее маленькую ладонь.

Кольцо Юнис вернула. А сердце так и осталось у нее, хотя она об этом даже не подозревает. Зоран понимал, что его чувство безнадежно. Она прекрасна, а он безобразное чудовище, лишенное даже возможности говорить. Заклятие Черной колдуньи в очередной раз приносило ему новые мучения. Но он радовался, что может просто находиться рядом с ней. Что теперь он не один, а с друзьями. И, что он сможет защитить их, по крайней мере, от части опасностей, подждавших их в Сумрачной стране.

Зоран исписал уже несколько листов бумаги. Так о многом нужно было рассказать. Он старательно макал коготь в чернила и продолжал писать, изредка украдкой бросая взгляды на девушку, лишившую его покоя.

Юнис с улыбкой смотрела на, склонившегося, над бумагой, Зорана. Она не видела его уродства. Она видела, того, кто был предметом ее детских грез и мечтаний. Великий герой Зоран. Отважный воин. Сколько раз, будучи девчонкой, она представляла, как идет вместе с ним через Сумрачную страну. Как они вместе совершают подвиги и сражаются с колдунами. Она видела его во сне. Она мечтала и грезила о нем. И думала, что сможет полюбить только такого как он. Ах, если бы он был жив, мечтала она. Если бы мы встретились. Мы бы больше никогда-никогда не разлучались. Она была тогда малышкой. Сейчас она выросла. Но Великий воин по-прежнему был для нее самым главным героем всех времен. Примером. Символом мужества и отваги. Это было

странно, но Юнис чувствовала, как при мысли о нем сильнее начинает биться сердце. Какая, он глупая. О каких странных вещах она думает...

Наконец Зоран закончил писать. Члены отряда с интересом склонились над записями сделанными Зораном. Они читали о его походе, о встрече и поединке с Черным колдуном, который наложил заклятие на «растущие камни». О том, как отомстила за смерть своего сына его мать, Черная колдунья. Все это было так странно и неожиданно. И волнующе и интересно. Взрослые мужчины чувствовали себя героями какой-то чудесной сказки. Им казалось, что они даже вновь превратились в мальчишек, представляющих себя отважными героями, сражающимися со злыми волшебниками и страшными существами, совершающими подвиги. У всех было приподнятое настроение. Впервые с момента их нахождения в этой стране.

Юнис чувствовала как, помимо ее воли на глаза наворачиваются слезы. Слезы горечи, от того, что тот кого чтит и помнит весь их народ, столько лет страдал, в одиночестве и лишенный надежды. Он пожертвовал всем, совершил великий подвиг, а потом день за днем испытывал все новые и новые мучения, а никто даже не знал и не догадывался о том, что он жив. И все кого он любил когда-то, кто любил его, уже давно ушли из жизни, даже не зная, что Зоран жив. Они во что бы то ни стало должны найти колдунью и положить

конец ее злодеяниям.

–Ты покажешь нам дорогу к золотому замку?– Спросила Юнис. Зоран кивнул и снова взялся за бумагу.

«До замка три дня пути. Тот путь, которым шел я уже давно завалило камнями. Нам придется идти в обход. Но твари больше не будут нападать. Это условие заклѳтия колдуньи. Они не смеют приближаться ко мне».

–Это очень отраднo. Признаться, после сегодняшнего, я не горю желанием новой встречи.– Рассмеялся Дакарэй.

–Тот редкий случай, когда я полностью согласен с тобой.– Ухмыльнулся Отино.

–Колдунью можно убить?– спросила Юнис. Зоран развел когтистыми лапами. Он не знал.

–Мы в любом случае должны попытаться.– Сказала де-вушка. Птичьѳ голова кивнула. Как же иначе. Обязательно нужно попытаться.

День пятый. Кольцо.

«...Как и предсказал Зоран, твари больше не пытались напасть на маленький отряд. Несколько раз темные силуэты промелькнули неподалеку от идущих между скалами людей, но почуяв их, вместо того что бы напасть, они на-оборот бросались наутек. Дорога становилась все менее и менее проходимой. Зоран, успевший изучить за время своего пребывания здесь, все тропы, вел отряд вперед самым до-ступным путем. Но и эта дорога давалась путникам нелег-

ко. Трудность состояла еще и в том, что раненого Дарко пришлось нести на носилках, сооруженных из копья служителя и нескольких «светящихся» палок связанных вместе. Носилки несли по очереди. Дарко протестовал, но он был слишком слаб, что бы идти самому и Юнис строго приказала ему подчиниться. Эннайя тоже шел с трудом. Ему было тяжело взбираться по овесным склонам и каменистым уступам с раной в боку. Но он мужественно преодолевал трудности. Сохраняя как всегда отрешенное и спокойное выражение на лице.

Если бы не трудная дорога, путешествие в этот день можно было бы назвать, может и не приятным, но, по крайней мере, спокойным. Да и настроение, несмотря на все пережитые трудности и невзгоды, сегодня было куда более приподнятым, чем в прошлые дни. Тварей можно было не опасаться, и, главное, теперь путники знали, куда нужно идти. Да и неожиданное, можно сказать чудесное, обретение нового товарища, более того живой легенды, тоже было немаловажным поводом для хорошего настроения.

Отряд дошел до большого каменистого плато. Лагерь разбили у подножия скал. Дальше было бескрайнее открытое пространство. Члены отряда предпочитали, что бы хоть с одной стороны было надежное прикрытие...»

День выдался очень тяжелый. Сразу после ужина уставшие путники улеглись спать. Зоран сообщил, посредством записки, что он будет караулить всю ночь, так как никогда

не спит.

Сменив, вместе с Рагибом, повязки раненым Юнис подошла к догоравшему костру. Зоран сидел глядя на огонь – еще одно напоминание о далекой родине. Девушка села напротив. В отблесках костра она видела перед собой не уродливую птичью морду, а обычное лицо, молодое, мужественное и красивое. Лицо воина, немало испытавшего на своем веку.

Зоран посмотрел на девушку. Заметив, что она рассматривает его, ему пришлось собрать все свое мужество, что бы не отвести взгляд, от прекрасных глаз.

«Каким же уродливым и вызывающим отвращение я должно быть ей кажусь.– С горечью думал он.– В ее глазах жалость. Это единственное чувство, которое я могу вызывать у нее».

Зоран опустил глаза. Ему хотелось, что бы она ушла. Эта жалость в ее взгляде была непереносима, она разрывала ему сердце. «Проклятая ведьма, почему она не убила меня?» С ненавистью подумал он, наверное, уже в сто тысячный раз. Никогда еще ему не было так тяжело как сейчас. Даже в полном одиночестве. Но тут он вспомнил, что если бы не заклятие колдуньи, весь маленький отряд вчера бы погиб. Ему стало чуть легче. Хоть какая-то польза от его бессмысленного существования.

–Зоран.– Улыбнулась Юнис.– Ты всегда был для меня величайшим героем всех времен. В детстве я была влюблена в тебя. Я знала наизусть все песни и предания сложенные о

тебе.

Он печально посмотрел на нее. Хорошо, что в детстве она не представляла, в кого превратился ее величайший герой.

Юнис встала и подошла к нему. Прекрасные глаза смотрели на него с нежностью.

– Ты не можешь говорить, пока заклятие не будет снято. Поэтому скажу я. – Она посмотрела ему прямо в глаза. На ее щеках играл легкий румянец. Она погладила безобразную голову. Зоран ощущал прикосновение маленькой руки, и его сердце разрывалось от боли.

– Обещай не покидать меня. Я так долго мечтала о тебе и даже не надеялась, что смогу тебя когда-нибудь отыскать. Обещай, что будешь со мной всегда.

Он застыл. Может быть, это новые козни злой колдуньи? Может все это ему только кажется? Как может просить эта прекрасная девушка не покидать ее, такое безобразное отвратительное создание как он. Да даже родная мать в ужасе отшатнулась бы от него, не признав своего сына, если бы увидела в таком облиции.

Юнис чувствовала как колотится сердце в его груди. Она видела в его глазах все чувства испытываемые им. Она улыбнулась и обняла его.

– Ты прекрасен, Зоран. Не важно как ты выглядишь. Ты прекрасен внутри. Твоя душа, твое отважное благородное сердце прекрасно.

Он стоял не двигаясь. Не в силах поверить ее словам. Хо-

рошо, что он не может плакать, иначе сейчас он бы не выдержал.

–Ты подаришь мне свое кольцо?

Он вздрогнул. Этого просто не может быть. Юнис протянула к нему раскрытую ладонь. Зоран снял кольцо и положил его на ее ладонь, во второй раз за два дня.

–Я никогда не покину тебя, Зоран. Обещаю.– Прошептала она, надевая кольцо на палец.– Мы или уйдем отсюда вместе или вместе погибнем. Ты мой герой. Герой моих детских сказок и снов.

Страж тьмы.

Рамина внимательно следила за продвижением отряда по своим землям. Когда смертные попали в западню в пещере, а потом все же выбрались оттуда, Рамина была даже рада. Ей не хотелось, что бы единственное развлечение так скоро закончилось. Она решила не вмешиваться, и не вмешивалась, но ей не хотелось, что бы жалкие человечки погибли так быстро.

Когда она увидела, как ее пленник, убийца ее сына, спас пришедших из-за гор от неминуемой смерти она тоже обрадовалась. Он был так взволнован. Так счастлив. Так спешил спасти своих сородичей. Рамина уже предвкушала как эти самые сородичи, к которым он так торопился на помощь и которым так был рад, сейчас убьют его точно-так же как они убивают всех остальных ее тварей. Ей не было жалко

пленника. Он уже достаточно пострадал и был ей больше неинтересен. А такой конец, от руки своих же земляков это прекрасно. Он ощутит всю глубину страдания перед смертью. Он примчался полный надежды, почти счастливый. А затем все его надежды рушатся и единственное, что его ждет среди своих, это смерть. Рамина с нетерпением ждала, когда девчонка нанесет удар. Она не ошиблась в ней. Девчонка безжалостна и хладнокровна. Когда черноволосая опустила меч, Рамина стиснула кулаки в бессильной ярости. Маленькая глупая дрянь! Она обманула ожидания колдуньи. Такая же слабая и безвольная как все они. Она разочаровала колдунью. Все смертные одинаковы. Головы забиты дурацкими, бесполезными чувствами. Но эта мерзавка, хуже всех. Так яростно сражается с посылаемыми Раминй тварями. Ни один мускул на лице не дрогнет. А на самом деле слабая и глупая. Недостойная как и все остальные.

Она потеряла интерес к отряду смертных. Теперь колдунья хотела, что бы они погибли. Но теперь с ними ее пленник и твари не тронут людишек. Рамина, чувствовала, что перехитрила саму себя своим заклятием воина, которого сделала бессмертным. Да, что же это за планета. Сплошные ловушки изападни на каждом шагу. Это место проклято, иначе нельзя объяснить то, что все здесь идет не так.

Вечером Рамина вновь взглянула в волшебное зеркало. Красавица и чудовище. Это глупейшее из чувств смертных, не имеющая никакого смысла, бесполезная любовь. Кто бы

мог подумать. Но как бы не удивил такой поворот событий Рамину, она была довольна, что все сложилось именно так. Наконец она снова знала, что делать. Она продолжит игру. Смертные умрут, а ее раб, ее пленник будет страдать в тысячу раз сильнее, чем прежде.

-Ты должен убить только девочку! – Голос колдуньи наполнил огромный зал дворца.– С остальными я сама разберусь.

Рамина протянула Стражу тьмы меч. Меч, принадлежавший когда то воину, превращенному ей в отвратительное создание. Меч хранился в замке с той самой ночи, когда был убит Вариус.

-Ты убьешь ее этим мечом. А затем переломишь клинок пополам и оставишь его рядом с ней. Ты все понял?

Страж тьмы поклонился хозяйке в знак того, что он понял приказание и исполнит все в точности. Единственный ,из ее слуг, наделенный разумом. Твари были способны только убивать. Страж тьмы мог мыслить, вполне достаточно, что бы не тупо набрасываться на жертву, а делать именно то, что требует от него его повелительница. И его невозможно было убить. Это был большой плюс, хотя оказавшийся таким же бесполезным как все остальное. Рамина не раз сожалела, что именно из-за того, что она дала ему часть своей силы, то есть часть себя, он как и она не мог пересечь границу гор, отделяющих ее от страны смертных. Страж тьмы мог бы один

перебить всех обитателей страны, и Рамина была бы свободна. Но он, в каком-то смысле, был таким же пленником как она. Только в отличие от нее он не страдал от этого. У него вообще не было своих желаний и потребностей. Он был рабом своей госпожи. Послушным слугой, готовым на все и не требующим взамен ничего. Идеальное создание.

—Иди.— Приказала она. Страж тьмы бесшумно выскользнул из зала.

День шестой. Меч Зорана.

Дорога между скал становилась все менее и менее проходимой. Перед тем как отправиться в путь Зоран предупредил товарищей, что сегодняшней день будет самым трудным. Большую часть пути им придется карабкаться по обломкам скал, но к вечеру они должны дойти до большого каменного плато, в глубине которого и находится замок колдунов. Так, что завтра, если все пойдет хорошо, они к середине дня, наконец, доберутся до золотого замка. Зоран напомнил, что бы все держались поближе к нему. Твари не посмеют напасть, если он будет рядом.

Отвесные темные скалы почти смыкались над головами путников. Казалось, что уже наступила ночь. Сероватый свет почти не проникал в ущелье. Отряд пробирался почти в темноте. После того, как Гачи едва не сломал ногу, попав в трещину, между камнями Юнис попросила Рагиба раздать всем «светящиеся» палки. Одного раненого Дарко, которого по-

прежнему, несли на носилках, было вполне достаточно. Если кто-то еще не сможет идти сам, они застрянут здесь.

До обеда шли, не останавливаясь, и все совершенно выбились из сил. Юнис с тревогой посмтривала на служителя, который шел наравне со всеми, ни разу не пожаловавшись и сохраняя как всегда бесстрастное и отрешенное выражение лица. Но смертельная бледность и выступавшая на лбу испарина, не смотря на то, что было очень холодно, говорили о том, что он держится только благодаря силе своей воли. Долго ли он еще сможет так продержаться? Вдруг силы покинут его, и он уже просто не сможет идти. Насколько бы не был силен дух, возможности организма не безграничны и он может просто не выдержать, не зависимо от нежелания сдаваться. Но служитель продолжал идти, вызывая у Юнис, наряду с тревогой, восхищение и уважение подобной стойкостью.

Когда все уже чуть не падали от усталости, Зоран, шедший впереди, сделал знак остановиться. Место было не особо уютным и удобным, но Зоран знаками объяснил, что дальше будет вовсе негде сделать привал. Люди с облегчением опустились на камни.

–Проклятое ущелье!– проворчал Отино.– Я все ноги отбил об эти булыжники.

–Это потому, что у тебя ноги короткие, как и ты сам.– Не упустил случая поддеть приятеля Дакарэй.

–Вам самим не надоело?– Устало спросила Юнис. У нее не было сил даже разговаривать. Хотелось просто немного

посидеть, вообще ничего не делая, без движения.

—Лучше иметь короткие ноги, чем короткий ум.— Не остался в долгу Отино. Еще несколько минут любители поспорить и понасмешничать выясняли, что у кого какого размера, не обходя ни одну из частей тела. Юнис прикрикнула на разошедшихся спорщиков. Они притихли, но бросали друг на друга многозначительные взгляды полные презрения, мол я бы тебе показал, да скажи спасибо дочери вождя, что спасла тебя своим приказом.

Немного придя в себя, разожгли костер. Достали еду, которой оставалось немного. Если им все же суждено будет выбраться живыми, на обратном пути придется поголодать. Но это меньше всего пугало членов отряда. Главное было пережить завтрашний день, уж без еды они как-нибудь выдержат.

—А вот интересно, почему твари никогда не убегают во время сражения? Даже когда остается одна тварь, она все равно продолжает нападать, будь перед ней хоть три десятка воинов.— Пережевывая сушеное мясо спросил Гачи.

—Это потому, друг мой,— сказал премудрый Рагиб,— что у них очень маленький мозг.

Отино одарил Дакарэя насмешливым взглядом. Тот ответил неприличным жестом и не менее насмешливым взглядом. Дарко, лежавший напротив них на своих носилках, не удержался и улыбнулся. Эти двое не могут спокойно находиться рядом друг с другом.

—Да?— Удивленно посмотрел любознательный Гачи на

ученого. Рагиб улыбнулся.

—Я как-то решил узнать об этих существах побольше. Ведь в сущности о них ничего не известно, кроме того, что они ужасно кровожадны, сильны и быстры.— И вот, когда я находился в одном воинском отряде, произошло сражение и после него я сделал вскрытие одной из убитых тварей.

—Вскрытие?— Вытаращил глаза Дакарэй.— Вы хотите сказать, премудрый...

Дакарэй брезгливо сморщился и, взглянув на недоеденную порцию своего мяса, с отвращением положил остатки на мешок с продуктами. Аппетит у него пропал. Рагиб ничуть не смутившись, продолжал.

—Так, вот оказалось, что они очень примитивные создания. Совершенно отличные, от всех других существ, у которых намного более сложное внутреннее строение. Не буду углубляться в подробности.

—Да уж, премудрый, пожалуйста, не углубляйтесь.— Почти умоляюще сказал Дакарэй.

—Ой, у нашего болтуна не только голова слабое место, но еще и желудок. Бедняжка! Такой нежный весь, просто заплачу сейчас от сострадания.— Не удержался Отино. Юнис одарила его сердитым взглядом и Отино, пытаясь побороть распивший его смех, помахал руками, молчу-молчу.

—В общем, мозг тварей настолько мал и не развит, что жажда убивать и умение управлять своим телом, пожалуй единственные функции, которые он в состоянии вместить в

себя. Даже инстинкт самосохранения у них отсутствует. А без него, твари просто не в состоянии понять, что нападая на целый отряд они не получают желаемую добычу, а просто погибнут сами. У них нет страха. Но не потому, что они такие отважные, а потому, что они ужасно глупы.

Все кроме Дакарэя слушали рассказ ученого с интересом. Дакарэй сидел сердитый, из-за того что ему испортили аппетит и он не смог нормально поесть. То же нашли о чем говорить. Гадость какая!

Юнис немного отдохнула. Не особо вкусная, но питательная еда восстановила силы. Заметив в стороне от отдыхающих товарищей большой камень, одиноко торчащий между скалами, она решила отойти за него, переодеться в чистую одежду и привести себя в порядок. Урош и Зоран, хотели было пойти с ней, но она показала чистую рубашку и насмешливо улыбнулась. Провожатые смущенно вернулись обратно к костру.

Юнис зашла за камень, позади нее в скале виднелась довольно узкая щель, скорее всего вход в пещеру. Юнис положила меч рядом, на расстояние вытянутой руки. Если вдруг какая-нибудь тварь выскочит из этой щели, она успеет схватить его. Юнис сменила одежду и уже собралась вернуться к своим товарищам, когда почувствовала рядом с собой чье-то присутствие. Она не слышала никаких звуков. Но была уверена, что кто-то или что-то находится рядом с ней. Она осторожно потянулась к мечу, нащупывая рукоять и обхва-

тывая ее привычным движением руки. Одновременно с этим она повернула голову.

Существо находилось сбоку, чуть позади нее. Это не было тварью. Это было нечто, очертаниями, походившее на человека. Но на этом сходство заканчивалось. Ничего человеческого не было в том, что стояло рядом с Юнис. На стоящем за ее спиной создании был надет длинный плащ с глубоким капюшоном. Под плащом находилось не тело, не безобразное создание вроде Зорана, а какая-то непрерывно движущаяся, как будто состоящая из миллионов отдельных частиц тьма, мрак. И эта темная шевелящаяся масса казалась воплощением самого страшного кошмара, какой только можно представить. Она была живой и не живой одновременно. Она, казалось, поглощала вокруг себя то небольшое количество света, которым был разбавлен серый сумрак. Под капюшоном, на том месте, где должно было находиться лицо, если бы это существо было живым, горели страшные мертвые глаза, походившие на тлеющие угли. Существо двинулось к Юнис. Оно не шло, даже не летело над землей, оно перетекало в пространстве. Каждая частица тьмы из которых оно состояло перемещалась сама по себе и в то же время одновременно и вместе со всеми остальными. Черная масса колыхалась под плащом, очертания существа то расплывались, то вновь обретали форму и только горящие угли глаза оставались неизменными. Казалось, что они прожигают насквозь, хотя было совершенно непонятно куда именно направлен их

взгляд.

Юнис почувствовала такой ужас, какого не испытывала ни разу в жизни. Ее тело оцепенело. Ужас сдавил ей легкие и сердце, не давая дышать. Ее страшила не смерть. Она испытывала животный неконтролируемый страх глядя на надвигающуюся на нее шевелящуюся темноту. Эти страшные глаза пронзали ее внутренности ее мозг, лишая возможности мыслить. Она готова была заорать, завизжать, сделать все, что угодно, но она не могла издать ни звука. Все ее двигательные и мыслительные процессы были парализованы. Единственное, что она чувствовала и осознавала это страх. Необъяснимый, не поддающийся логике, панический страх. Существо приблизилось на расстояние вытянутой руки. Расширившимися от ужаса глазами девушка следила за страшным созданием, лишившим ее способности сопротивляться и бороться. И мыслить. Существо вытащило из-под плаща меч. Самый обычный тяжелый воинский меч. Такие, бывают у хороших воинов. Вид этого привычного и совершенно реального предмета вернул Юнис хоть каплю способности соображать. Она все еще находилась в приступе ужаса и паники. Но вновь обрела способность управлять своим телом. Она схватила свой меч и замахнулась. Существо сверкнуло своими страшными глазами и Юнис почувствовала, как ей как будто огнем обожгло руки, пальцы сами собой разжались, а ее тяжелый меч отлетел от нее далеко в сторону. Существо приблизилось еще на полшага. Шевелящаяся темная

масса была теперь прямо перед лицом девушки. Инстинктивно она подняла вверх руки, прикрывая лицо. Лишь бы не видеть этой страшной черноты, этих мертвых глаз. Юнис ожидала, что сейчас существо нанесет удар своим мечом. Она уже молила, что бы это произошло как можно скорее. Она больше не могла выносить присутствия рядом с собой этого кошмарного создания. Смерть казалась ей избавлением. Но ничего не происходило. Юнис заставила себя вновь взглянуть на жуткое создание. Существо не только не заносило свой меч для удара, собираясь убить ее, оно отступало назад. Черная масса перекатывалась теперь в обратную сторону от девушки. Юнис не могла понять, почему это создание не лишило ее жизни, но размышлять об этом у нее не было сил. Все погрузилось в темноту и отважная воительница, подобно какой-нибудь впечатлительной девчонке, впервые в жизни, лишилась чувств.

Страж тьмы занес меч для удара. Госпожа велела убить девчонку, когда она будет одна. Страж тьмы уже долго следил за путниками, дожидаясь подходящего момента. Когда девчонка отошла от других он скользнул мимо скал туда, куда пошла она. Момент был удачный. Стражу тьмы был абсолютно безразличен ужас испытываемый девчонкой. Ему было безразлично все. У него не было чувств. Не было потребностей. Его единственным предназначением было служение повелительнице. Его существование было просто существо-

ванием. Если госпожа приказывала, он исполнял приказ. Если она не призывала его и не давала какого-нибудь задания, он просто неподвижно замирал у себя в пещере. Ему было безразлично сколько пройдет времени, до того как госпожа вновь призовет его. Он мог находиться в неподвижном бездействии вечность. Для стража тьмы время не существовало, точно так же как и все остальное.

Девчонка подняла руки, закрывая лицо, и тут Страж тьмы увидел кольцо. Оно принадлежало бессмертному существу. К бессмертному нельзя было подходить под страхом смерти. Страж тьмы не боялся смерти. Но он не мог послушаться свою хозяйку. Кольцо принадлежало бессмертному и оно было на нем в момент заклания, а значит в нем тоже есть его частица. Страж тьмы не может убить девчонку. Ему придется вернуться к госпоже, если она пожелает, то даст ему другое задание. Если нет, он просто вернется в пещеру.

Из-за камня выскочили Урош и Зоран. Урош заметил какое-то движение возле того места куда пошла Юнис и они с Зораном бросились в ту сторону. Юнис лежала на камнях. Лицо ее было белое как мел, но она дышала, и кажется не была ранена. Пока Зоран смотрел на девушку, пытаясь определить в каком она состоянии, Урош заметил странное существодвигающееся по направлению к скалам. Он бросился следом. Услышав, что Урош побежал Зоран повернулся в его сторону. Если бы он мог закричать, он бы крикнул Уро-

шу, что бы тот остановился. Но Зоран мог издавать только птичий клекот. Урош не услышит его, а даже если услышит, не поймет. Зоран бросился следом за товарищем.

Урош почти нагнал одетое в длинный плащ существо.

–Эй, ты!– Загремел он, выставляя свой меч вперед.

Существо остановилось и медленно повернулось к воину.

–Вот хрень!– Вытаращив глаза и широко открыв рот только и смог сказать богатырь. Жуткое создание с горящими глазами было пострашнее тварей с их зубастыми пастями. Урош, стараясь держать себя в руках, взмахнул мечом. Он не успел ударить. Существо протянуло к нему нечто темное и шевелящееся, отдаленно напоминающее очертаниями руку. Урош еще не закончил замах мечом, а эта черная масса в виде руки, беспрепятственно вошла в его тело чуть ниже горла и опустилась вниз до самого живота. На месте движения этой странной мерзкой конечности в могучем теле воина осталась зияющая дыра. Глаза уже мертвого Уроша смотрели удивленно и как будто немного обиженно. Страж тьмы сделал шаг в сторону от падающего тела воина. В этот момент Зоран добежал до прислужника колдуньи и с громким клекотом бросился на него, пытаясь вцепиться когтями в шевелящуюся черноту. Он не мог ухватить тело, состоящее из отдельных частичек. Птичьи лапы проваливались в пустоту, но после пары неудачных попыток вцепиться в противника Зоран почувствовал, как шевелящаяся черная пустота вспыхивает и начинает гореть. Зоран отскочил в сторону. Страж

тьмы пылал голубым огнем. Черные песчинки разлетались в языках пламени, а потом вновь собирались вместе. Через некоторое время огонь погас и стража тьмы подхватил вихрь. Зоран видел как в потоке кружащегося воздуха кучка черного песка крутится и вращается из стороны в сторону, а когда ветер утих к ногам Зорана ссыпалась горсточка черной пыли, которую тут же подхватил и унес ветер. А у ног воина остался только его собственный меч, который затихающий вихрь швырнул на камни с тем, что осталось от стража тьмы.

Им не из чего было сложить погребальный костер. Уроша уложили на каменную плиту. Изуродованное тело прикрыли плащом. В могучие руки вложили любимую секиру воина. Товарищи преклонили колени, отдавая дань памяти и уважения погибшему товарищу.

– Служитель Эннайя, а те, чье тело не предано огню попадают к Светлому Зерису?– Спросил Отино. По щекам маленького воина текли слезы. Он не обращал на них внимания, не пытался скрыть своей слабости от товарищей. Урош был самым близким его другом. Его братом. И сейчас Отино не волновало, как он выглядит и, что подумают остальные.

– Конечно, Отино.– Ответил Эннайя.– Его душа уже возле Зериса. Он был настоящим воином и погиб как герой. Как же может быть иначе.

Все выглядели подавленными. Юнис была бледная и молчаливая. Пережитый ею ужас и гибель Уроша тяжело отрази-

лись на ней. Казалось, что из прекрасного лица ушла жизнь. Глаз были погасшими. Пустыми.

Нужно было уходить. Им предстоял еще долгий путь.

–Прощай, друг.– Сказал Отино, бросая последний взгляд на товарища.

Юнис подошла к Урошу и склонившись над ним, поцеловала холодный лоб.

–Мы отомстим за твою смерть.– Прошептала она.– Прощай, Урош. Ты был хорошим другом и славным воином.

Они шли до поздней ночи. С трудом пробирались по острым, скользким камням. Каждый не раз падал. Колени и локти были в кровь разбиты у всех. Но маленький отряд, ставший еще на одного участника меньше, упорно двигался вперед. Им нужно было дойти до плато. Завтра предстоял важнейший день их похода.

На небе уже давно зажглись звезды, когда скалы, наконец, начали расступаться. Впереди начиналась бескрайняя каменная долина. Они дошли.

Ночью Юнис не могла заснуть. Как только она закрывала глаза, перед ней вставало страшное существо, состоящее из тьмы. Горящие глаза устремлялись на нее и Юнис, чуть не подскакивала от ужаса. Зоран сел рядом с ней. И положил когтистую лапу на плечо.

–Почему «это» не убило меня?– Прошептала Юнис. Зоран дотронулся до кольца на ее руке и показал на себя.

—Оно не убило меня из-за того, что у меня было твое кольцо?

Зоран кивнул.

—А ты можешь убить колдунью?— Спросила Юнис. Зоран пожал плечами. Он не знал. Он убил колдуна, ее сына, но они сражались как воины. Колдун не использовал магию. Видимо он хотел победить как воин, а не с помощью колдовства. Зоран посмотрел на Юнис и увидел, что она наконец-то заснула. Во сне ее лицо расслабилось. Черты вновь обрели привычную мягкость. Ушла безжизненная отрешенность. Сейчас она выглядела очень хрупкой и беззащитной. Есть ли у них будущее? Суждено ли им вернуться на родину и жить там нормальной счастливой жизнью? Он не знал. Но сейчас, глядя на спящую рядом с ним девушку, он был счастлив.

День седьмой. Встреча с колдуньей.

Они шли по ровной каменной поверхности уже часа три. По сравнению со вчерашним преодолением сплошных каменных завалов сегодняшней путь казался легкой прогулкой. Зоран остановился, вглядываясь вдаль. Путники пригляделись. Далеко-далеко от них, над каменной равниной возвышался замок. С такого расстояния его очертания невозможно было рассмотреть. Но то, что это замок не вызывало сомнений. Над ним и вокруг него ясно было видно золотое сияние.

Высокие золотые стены, величественные башни. Голова дракона со знаком колдунов. Все это было огромным и впечатляющим. Путники встали напротив ворот. Они надеялись, что колдунья сама явится к ним. Вокруг стояла мертвая тишина. Сумрачная страна была местом, где нет ни жизни ни звуков.

Колдунья вышла из ворот замка. Она двигалась, не касаясь каменных плит. Плыла над ними. Прекрасная и страшная одновременно. Ее лишенная жизни красота пугала. Колдунья насмешливо смотрела на стоящих напротив нее людей.

Глупцы преодолевшие столько мучений, только для того что бы прийти за собственной смертью.

Девчонка. Из-за этой дряни Рамина лишилась своего верного слуги.

Маленький коротышка. Воин. Воин, которого едва не убила тварь. Еще один маленький невзрачный смертный. Он не умеет сражаться, но зачем-то пришел сюда. Остальные тоже хоть и воины, но ничего из себя не представляют.

Только двое из этой жалкой кучки интересовали Рамину. Ее пленник. Она не может его убить. Да еще теперь у него меч, которым он убил Вариуса. А значит, меч получил часть силы ее сына. Вот только какую часть? Она сама не могла этого проверить. Меч обретал силу только в руках владельца. Того кто убил колдуна. И ведь она сама, можно сказать

своими руками отдала ему этот проклятый меч. Страж тьмы и так убил бы девчонку. Но ей захотелось, что бы пленник страдал, страдал как никогда. Она и сама лишилась разума на этой проклятой планете. Сколько раз она проклинала своих мужа и брата с их желанием победить сильных и непокорных. Проклинала их страсть к игре. Проклинала неосмотрительность Вариуса, который мог убить своего противника в любой момент. Ему захотелось сражаться. Ну, потешил бы немного свое самолюбие и любопытство, поиграл и прикончил бы воина. Но нет. Тщеславие. Гордость. Желание победить. Ему нужно было победить в бою. А теперь она сама не лучше и не умнее их. Тоже решила поиграть. От скуки. От того, что она уже сходит с ума в этой проклятой клетке.

Ее пленник. Он не отступит. Упорный. Да, с ним придется повозиться. Он может стать проблемой.

Но больше всего интересовал и привлекал внимание Рамины не заколдованный ею воин. Она не сводила глаз с высокого светловолосого смертного с отрешенным выражением лица. Он был ранен. Но продолжал идти наравне с другими. Он отличался от них. Он был более далек от чувств и эмоций, чем все остальные его спутники. Он был похож на них и все же он был другим.

Рамина снова оглядела всех по очереди, а потом опять остановила взгляд на светловолосом. Да очень похож. Те же глаза, в которых не равнодушие, но отсутствие каких бы то ни было страстей. Та же отрешенность. Он как бы сам по се-

бе. Вместе со всеми и в то же время на расстоянии. У него, конечно, нет той силы и он не Высший. Но во всем остальном он вылитый Белый маг. Рамина улыбнулась. Пожалуй, его она убьет последним. Посмотрим, так ли он бесстрастен, каким хочет казаться.

-Жалкие создания. Глупые ничтожные существа. Вы так упорно шли навстречу своей смерти, что я подарю вам ее.— Голос колдуньи наполнил собой долину. Она холодно смотрела на пришедших. Они не дрогнули, но она и не ждала этого. Рамина вытянула руку вперед и приготовилась поразить своим смертоносным лучом сначала девчонку. Но в этот миг меч заколдованного воина вспыхнул голубыми и зелеными языками пламени. Рамина поняла, что не меньше половины силы ее сына перешло к его противнику. Слишком уж ярко полыхал меч. Она направила луч в черноволосую девушку, но бывший воин, превращенный ею в нелепое безобразное существо, ловко отбил его. Рамина метнула луч в другую сторону. Он оказался проворней чем она думала. Ее удар снова не попал в цель. А ведь он бессмертен. Так можно биться очень долго. А ее силы тоже не беспредельны. Она слишком долго пробыла здесь почти без пищи. Она израсходовала много сил на заклятие убийцы ее сына. На тварей, которых постоянно приходится создавать вновь и вновь, взамен убитых смертными. А восстановить потерянные силы было нечем.

Конечно, она, в конце концов, одержит верх. Бывший воин не сможет сражаться бесконечно. Он устанет, и она прикончит его спутников. Но какой ценой? Она сама может остаться почти без сил. А потом, когда все закончится, этот вояка не успокоится, он будет пытаться отомстить. И что тогда? До скончания века биться с ним? Или скрываться в золотом замке? Нет. С нее хватит. Она и так слишком долго была пленницей. Пока у нее еще есть достаточно силы, она сделает то единственное, что ей остается. Раз она не может вырваться отсюда, не может вернуться на свой любимый прекрасный Мрак, не может отомстить ненавистным ей людишкам, и уничтожить их планету, она сделает так, что бы хоть часть ее, ее энергия и оставшаяся у нее сила вернулись на планету ее предков. И когда-нибудь, когда они достаточно окрепнут, они вернутся и исполнят то что не удалось сделать ей, сотрут с лица вселенной эту жалкую ненавистную песчинку вместе с ее обитателями.

Рамина подняла руки к небу и начала читать заклинание. Странные, неизвестные терлианам слова разносились по долине. Они не знали, что задумала колдунья, но точно что-то не доброе. Сюрпризы Черных колдунов всегда грозили большой бедой.

Зоран шагнул к колдунье и хотел нанести удар мечом, но огонь на клинке угас. Его удар, не достиг цели. Меч даже не коснулся фигуры в черном плаще, воздевшей руки к небу и продолжавшей произносить непонятные слова. Рамина чи-

тала заклинание Черных колдунов о принятии их силы и энергии Мраком. В это время она была неуязвима, для всех, кроме Высших.

Голос колдуньи становился все громче и громче. Людям, стоящим напротив нее уже казалось, что барабанные перепонки сейчас не выдержат, такой гул и рев разносился по долине. Камни под ногами дрожали и то тут то там начинали кружиться воздушные вихри увлекая за собой обломки небольших камней. Рамина выкрикнула последнее слово, и от ее ладоней в небо устремился ослепительный столб света. Все кроме колдуньи зажмурили глаза от нестерпимого сияния. Сияние поднималось все выше, уходя прямо к далеким звездам.

Терлиане потихоньку начали приоткрывать глаза, пытаясь рассмотреть, что происходит. Над головой колдуньи внутри потока света начал появляться небольшой розоватый шар, похожий на студенистую слегка подрагивающую массу. Шар начал подниматься вверх. Ведьма, что-то задумала. Нужно было ее остановить.

К колдунье одновременно бросились Зоран, Отино и служитель Эннай. Каждый из них попытался достать до колышущейся розовой массы мечом. Отино едва коснувшись острием белого сияния почувствовал страшную боль и затем его отбросило на камни. Зоран ударил и попал по розовой массе, но ничего не произошло. А Эннайя, видя тщетность попыток своих товарищей, выхватил лук и пустил стрелу.

Стрела замерла перед столбом света и, повисев немного в воздухе, упала к ногам колдуньи. Еще через пару мгновений поток света как будто оторвался от рук колдуньи и стал уходить вверх, увлекая с собой колышущийся шар. Колдунья опустила руки. Черные глаза смотрели торжествующе. Прекрасное лицо начало неуловимо меняться и в какой-то момент превратилось в лицо древней-древней старухи. Страшной и злобной. Затем оно вновь обрело прежнюю красоту. Колдунья слегка покачнулась. Она медленно повернулась в ту сторону, где стоял служитель Эннайя. Она уже не могла убить всех. Даже если бы этот жалкий червяк, которого она сделала бессмертным, не мешал ей. Она умирала. Она отдала все силы потоку света и сгустку энергии, который отправится на Мрак. Хоть часть ее окажется на родной земле. Рамина улыбнулась. Она подняла руку и на мгновение замерла. На нее смотрел Вариус. Только глаза не синие, а голубые. Но затем лицо сына исчезло и Рамина увидела Белого мага. Смертоносный луч вырвался из ладони колдуньи.

—Нет!— Крик Юнис разорвал мертвую тишину долины. Все замерли. Уже ничего нельзя было сделать.

Они упали на камни одновременно. Мертвые глаза колдуньи смотрели в мертвые глаза того, кто напоминал ей самого ненавистного из живых существ. Того кого уже много столетий не было в живых, а ее ненависть к нему все это время только росла.

Зоран двинулся вперед, но почувствовал как нестерпимо

начинает выворачивать суставы. Одновременно он ощутил страшную боль в голове, череп расползлся на куски. Лицо жгло нестерпимым огнем. Боль была настолько сильной, что он повалился на камни.

Зоран услышал крик. Это был его собственный крик. Боль стала невыносимой, ему казалось, что он умирает, а так как он бессмертен, то умирать от этой боли он будет вечно, а затем она отступила, в один миг, как будто ее и не было. Зоран почувствовал удивительную легкость во всем теле. Он поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Его спутники стояли пораженно глядя на него. Зоран увидел свои руки. Обычные человеческие руки. Он дотронулся до лица. Рот, растягивающийся в улыбке. Нос, глаза, брови. Волосы, а не перья и рога на голове. Колдунья была мертва. Заклятие потеряло силу. Он встал и встретился глазами с Юнис. Ее щеки слегка покраснели. Она знала его, и в то же время он был для нее незнакомцем. Зоран взял ее за руку, и они вместе подошли к распростертому на камнях Эннайе. Служитель лежал широко раскинув руки. Ярко-голубые глаза были, как всегда, безмятежны, их застывший отрешенный взгляд был устремлен вдаль.

Юнис опустилась рядом с ним и заплакала. Она больше не была воительницей. Все закончилось. Теперь она была просто женщиной. Она потеряла доброго друга и оплакивала его. И всех остальных, кто погиб в этом походе ради жизни и свободы всех своих братьев.

«...А потом они выбирались из Сумрачной страны. У них не было больше защиты от тварей, так как заклятие с Зорана было снято, и твари могли беспрепятственно нападать на него и на его спутников. Но они больше не нападали. Несколько раз темные тени промелькнули между камнями, но даже не предприняли попытки приблизиться. Возможно, со смертью их госпожи, их существование и предназначение убивать все живое, потеряло смысл. Путь был трудным, но это был путь домой. Путь к счастью. К свободе. К свету. И маленький отряд прошел его, почти с радостью преодолевая каждое препятствие, потому, что каждый сделанный ими шаг приближал их родной земле.

Спустя несколько дней, уставшие, голодные, израненные, но счастливые уцелевшие члены отряда героев, наконец, вновь ступили на родную землю.

Их встречали и чествовали как героев и победителей. Восторженные, счастливые, благодарные жители встречали, одержавших победу, со слезами радости на глазах. Седые воины низко склонялись перед участниками похода, в знак уважения их мужеством и отвагой.

Дарко впервые в жизни не смутился девичьих взглядов, обращенных на него. Он, наконец, преодолел свой страх. Правда, его лицо обезобразили глубокие страшные шрамы, оставленные тварью, но девушки смотрели на отважного героя с не меньшим восхищением, чем раньше.

Дакарэй, шагал чуть ли не в обнимку с Отино. С момента гибели Уроша они как бы заключили перемирие и больше не цеплялись друг к другу. Оба воина без усталости одаивали улыбками радостно махавших им красавиц. Дакарэй подмигивал направо и налево, сверкая великолепными белыми зубами. Отино посылал воздушные поцелуи, и каждый раз обязательно получал ответный...»

На одном из привалов Дакарэй неожиданно обратился к друзьям.

—Я должен на время покинуть вас. Но очень скоро мы встретимся.— Широкая улыбка озарила его лицо.

—И куда же собрался наш герой, очаровавший уже пол Терлы?— улыбнулась Юнис.

—Я дал одно обещание, и теперь должен его выполнить.— Улыбнулся Дакарэй.— Обещания должны выполняться, а иначе можно накликать беду.

Юнис, склонив голову на бок, недоверчиво смотрела на приятеля. Неужели, славный Дакарэй, наконец, повзрослел, и решил взяться за ум?

—Судьба?— смеясь, спросила она. Дакарэй кивнул.

—Судьба. Может правда? Я часто вспоминал ее в Сумрачной стране. Эти огненно-рыжие волосы не давали мне замерзнуть в этом проклятом холоде.— Засмеялся он.

—Какое счастье! Больше не буду видеть постоянно твою глупую ухмыляющуюся физиономию.— Обнимая, друга на прощание, сказал Отино. Дакарэй засмеялся.

– Не грусти, коротышка, я вернусь! Обещаю.

– Удачи, Даккарэй! – Крикнули вслед отъезжающему товарищу его верные друзья, с которыми он пережил столько трудных и опасных приключений и прошел намеченный путь до конца.

– Я вернусь! – Крикнул Даккарэй и помахал им рукой.

– Помни, обещания должны выполняться! – Донесся до него голос дочери вождя. Даккарэй улыбнулся, и пришпорив турлонга поскакал навстречу своей судьбе.

«...Гачи радовался и гордился, что их встречают как величайших из героев, но душа его рвалась скорее в Маасдарму. К жене. К его любимой Эринэ.

Рагиб рассеянно поглядывал по сторонам, улыбался, махал рукой, а потом вновь склонялся над своими записями и забывал обо всем. Он старался описать все виденное в Сумрачной стране. Все встреченные разновидности горных пород, которые остальные считали совершенно одинаковыми камнями, просто может быть разного цвета. Рагиб хотел бы набрать образцов для исследований и даже собирался ради этого попроситься с одним из воинских отрядов, которые Юнис хотела отправить в Сумрачную страну, что бы перебить всех оставшихся тварей, от греха подальше. А то кто их знает. Сегодня они не нападают, а завтра нападут. Такое на Терле уже было. Не стоит рисковать, тем

более в то время когда только-только начинается новая жизнь. Когда не нужно каждую секунду озираться и прислушиваться, ожидая нападения.

А Юнис и Зоран. Они были просто счастливы. В их сердцах жила любовь.. И они ничего не замечали вокруг. Они проделали навстречу друг другу долгий и тяжёлый путь. И теперь им просто хотелось быть вместе. Просто жить и радоваться. Они ехали по пыльной дороге бок о бок, держась за руки и не в силах оторвать своих взглядов друг от друга.

Был великий праздник в честь возвращения и победы. Была свадьба дочери воительницы Юнис и Великого героя Зорана. Были радость и счастье, не омраченное больше ни какими бедами, и сознание того, что, наконец, начинается долгожданная мирная, спокойная жизнь в красивейшей стране на прекраснейшей из планет.

Так заканчивается история Великого похода в Сумрачную страну совершенными отважными героями Терлы. Стоит еще отметить, что после того как все твари были перебиты и страна зажила мирно и спокойно, впервые за долгие столетия, терлиане решили отказаться от использования магии. Хотя их умения и способности в этой области были не так уж сильны, и они и раньше пользовались ими не часто, но они твердо решили вовсе обходиться без нее. Потому, что порой все это волшебство может привести к очень

большим бедам».

Первый Советник.

Светало. Голубые лучи мягким светом ложились на землю, прогоняя ночные тени. Дартмур потер глаза и бережно отложил книгу. На его губах играла улыбка. «А ведь возможно все так и было. Каким бы невероятным это ни казалось». Это было смелое и странное утверждение, но он был Первым Советником Объединенной Империи. Он не боялся смелых и странных утверждений. За свою карьеру он чего только не навиделся. В большинстве, казалось-бы, очевидных вещей, в которых не было ничего необычного и с которыми он сталкивался каждый день, было больше вымысла и неправды, чем в невероятной истории из старинной рукописи. Он верил в этот народ. Все действительно могло быть так, как описано в книге. Он был на планете два дня, но он уже успел узнать ее обитателей. Конечно, вся эта история с колдовством. Довольно далеко от реальности и здравого смысла. Но с другой стороны, разве то, что огромной империей состоящей из сотен тысяч планет, управляет горстка не самых достойных и выдающихся живых существ, менее нелогично и не правдоподобно чем история с колдовством? И это ведь никого не удивляет. Все воспринимают это как само собой разумеющееся. Хотя сейчас Дартмуру казалось, что это самое противоестественное и нереальное явление из всего, что только существует во вселенной. Нет, колдуны и маги

вполне могли существовать. То, чего мы не знаем, что нам не знакомо и отличается от привычного и обыденного, совсем не обязательно является вымыслом. Да и чем отличается тот же Велики Командор вместе с Верховным Советом от Черных колдунов? Количество планет, уничтоженных Объединенной Империей, наверняка, ничуть не меньше, чем тех, что уничтожили эти то ли вымышленные, то ли реальные существа. Правители империи не владеют премудростями колдовства и магии. Но им это и не нужно. Один взмах руки Великого Командора и не то, что планета, целая галактика может превратиться в ничто. Так, что же более нереально? И главное, кто же большие злодеи, сказочные персонажи или стоящие у власти разумные существа?

Дартмур выглянул в окно. «Хорошее утро». Он потянулся, мышцы затекли от долгого сидения на одном месте.

Обитатели дворца собрались проводить гостя. На всех лицах были улыбки. Только вождь стоял немного напряженный и его улыбка напоминала те, к которым Дартмур привык на своей планете и на тех планетах куда его направляли с миссиями, как Первого Советника. Неестественная и неискренняя улыбка.

– У нас принято, когда гость покидает дом, если он остался доволен, и хозяева смогли ему угодить, он дает хозяевам и дому благословение.— Вождь пристально смотрел на Советника. Дартмур сделал шаг вперед и протянул руку вождю.

–Я благословляю твой дом и твой народ, так радушно и так хорошо принявший меня, вождь. Живите также счастливо и свободно всегда.– Дартмур широко улыбнулся и Векеса улыбнулся в ответ, на этот раз совершенно искренне и дружелюбно.

–Мы всегда будем рады тебе, Советник Дартмур.

Пробираясь сквозь серый полумрак катер проплывал над темными вершинами скал. Картина, представавшая перед Советником, разительно отличалась от того, что он видел по ту сторону гор. Неприветливая безжизненная страна. Камень и лед, все как описано в книге. Ни одного проблеска жизни. Дартмур направил катер в центральную часть Сумрачной страны.

Впереди расстилалась ровная каменная пустыня. Скалы остались позади. Плоская каменная плита невероятных размеров, простиралась на огромное расстояние. А вдали серый сумрак освещало золотистое сияние.

Катер подлетел совсем близко. Золотой замок поражал своими размерами. Камни, кое где, осыпались за прошедшие тысячелетия. Но замок все равно выглядел величественно. Дартмур подумал, не стоит ли посадить катер и осмотреть «колдовской замок» изнутри. Не стоит, решил он после недолгих раздумий. Некоторых вещей лучше не знать. В жизни должны быть некоторые тайны. Облетев замок со всех сторон, Советник развернул катер и направил его в сторону

гораздо более приятной части удивительной планеты.

Дартмур снял обувь и снова погрузил ноги в синюю прохладную воду озера. Как же хорошо! Какое прекрасное место. Позади, послышался шум, и из-за леса показалось стадо чудных животных, покрытых длинной белой шерстью свисающей с боков до самой земли. Звери были крупные, а их морды имели удивительно трогательное выражение, за счет больших темных носов треугольной формы и больших, немного на выкате, печальных глаз. Животные медленно шли, пощипывая на ходу голубую травку. Из-за леса показались трое всадников, на не менее странных и даже смешных животных. Дартмур улыбнулся. Все здесь или красиво или забавно. Хорошее место. Всадники заметили его и помахали. Дартмур помахал в ответ.

—Добрый путник, не присоединишься ли к нам? Мы собираемся перекусить. Почтем за честь... — Дартмур рассмеялся и не услышал окончания фразы. Но это было не важно. Он и так знал, что хотел сказать пастух. Дартмур взял свои ботинки и босиком пошел к располагающимся на отдых пастухам. «Конечно, присоединюсь. Вам, Терлианам, невозможно отказать» — радостно подумал он, чувствуя, как приятно щекочет голые ступни мягкая трава.

Стадо животных, которых здесь называли миусами медленно двигалось по голубому полю, уходя все дальше и дальше от того места, где стоял Дартмур. Он долго смотрел вслед,

скорее всего, последним, повстречавшимся на его пути, жителям чудесной планеты. Пора было возвращаться на корабль. Астон, наверняка уже исправил систему навигации. Он работающий малый. Дартмур улыбнулся. Он уже давно так много и так часто не улыбался.

Катер вынырнул из-под укрытия деревьев и плавно поплыл над землей в сторону корабля.

–Навигационные системы работают Советник.– Сообщил Астон, крайне обрадованный, что командир вернулся, целый и невредимый и можно, наконец, покинуть странную, неизвестную планету.

–Как далеко мы от границ Империи?– поинтересовался Дартмур.

–Нас далеко забросило. До границы дня четыре пути, не меньше.

Советник улыбнулся.

–Не выходи на связь пока мы не достигнем границ.– Сказал он. Помощник удивленно покосился на него, но ничего не сказал. Приказы не обсуждаются. Их просто выполняют.

–А как Вы думаете, Советник, нас наградят, за то, что мы нашли новую планету для империи?– не удержался от вопроса Астон.

–Нас не наградят. Потому, что мы не нашли никакую новую планету для империи.– Покачал головой Дартмур.

–А как же...– Астон непонимающе смотрел на своего ко-

мандира.

—Эта планета не подходит Империи. Там нет залежей полезных ископаемых. И там нет работников, которые будут трудиться на благо Империи.— Сказал Дартмур.

—Но вы же говорили, что там есть разумные существа. Какой-то народ...— от растерянности Астон даже забыл, что правила запрещают вступать в спор или обсуждение со старшим, если только тот сам не начнет это обсуждение.

Дартмур ничего не ответил. Он достал из кармана комбинезона свой блокнот и протянул Астону.

—На, вот, почитай, займись, для разнообразия, чем-то более увлекательным, чем прокладывание маршрута и отслеживание правильности курса корабля. Я сам поведу.

Астон взял блокнот и скользнул пальцем по экрану. Советник снял копии с какой-то старой потрепанной книги. Может, там, на планете что-то в воздухе или в воде. Советник вернулся какой-то странный. Не такой как обычно. Астон начал читать. Странный или не странный, но он командир, и он отдал приказ, а значит нужно выполнять и читать.

—Теперь ты понимаешь, что жители найденной нами планеты не годятся для Империи.— Забирая свой блокнот у помощника сказал Дартмур.

Астон неуверенно пожал плечами.

—Так это же сказка.

—Это легенда.— Поправил Советник.

–Какая разница. Легенда это тоже по большей части выдуманная история. Значит тоже сказка.– В очередной раз забывшись, снова вступил в спор помощник.

Дартмур рассмеялся.

–Так и сама планета тоже сказочная, неужели ты не заметил? А какие же истории могут быть на сказочной планете, конечно же, только сказочные.

– Вы даже не будете докладывать Совету о найденной планете?– осмелился предположить Астон.

–Угадал. Не буду.– Легкомысленно ответил Советник.

–А если проверят бортовой журнал?

Советник протянул руку и нажал на панель бортового журнала. Он пару раз провел пальцем по экрану.

–Нет никакой планеты, и не было.– Сказал он.

Астон изумленно смотрел на своего начальника.

–Вы стерли запись?– прошептал он, как будто опасаясь, что их могут услышать.

Дартмур снова рассмеялся.

–Нет, конечно. Это же преступление. Разве Первый Советник может совершить преступление?

Астон глядя на него остекленевшими глазами помотал головой. Его мозг отказывался воспринимать то, что произошло с его командиром. Он находящийся на самой вершине власти. Человек, обладающий неограниченными возможностями, по одному слову которого целые армии вступают в войну и расправляются с непокорными народами. Он стер

запись о маленькой планетке и пошел на преступление, за которое, если об этом станет известно, он попадет под трибунал, как предатель, и если его и не казнят, то он лишится всего. Астон не мог понять, ради чего Советник так рискует. Конечно, он никому никогда ничего не скажет. Но Советник ведет себя неосмотрительно. Чем так повлияла на него эта маленькая странная планета, поросшая голубой травой и фиолетовыми деревьями. На взгляд Астона, совершенно ничем не примечательная.

–Советник, позвольте задать Вам вопрос.– Робко сказал Астон.

–Позволяю. Задавай, друг мой.– Весело ответил, явно сошедший с ума Советник.

–Почему вы это делаете? Чем эта планета так привлекла Вас. Так... околдовала...– Астон совсем смутился.

Дартмур сидел в кресле, закинув ногу на ногу и широко улыбался.

–Ты, наверное, решишь, что я сошел с ума. Да ты и так уже это решил.– Дартмур снова расхохотался, увидев, как залились румянцем щеки помощника.– Вспомни, что говорят мне на любой из планет, куда меня направляет Совет.

Астон не сразу понял, что собственно он должен сказать.

–Вам говорят...– он неуверенно взглянул на Советника и тот кивнул в знак одобрения, мол, давай, валяй дальше.– Приветствуем Вас, господин Первый Советник, Великого Командора Объединенной Империи свободных миров лиги

галактик.

–Точно! И смотрят заискивающе и с подобострастием. Они не рады моему появлению. Они боятся его. Они лебезят и всячески стараются мне угодить. Из страха или ради выгоды. Но никто из них не рад. Они боятся и даже ненавидят меня. А знаешь, что сказали мне обитатели планеты, когда я пришел к ним? «Приветствуем, тебе добрый путник. Окажи нам честь, будь нашим гостем». Они не знали кто я и откуда. Они просто были рады мне. Понимаешь? Я мог быть властелином вселенной, а мог быть никем. Самым ничтожным и незначительным изо всех существ. Им было все равно. Они были рады мне.

Астон во все глаза смотрел на Советника. Неужели, для человека, перед которым склоняется вся империя важнее, что какие-то существа с неизвестной планеты просто обрадовались его появлению?

–Пойдем мой добрый путник.– Улыбнулся Дартмур.– Я угощу тебя куском дивного пирога, который дали мне в дорогу мои новые чудесные друзья. Поверь, ничего подобного ты еще в жизни не пробовал.

Когда последние крошки пирога были тщательно подобраны с красивой, вышитой вручную салфетки, в которую он был завернут заботливыми терлианками, Дартмур вновь обратился к своему подчиненному.

–Знаешь, Астон, я всегда считал, что ты не способен занять пост Советника. Но теперь, я думаю, что ошибался. Ко-

гда мы вернемся, я замолвлю за тебя словечко перед Советом и перед Великим Командором. Обещаю.

–Благодарю.– Прошептал ошеломленный Астон. О таком, он, даже мечтать не смел.– Если меня назначат Младшим Советником, Вы позволите, сопровождать Вас во время миссий и дальше?

– Друг мой. Первое, что я сделаю, это устрою твое повышение. А второе...– Дартмур замолчал, поддразнивая Астона и разжигая его любопытство.– А второе – попрошу Совет об отставке.

Был еще один вопрос, не дававший Первому Советнику покоя. Макдармс. Почему это имя показалось ему знакомым. Дартмур включил систему информации, где хранились все сведения, вся существовавшая информация, связанная с Объединенной империей. Это было фантастическое по объему хранилище знаний, информации, документов и всего, что только могло содержать хоть какие-то сведения и упоминания об империи.

На экране системы возникло приветствие и просьба представиться. Дартмур ввел свое имя. «Приветствую Вас Первый Советник Дартмур. Чем могу вам помочь?»– поинтересовалась бездушная, но чрезвычайно вежливая программа. Дартмур ввел имя «Макдармс». Система несколько секунд помедлила «Эта информация скрыта. Для доступа к ней нужно являться членом Верховного Совета. Вы являетесь членом Верховного Совета Первый Советник Дарт-

мур?». «А как ты думаешь, тупая ты железяка? Если я Первый Советник, то являюсь я членом Верховного Совета или нет?»— несколько раздраженно подумал Дартмур. «Да»— написал он на экране. «В целях безопасности и во избежание утечки информации, согласно инструкции о порядке получения секретной и скрытой информации введите личный код доступа Первый Советник Дартмур»— попросила программа. «В Объединенной империи и шагу нельзя ступить без какой-нибудь инструкции»— ухмыльнулся Советник. Он ввел свой персональный код, дающий ему доступ абсолютно ко всему, кроме, может быть личного счета Великого Командора. «Благодарю!»— обрадовалась программа. Экран мигнул и через секунду на нем появился текст. Информация об интересующем Дартмура человеке.

«Алистер Макдармс. Родился в 5824 межгалактическом году на планете Сентрея Центральной галактики Объединенной империи. Умер (система не располагает точными сведениями)

А. Макдармс – ученый-исследователь. Занимался поиском и исследованием новых, неизученных планет.

Открыл планеты с разумными формами жизни в галактиках LZ-15 и АМС-4. Был награжден за свои открытия орденом Империи «За особый вклад в науку и освоение новых земель».

С 5851м.г. по 5867м.г. – Возглавлял Главный научно-исследовательский межгалактический центр.

На основе научных трудов Макдармса была создана система поиска и распознавания звездных систем и планет, пригодных для жизни, а также планет с уже имеющимися формами жизни.

Автор учебных пособий, научных трактатов и справочников по исследованию и изучению космического пространства. (далее шел длинный список всех трудов А. Макдармса, который Первый Советник решил не читать).

Дважды награжден орденами «Героя битв с космическими интервентами» и орденом «За особую отвагу»

Во время гражданской войны Империи в 5866-5867м.г. выступал на стороне президента и сил федерации. После Великого переворота в 5867м.г. и установления единственно верной и законной власти Верховного Совета и признания верховным правителем Великого Командора А.Макдармс встал на сторону оппозиции и приверженцев федерации. Руководил проведением митингов и маршей протеста на ряде планет бывшей Империи. А также был активным участником и организатором волнений на нескольких планетах империи.

В 5867г. после «чистки» неблагонадежных и неверных интересам империи граждан и переименования Империи в Объединенную Империю свободных миров лиги галактик А.Макдармс был активным участником движения «Свержения тирании» – экстремистской организации, нацеленной на подрыв законной власти Верховного Совета, свержение Ве-

ликого Командора и развал Объединенной Империи. Решением трибунала Верховного Совета организация была признана террористической и все ее члены приговорены к различным срокам заключения. А.Макдармс был приговорен к 20-ти годам поселения в колонии 3-го разряда. Отбыв в колонию, Макдармс не явился в пункт назначения. Незаконно вернувшись в центральную галактику Объединенной империи А.Макдармс продолжил свою подрывную незаконную деятельность. Был объявлен в розыск, как государственный преступник.

В 5868м.г. после начала колонизаций галактик, соседствующих с Объединенной Империей А.Макдармс руководил сообществом «Борцов за свободу», деятельность которого была направлена на подрыв законно установленной власти Верховного Совета. Активно выступал против колонизации, провозглашая власть Великого Командора и Верховного Совета как тиранию и призывая население к бунту и свержению законной власти.

В 5868г. А.Макдармс был признан предателем и преступником против законной власти Объединенной Империи, и ее жителей, и приговорен трибуналом Верховного Совета к смерти. Великий Командор как величайший гуманист и борец за счастье и процветание возглавляемой им Объединенной Империи лично изменил приговор на пожизненное заключение в одной из колоний Объединенной Империи, со строжайшим надзором за преступником. Приговор не был приведен в

исполнение, т.к. А.Макдармсу удалось скрыться. Дальнейшая его судьба неизвестна. Предположительно он покинул пределы Объединенной Империи, т.к. его поиски на которые были брошены все силы розыскных и военных служб Объединенной Империи ни к чему не привели.

В 5869г. ради блага Объединенной Империи и в интересах ее обитателей имя предателя и общеимперского преступника А.Макдармса было исключено из всех научных и исследовательских трудов, из учебных пособий и из всех документов, к которым имелся доступ у лиц не владеющих правом ознакомления с засекреченной информацией. Упоминание и ссылка на А.Макдармса как на ученого было признано преступлением и запрещено. А.Макдармс был лишен всех полученных наград и ученых степеней. Все ранее признанные заслуги за вклад в научно исследовательскую работу признаны неправомерными и незаслуженными.

Данная информация строго секретна и запрещается к разглашению. Несоблюдение данного требования будет рассцениваться, как преступление законов Объединенной империи и рассмотрено Трибуналом Верховного Совета по статьям: Несоблюдение законов Объединенной Империи. Разглашение тайн общеимперского значения. Пособничество в распространении ложных учений и взглядов, подрывающих процветание и безопасность Объединенной Империи и, ее граждан. А также по особо тяжким статьям: Пособничество и участие в подрывной и террористической деятель-

ности. Выступление против законной власти Объединенной империи. Предательство. Угроза интересам и процветанию Объединенной Империи.

Документ составлен в 5869м.г. Прошел цензуру и признан действительным: в 5881м.г., в 5919м.г., в 5996м.г., в 6494м.г., в 7125м.г.

В 8013м.г. данному документу присвоен статус «Действителен вечно. Доступ только для членов Верховного Совета».

«Вот так Макдармс, Странник, пришедший со звезд»— Ухмыльнулся Дартмур. Он, наконец, вспомнил, откуда ему было знакомо это имя. На одном из заседаний Верховного Совета Великий Командор, сравнил вождя какого-то взбунтовавшегося племени в одной из колоний Империи с предателем Макдармсом. Две с лишним тысячи лет прошло, а «странник со звезд» не дает покоя тем, кто дрожит от страха за свою власть и несметные богатства, прикрываясь по любому поводу интересами и безопасностью Империи, и ее граждан.

Корабль летел сквозь темное пространство, с каждой минутой приближаясь к границам великой Объединенной Империи. Находящиеся, на борту корабля, думали о совершенно разных вещах. Один мечтал о том, как сбудется его мечта о восхождении на первую ступень власти и могущества. А второй думал о том, как, наконец, избавится от своей непомерной власти, мешающей ему просто наслаждаться жизнью

и чувствовать себя счастливым. Он думал о маленькой планете и ее обитателях. Что, возможно, когда он, наконец, станет свободен, он вновь оправится туда и проведет остаток своих дней среди обитателей этой планеты. Счастливых и свободных, возможно последних счастливых и свободных во вселенной. Он еще молод и, кто знает, возможно, он даже встретит там свою судьбу. Чего только не бывает в этой жизни.

А где-то очень далеко в совершенно другой части бескрайней вселенной. На планете Мрак, где в лучах ослепительно яркого света, не дающего ни капли тепла, стоят только горы и расстилаются бескрайние снежные равнины, в большом темном замке, принадлежавшем когда-то представителям рода Черных колдунов, медленно, но неотвратно растет сгусток колдовской энергии. Постепенно он набирает силу. В центре пульсирующей полупрозрачной розовой массы виднеется, что-то живое, ждущее своего часа, что бы вырваться на свободу. И иногда, кажется, что странная пульсирующая масса делает вдох, а затем выдыхает из себя одно единственное слово «Терла»...